

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Р.ГАМЗАТОВА»**

На правах рукописи

Махмудов Хаджимурат Ахмадуевич

**ПЕЙОРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

5.9.8 – «Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Дибиров Ибрагим Ашрапудинович,
доктор филологических наук, профессор

Махачкала, 2026 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	11
1.1. Категория пейоративности в лингвистике: основные подходы к исследованию.....	11
1.2. Категория пейоративности в аварском языкознании	24
1.3. Пейоративные фразеологические единицы как объект лингвокультурологического и сопоставительного анализа	37
1.3.1. Оценочная функция пейоративных фразеологизмов	39
1.3.2. Репрезентация национальной языковой картины мира в аварских и русских пейоративных фразеологизмах	51
1.3.3. Феномен этнической самокритики в пейоративных фразеологических единицах	61
ВЫВОДЫ	68
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВАРСКИХ И РУССКИХ ПЕЙОРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ	70
2.1. Оценочная модальность сквозь призму пейоративных фразеологических единиц аварского и русского языков.....	70
2.2. Особенности вербализации пейоративной оценки в аварских и русских фразеологических единицах.....	74
2.3. Когнитивные основания образности аварских и русских пейоративных фразеологизмов в сопоставительном аспекте.....	84
2.4. Роль пейоративных фразеологических единиц в репрезентации аксиологических доминант в аварской и русской лингвокультурах.....	96
2.4.1. Концептуализация внешнего вида	97
2.4.2. Концептуализация лени.....	110
2.4.3. Концептуализация глупости	132

2.4.4. Концептуализация лживости	156
2.4.5. Концептуализация ненасытности	169
2.4.6. Концептуализация невоспитанности.....	179
ВЫВОДЫ	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	200

ВВЕДЕНИЕ

Еще в XIX веке немецкий философ и языковед Вильгельм фон Гумбольдт отметил, что язык, будучи организованной, направленной деятельностью человека, пронизан чувствами, и представления человека зависят от его языка [Гумбольдт 2000].

Актуальность высказанных ученым идей в условиях современной антропоцентрической парадигмы несомненна. Язык и речь, будучи мотивированной, целенаправленной деятельностью человека, невозможны без эмотивной окраски. Она является неотъемлемой частью человеческой коммуникации, поскольку присутствует в любой деятельности. Эта окраска может быть систематизирована и исследована в качестве объекта изучения. Поэтому пока психологи утверждают, что эмоции, выражаемые людьми, универсальны и отражают общий человеческий опыт в понимании психической деятельности, лингвисты расширяют данное предположение и утверждают, что посредством эмоции можно выразить как отношение к познавательной деятельности, так и дать оценку деятельности и ее исполнителю.

Степень разработанности проблемы. Проблема изучения фразеологических единиц в аварском и русском языках вызывает постоянный интерес у отечественных исследователей, в частности, исследование отдельных свойств, структурных особенностей, этимологии, синтаксического функционирования большого количества категориальных классов дагестанских фразеологизмов [А.З. Абдулаева, 2002; З.Г. Гасанова, 2000; А.С. Дибирова, 2006; Э.М. Исаева, 2019; Л.А. Мисиева, 2022; М.Р. Рамазанова, 2000; М.Н. Халилова, 2010 и др.]. Некоторый пласт работ содержит описание и анализ национально значимых особенностей, этнокультурных концептов, нашедших выражение во фразеологии [П.А. Магомедова, 2006; С.И. Магомедова, 2009; Д.С. Самедов, Р.А. Магдилова, 1990; С.К. Сулейманова, 1990; Р.Д. Шакирова, 2006]. Сравнительно-сопоставительному анализу

русских и английских пейоративных фразеологических единиц посвящена диссертация С.В. Лескиной [Лескина, 2010]. В диссертационном исследовании З.Г. Абдуразаковой анализируются компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и русском языках, выявляется их лингвокультурная специфика [Абдуразакова, 2014].

В проводимом исследовании мы разделяем точку зрения о том, что «одна из ключевых ролей принадлежит гипотезе об антропологической природе фразеологизмов, характеризующих различные стороны познавательной деятельности людей, в том числе качество и оценку этой деятельности и ее субъектов» [Лескина, 2010: 28].

Актуальность диссертации. Актуальность диссертации обусловлена значимостью для сравнительно-сопоставительной лингвистики исследования аварских и русских фразеологических единиц, обладающих пейоративной оценочной коннотацией. Данная работа позволяет выявить универсальные закономерности и этнокультурные характеристики, проявляющиеся в лексике и фразеологии разносистемных языков.

Следует отметить, что важность и своевременность данного исследования обусловлена тем, что на настоящий момент в аварском языкознании отмечается недостаточная изученность аварских фразеологизмов в аспекте их пейоративной оценочной коннотации как с позиций их статуса в аварском языкознании, так и сравнения с другими языками, не описаны базовые понятия «пейоратив», «пейоративность» и «пейоративная коннотация», также не установлены взаимоотношения данных понятий с другими языковыми категориями, не исследовались их специфические характеристики.

Значимость данного исследования объясняется недостаточной разработанностью рассматриваемой темы в сфере дагестанской лингвистики, отсутствием в авароведении понимания различий между понятиями негативной и негативно-оценочной (пейоративной) коннотации, поскольку

существует неоднозначная трактовка данных терминов в концептуальном аппарате между понятиями позитивного и негативного.

Объектом исследования являются аварские и русские пейоративные фразеологические единицы.

Предметом исследования является лингвокультурная специфика структуры и семантики аварских и русских фразеологических единиц с пейоративной коннотацией.

Материалом послужили языковые данные, полученные путем сплошной выборки из фразеологических словарей русского и аварского языков, текстов художественной литературы и периодической печати. Также были использованы данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Объём авторской выборки составил 1393 единицы пейоративных фразеологизмов русского языка и 1707 единиц пейоративных фразеологизмов аварского языка

Гипотеза исследования состоит в том, что сопоставительный анализ пейоративных фразеологических единиц (ПФЕ) аварского и русского языков позволяет выявить универсальные и этноспецифические аксиологические доминанты, определяющие систему ценностей и антиценностей в аварской и русской лингвокультурах, а также установить специфические механизмы вербализации пейоративной оценки.

Цель исследования заключается в выявлении и описании лингвокультурных особенностей функционирования аварских и русских пейоративных фразеологических единиц.

Задачи диссертационного исследования соответствуют поставленным целям:

1. Раскрыть и обосновать понятия «пейоративность», «пейоративная коннотация» с позиций современной лингвистической науки.
2. Определить статус категории пейоративности в аварской и русской фразеологии.

3. Выявить и описать роль пейоративной коннотации в противопоставлении позитивного и негативного в аварском и русском языках.

4. Осуществить комплексный лингвистический анализ эмпирического фразеологического материала для выявления его лингвокультурных особенностей, подтверждающих ценность и значимость категории пейоративности.

5. Определить особенности вербализации пейоративной оценки в аварских и русских ФЕ, проанализировать дистрибуцию лексическо-семантических репрезентантов в разносистемных языках.

6. Установить роль пейоративных ФЕ в проекции аксиологических доминант и трансляции концептуальной и языковой картин мира с выявлением универсальных и этноспецифичных языковых особенностей их реализации.

Теоретической основой исследования послужили концепции ученых-лингвистов, изложенные в научных трудах по лингвокультурологии [С.Г. Воркачев, 2003; Н.А. Лукьянова, 1986; И.И. Туранский, 1990; Р.И. Сутаева, 2007; Г.Г. Слышкин, 2000 и др.]; теории метафоры [В.К. Харченко, 1992; А.П. Чудинов, 2001; А.С. Дибирова, 2006 и др.]; проблемам исследования категории пейоративности [Н.В. Пазыч, 1986; И.И. Кремих, 1987; Н.Б. Савинкина, 1987; В.И. Карасик, 2001 и др.]; категории эмотивности [Б.А. Ларин, 1974; П.Б. Шахбанова, 2006; В.И. Шаховский, 2008 и др.]; категории оценочности [Н.Д. Арутюнова, 1988; Е.М. Вольф, 1985; Н.П. Идрисова, 2007 и др.]; русской фразеологии [Н.Ф. Алефиренко, 2008; В.В. Виноградов, 1977; Л.П. Гашева, 1999; В.И. Зимин, 2003; В.М. Мокиенко, 1996; Т.Е. Помыкалова, 2006; А.В. Свиридова, 2008; В.Н. Телия, 1995; А.М. Чепасова, 2000; Л.П. Юздова, 2009 и др.]; аварской фразеологии [А.С. Дибирова, 2006; Н.П. Идрисова, 2007; М.М. Магомедханов, 1989, 1990; М.-Б.Д. Хангереев, 1989].

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория пейоративности, представленная в аварском и русском языках на всех языковых уровнях, характеризуется групповой структурой

смежных понятий, при этом в аварских пейоративных фразеологизмах ярко проявляется межкатегориальное взаимодействие пейоративности, эмотивности и экспрессивности.

2. Универсальные и этноспецифические особенности аварской и русской лингвокультур системно реализуются в категории пейоративности на фразеологическом уровне. Различия между аварскими и русскими пейоративными фразеологизмами детерминированы расхождениями в способах концептуализации и категоризации негативного опыта в лексической семантике.

3. В аварском и русском языках при вербализации негативно-оценочной коннотации в рамках фразеологических единиц продуктивны вербальные компоненты абстрактно-номинативного плана, но в аварских фразеологических единицах частотны символы-объекты материального мира, обладающие большим потенциалом пейоративности и передающие специфику мироощущения носителей аварского и русского языков.

4. Для русских пейоративных фразеологических единиц в сравнении с аварскими характерна более высокая степень полисемичности и биэмотивности, при этом у многих русских пейоративных фразеологических единиц данные категории не всегда имеют однозначную корреляцию – некоторые полисемичные русские пейоративы могут быть моноэмотивами.

5. В фокусе пейоративной оценки в аварском и русском языках оказываются доминантные ценности культуры, актуализирующие социальные и межличностные отношения, моральные нормы, которые образуют ядро концептосферы. Вместе с тем степень отчужденности, уничижительности при отклонении от этических правил при выражении оценочности в разных лингвокультурах приобретает специфичную модальность.

Научная новизна исследования. Впервые осуществлен комплексный сопоставительный анализ пейоративных фразеологических единиц аварского и русского языков в лингвокультурном аспекте, что позволило выявить универсальные и этноспецифические особенности вербализации негативной

оценки. Обоснован и определен научный статус категории пейоративности в аварской фразеологии. Раскрыт и описан феномен фольклорных пейоративов аварского языка, негативная оценочность которых детерминирована отклонением от этнокультурных аксиологических норм и устоев. Изучены и охарактеризованы особенности аварских и русских пейоративных фразеологических единиц, репрезентированные отвлеченными понятиями (абстрактные) и конкретными объектами, предметами и процессами (материальные).

Методы исследования. Реализация данного подхода осуществляется применением таких методов и приемов, как метод лингвистического описания, сравнительно-сопоставительного анализа, структурно-компонентного анализа, лексико-семантического анализа, элементов статистического анализа.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что диссертация вносит определенный вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологии, сравнительно-сопоставительной лингвистики, сопоставительной фразеологии; расширяет научное представление о способах номинации, источниках образности и ключевых семантических доминантах аварских и русских пейоративных фразеологических единиц в сопоставительном аспекте. Значимым в теоретическом плане представляется обоснование статуса категории пейоративности во фразеологической системе аварского языка.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов исследования в вузовских курсах лингвокультурологии, сравнительно-сопоставительной лингвистики, фразеологии аварского и русского языков, межкультурной коммуникации и переводоведения.

Апробация. Основные результаты и положения диссертации были представлены в виде выступлений и докладов на всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях.

По результатам исследования опубликовано **10** научных статей, включая **6** статей в изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Категория пейоративности в лингвистике:

основные подходы к исследованию

Высказанная В. фон Гумбольдтом и его последователями идея о внутренней форме языка [Гумбольдт, 2000] нашла свое продолжение в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа [Whorf, 1956], что дало импульс для формирования научного понятия «языковая картина мира».

Понятие «языковая картина мира» было введено в научную терминологическую систему американским лингвистом Л. Вайсгербером [Вайсгербер, 2009]. В последнее время языковая картина мира стала одной из наиболее актуальных тем отечественного языкознания.

В.А. Маслова называет такие характерные признаки языковой картины мира, как антропоцентричность и пейоративность [Маслова, 2001].

Первый из названных признаков – антропоцентричность – предполагает необходимость постоянного учета человеческого фактора, что естественно в рамках действующей антропологической парадигмы.

Анализ определений понятия пейоративности, второго признака языковой картины мира, приведенного в словарях лингвистических терминов, показывает, что словари ограничиваются краткими дефинициями, которые представляют собой перечисление свойств пейоративного характера (напр.: «Словарь лингвистических терминов») [Ахманова, 1969]. Некоторые словари не содержат этого термина (напр.: «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой (1990), «Краткий словарь лингвистических терминов» В.А. Виноградова (1995)). Приведем некоторые определения понятия «пейоративность»: «направленность языкового выражения на дискредитацию денотата; ухудшение значения в отношениях мелиоративный-пейоративный» [Никитина, 1978: 93]; «отрицательная оценка,

придающая неодобрительный оттенок значения (например, уничижительные суффиксы). Инженеришка, книжонка, старикашка» [Розенталь, Теленкова, 1985: 169]; «[от лат. *reior* – худший] лингв. уничижительный, бранный, неодобрительный» [Кузнецов, 1998: 327; Жеребило, 2010]; «пейоратив – слово с отрицательной экспрессивно-оценочной коннотацией, уничижительное или бранное название» [Русский орфографический словарь, 1999]; «пейоративность – 1. обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией. 2. сообщающий слову отрицательную коннотацию» [Ахманова, 1969].

Зачастую определение либо просто охватывает обширный пласт неодобрительных слов и является общим определением, либо неопределенно повествует о пейоративности, утрачивая при этом доходчивость и ясность.

В современной отечественной лингвистике термин «пейоративный» до недавнего времени не получал однозначного толкования. На настоящий момент «пейоративный» определяется как: «содержащий отрицательную оценку, придающий неодобрительный оттенок значения» [Розенталь, 2008]; «уничижительный, депрециативный, детериоративный, неодобрительный, обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией» [Ахманова, 1969]; «выражающий негативно-эмоциональное отношение говорящего к предмету или явлению окружающего мира, которые являются объектом номинации, либо к адресату высказывания» [Ковалевская, 2008].

Некоторые ученые отмечают расплывчатость дефиниции исследуемого феномена и считают, что назначение лингвистических пейоративов – это «оскорбление, унижение, выражение презрения, ненависти, злобы в адрес слушающего» [Ульянова, Хлыстунова, 2021].

В.Н. Крупенченко рассматривает в качестве пейоративов эмоционально-оценочные единицы, обладающие коннотативной отрицательной оценкой, не тождественной сниженной стилистической окраске [Крупенченко, 2013].

С.В. Лескина характеризует пейоративность как «... свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и наносит этический, моральный или физический ущерб представителям социума» [Лескина, 2010: 32].

Исследование негативно-оценочной коннотации сформировало три основных подхода к рассмотрению и интерпретации феномена пейоративности.

Представители первого подхода – Х. Бусман, В.И. Карасик, С. Краль, Л.В. Сафонова – рассматривают пейоративность с точки зрения оценочного отношения говорящего к объекту денотации и его прагматического намерения [Ковалевская, 2008: 9]. Данный подход изучает пейоративность в широком понимании и противопоставляется рассмотрению пейоративности в узком понимании. Представители первого подхода относят к пейоративам идеологизированную лексику и инвективы.

В.И. Карасик разделил пейоративы на две обширные группы: общие пейоративы и специальные пейоративы.

Общие пейоративы представлены группой слов, обладающих общим инвективным значением, выражающим оценочно-статусные отношения.

«В аварском языке к этой категории можно отнести такие слова, как – кьватІульажо, кьватІуш (внебрачный ребенок, ублюдок, подкидыш), хьурумсахь (негодяй, мерзавец, подлец), духь (дебил), имансиз (негодяй).

К общим пейоративам при этом можно отнести дурак – ахІмакъ, остолоп – хІехь, идиот – гІабдал, то есть лексические единицы, относящиеся к литературной норме, но демонстрирующие приниженный социальный статус личности в обществе» [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

Общим пейоративам В.И. Карасик противопоставляет специальные слова с отрицательной оценкой [Карасик, 2002], Н.Б. Савинкина конкретизированную негативность [Савинкина, 1987: 5], С.Ю. Потапова частноаспектные (частнооценочные) пейоративы [Потапова, 2003: 172].

Специальные (конкретизированные, частноаспектные пейоративы) фокусируются вокруг одного определенного признака. «Зачастую в объекте номинации выделяется даже группа одинаковых признаков, которые находят лингвистическое выражение: вархІа – наглец, хІехь – болван, а также пейоративами-переосмыслениями, не потерявшими образную мотивацию: гажал гъараб гьеду (беззубая ворона – о человеке, потерявшем зубы), капураб больон (свинья – общая оценка), лахІушайтан (грязнуля – частная оценка)» [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

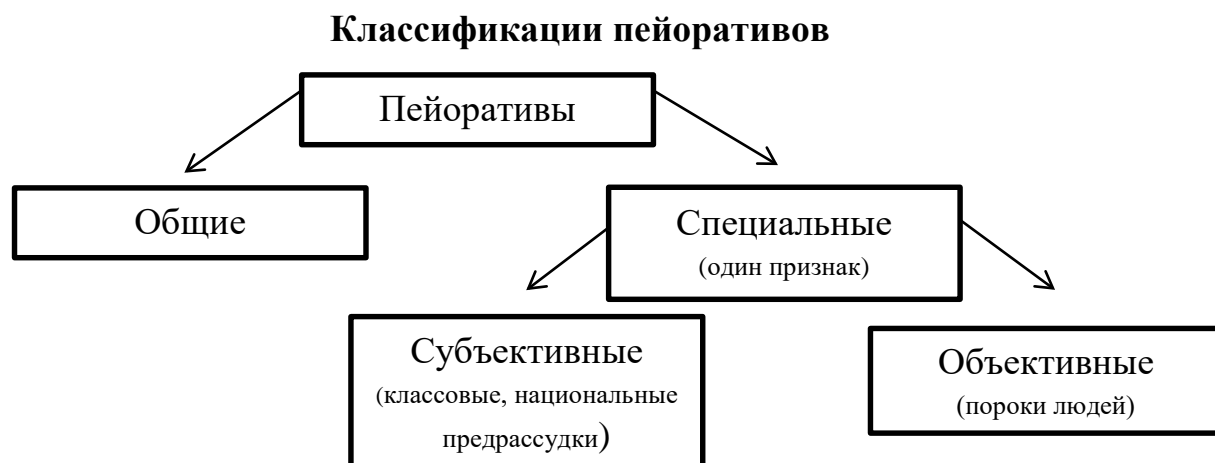
Специальные пейоративы дифференцируются на субъективные и объективные. К субъективным относятся лексемы идеологической и аксиологической маркированности, выражающие классовые, национальные или расовые стереотипы, что обуславливает контекстуальную зависимость и оценочную амбивалентность их интерпретации. Данная группа характеризуется варьированием стилистического регистра – от табуированной до иронической или шуточной лексики, – имея в своей основе этнокультурные предубеждения. «Внутренняя форма таких слов показывает, какие исходные признаки затрагиваются словарными субъектами речи: гъизалбаш – иранец (гъиз – сажа); занжияв – негр; къажар – перс и др. Обличение представителей чужого народа происходит по причине действующей внутри человека примитивной схемы: «чужой – опасный», «чужой – нелепый». Случайное негативное проявление представителя иной нации возводится в абсолют и распространяется на всю народность. Например, в аварском встречается поговорка: «ЛъарагІазул бузайин абунни, кигІан гьекъаниги мехтулареб жо буго» – «Кумыкская буза такой напиток, сколько ее ни выпьешь – не опьянеешь». Или русское: «Незванный гость хуже татарина». В данных случаях

инвектива обуславливается этническими отличиями» [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

К числу слов субъективно-пейоративного значения относятся также презрительные наименования людей по социальному статусу. Например, это слова типа рахъухъирщ – обыватель, хъул-хъалам – чернь. Адресованные инвективы могут быть индивидуальными и собирательными. Собирательные инвективы нисходящего статусного вектора как бы лишают объект права на индивидуальность (хІелхІелдачал – подхалимы, хъантІараб бацІ, хъантІараб чи – большие скряги).

«В группу объективных пейоративов входят лексические единицы со значением объективных пороков людей, объективных человеческих недостатков: «жадность – барахщин», «лживость – гьерсахъанлги», «глупость – ахІмакълги», «лень – кІвахІаллги», «упрямство – къедаллги», «распушенность – пасакълги» [Махмудов, 2013: 122-126].

Схема 1.

По мнению В.И. Карасика, «классификация человеческих недостатков, отраженных в значении объективных пейоративов, обладающих соответствующей коннотацией, может быть построена на различных основаниях» [Карасик, 2002: 115-118]:

1) по признаку социальной опасности противопоставляются:

– качества, вредные для общества (*сихІур* – хитрец, *ламарт* – предатель, *пасикъ* – развратник);

– качества, вредные в первую очередь для самого человека (*axIмакъ – глупец, къехъ – тряпка, гIоргел – неряха*);

2) по признаку контролируемости можно сравнить поступки и проявления характера, за которые человек:

– должен отвечать (*намусгъечI – наглец, клигъумер – лицемер, гъекъолдухъан – пьяница*);

– не должен отвечать (*синукъаб – зануда, бегIукъ – урод*);

3) по признаку универсальности разграничиваются характеристики, которые могут быть присущи большому классу или малой группе людей (*гIахъучIчи – болтун, гуда – холуй, трус, хIиллачи – шарлатан*);

4) по признаку определимости можно сопоставить отрицательные качества:

– первичного порядка (*адабгъечI – нахал, хIалихъат – негодяй*);

– вторичного порядка (*гIабдал – идиот, безумец*);

5) по признаку инициативности контрастируют пороки, выделяемые обличителями или ответчиками (*кIвахIал – лентяй, бацI – перен. паяц, клоун, вахъна – ничтожество, хIелхIелчи – подлиза, рахъухъириц – домосед*).

Семантика пейоративов обладает оценочным компонентом, как утверждает В.И. Карасик. «Она подразделяется на два основных типа. К первому типу относится онтологическая отрицательная характеристика личности. Второй тип представлен этической отрицательной характеристикой личности» [Карасик, 2002: 228-230].

Некоторые особенности личности, например, интеллектуальная несостоятельность, отсутствие энергии, лень, несправедливое отношение к другим и самолюбование формируют определенный статус человека в социуме, что и является причиной возникновения вокруг него пейоративного отношения.

В.И. Карасик считает, что «остальные пейоративные характеристики связаны с этикой, то есть соответствуют или не соответствуют моральным и этическим нормам, а также социальным нормам поведения в обществе.

Этические пейоративные характеристики применимы к людям, нарушающим законы, проявляющим неуважение к другим людям, как активное, так и пассивное. Активное неуважение проявляется как преступное посягательство и умышленное нарушение установленных законов (юридических и моральных)» [Карасик, 2002: 233] (*хъачагъ* – грабитель, *хӀенчеро* – задира, *хӀарамзада* – мошенник, *адабгъечӀ* – нахал, *ххвелчи* – ханжа). Пассивное неуважение трактуется как унижение другого человека со стороны объекта оценки, невыполнение обязанностей и пренебрежение мнением людей со стороны объекта оценки (*кӀвахӀал* – лентяй, *гъардухъан* – попрошайка, *гъекъелчи* – пьяница, *пасикъ* – развратник, *хъантӀел* – скряга). Этическая оценка выносится тому, кто словом или действием проявил неуважение к людям» [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

Далее В.И. Карасик отмечает, что «онтологические и этические основания недостатков могут зачастую пересекаться и в результате сливаться в сложное единство. Например, хвастовство может быть следствием таких качеств индивида, как глупость, неуважение к другим людям и невоспитанность.

По внешнему проявлению характера выделяются болтуны, грубияны, ворчуны, нахалы, гордецы, рохли, нытики, паяцы, подлизы, доносчики, зануды, любопытные, придиры, упрямы, бездельники, халтурщики, задиры, трусы, предатели, мошенники, убийцы, воры, пьяницы, наркоманы, обжоры, развратные люди, неряхи, пижоны, попрошайки, скряги и транжиры.

По внутренней человеческой сущности выделяются люди, которым не хватает ума, инициативы, активности и уважения к другим людям. Подавляющее число пейоративов осуждает поступки и качества, в основе которых лежит неуважение к людям, презрение к системе ценностей общества» [Карасик, 2002: 67].

Классификация, предложенная В.И. Карасиком, является достаточно точной, претендует на полноту демонстрации пейоративности. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, она имеет недостатки, так как не все

негативное можно назвать пейоративом. Как утверждает В.М. Мокиенко, «не все бранное обценно и, наоборот, не все обценное – бранно» [Мокиенко, 1986: 50-73]. Таким образом, не все негативное является пейоративным, но все пейоративное является негативным.

С.В. Лескина подчеркивает: «...Основной причиной пейоративного отношения являются, во-первых, качества, поступки и характеристики, которые отклоняются от общепризнанной нормы, во-вторых, те поступки, качества и характеристики, которые не случайны, а спровоцированы и созданы именно личностью, которая могла бы, но не сочла необходимым и обязательным другой вид поведения, и которые могут быть изменены не извне, а изнутри, через воздействие на мышление индивида» [Лескина, 2010: 24]. Отсюда следует, что бранные слова и обценная лексика не могут иметь пейоративную коннотацию ввиду отсутствия мотивации объективно-отрицательного характера предмета, о котором выражается мнение объекта, о нем говорящего. В этом плане бранные слова сродни междометиям, поскольку назначение их – выражение эмоций.

Употребление табуированных бранных слов имеет своей целью выражение сильных негативных эмоций. В этом случае нельзя говорить о том, что бранное слово выражает эмоционально-негативную оценку объекта номинации, поскольку таковая отсутствует. Н.Д. Арутюнова в книге «Аспекты семантических исследований» пишет: «Отрицательная оценка, по-видимому, обладает большей тенденцией к отрыву от свойств референта, чем положительная. Окончательный отрыв от действительности превращает отрицательную оценку в ругательство; ругань выражает только отрицательное отношение говорящего к объекту оценки. Она не нуждается ни в основании, ни в критерии оценки» [Арутюнова, 1980: 162-163].

В рамках первого подхода пейоративы определяются как лексические единицы, выражающие негативные эмоции, при этом проводится их четкое разграничение с инвективной (бранной) лексикой и выражениями ненормативного характера.

Сторонники второго подхода (Р. Конрад, А.Ф. Мюллер, К. Хойпель) интерпретируют пейоративность как формальное снижение ценностного статуса объекта денотации. Ключевым критерием для этой научной школы является семантический сдвиг: пейоративами признаются лишь те единицы, значение которых эволюционировало от нейтрального или позитивного к негативному. Исходя из этого, инвективная лексика исключается из корпуса пейоративов, поскольку ее отрицательная коннотация является изначальной, а не результатом смысловой деградации. Таким образом, пейоративная лексика определяется здесь как слова, чье основное значение было ухудшено в результате определенных языковых процессов. Вместе с тем подобная трактовка представляется дискуссионной. Как справедливо отмечается в научной литературе, сущность пейоративности заключается не в «ухудшении» значения слова как такового, а в негативной оценке самого денотата, явления или его несоответствия социальным нормам [Ковалевская, 2008: 7-8; Лескина, 2010: 24].

Дальнейшее исследование и интерпретация феномена пейоративности в русском языке дало предпосылки для появления третьего подхода. Его представители (О.С. Ахманова, В.Д. Девкин, И.И. Кремих, Н.Б. Савинкина, Н.П. Шibaева и др.) объединяют в своем подходе точки зрения представителей двух предыдущих. В качестве типичного определения пейоративности, предлагаемого представителями третьего подхода, можно привести определение пейоративности Н.Б. Савинкиной: «Пейоративность – сложное, динамическое языковое явление, представляющее собой снижение качественно-ценностной характеристики семантики слова в результате критического отношения говорящего к предмету оценки» [Савинкина, 1987: 2].

По мнению С.В. Лескиной, третий подход более объективен и корректен, так как в нем отмечается критическое отношение говорящего к предмету оценки, а также выделяются ценностные шкалы, демонстрирующие механизм пейоративности [Лескина, 2010: 26]. Данный механизм, включающий три

шкалы: стилистическую, общечеловеческую и персонологическую, был описан В.Д. Девкиным при изучении немецкого языка [Девкин, 1979: 179-180].

Наиболее последовательной и обоснованной выглядит концепция, изложенная в диссертации Н.Б. Савинкиной «Пейоративное словообразование в современном немецком языке (на материале имени существительного)» [Савинкина, 1987]. Отличительной чертой пейоративов Н.Б. Савинкина называет «коммуникативно-прагматическую способность вызывать в человеческом сознании негативные эмоциональные реакции и выражать неодобрительное отношение к тому, что ими обозначается.

Лингвистическая пейорация, по мнению Н.Б. Савинкиной, включает разнообразные процессы снижения:

- качественно-ценностное снижение денотата, в котором выделяются негативные признаки;
- принижение объекта оценки посредством непочтительной формы, подчеркивающей неприятие негативной стороны;
- ухудшение понятия с высоким ценностным ранжированием или внеоценочного понятия;
- интенсификация негативности» [Савинкина, 1987: 6].

По мнению Н.В. Пазыч, «любой пейоратив актуализируется в противопоставлении норме в плане отхождения от общепринятого понимания того, что допустимо» [Пазыч, 1986: 5]. В целом пейоративная оценка может быть сведена к следующей классификационной схеме, которая была впервые предложена Н.В. Пазыч. Для удобства она представлена в виде таблицы.

Таблица 1.

Классификация пейоративной оценки по типу отклонения от нормы

№	По типу признака	В русском языке	В аварском языке
1.	Несоответствующий социальной норме	лицемерный	кИгьумерав
		неверный	гьересияб

		деланный	батГулаб
2.	Несоответствующий моральной норме	резкий	къачIаб
		непристойный	къабихIаб
		коварный	ламартаб
		низкий	къадараб
3.	Неудовлетворяющий определенным требованиям	бедный	мискинаб
		злой	ракIквешаб
		плохой	квешаб
		отвратительный	балканаб
		гадкий	нажасаб
4.	Несоответствующий ожидаемым результатам: а) несоответствие своему назначению	неудобный	квеГенльи гьечIеб
		напрасный	ГIададасеб
		безуспешный	чIобóгояб
	б) несоответствие определенному моменту	устаревший	басри-маГияб
		неаккуратный	вакIа-вахари гьечIев
	в) несоответствие ввиду своей неправильности	ненужный	къваригIелгьечI
		бесполезный	пайдагьечI
5.	Несоответствующий своему целевому назначению	неподходящий	къаГIида гьечIеб
		ненормальный	ГIадаб
6.	Несоответствующий требованиям в параметрическом плане	вычурный	пасатго берцинаб
		неполноценный	ГIувачIев
		излишний	кIваричIеб
		ненасытный	хъанТIараб

М.А. Кашеева, рассматривая пейоративность на примере прилагательных, утверждает, что «пейоративное употребление свойственно не всем семантическим разрядам прилагательных, а лишь лексико-семантическим вариантам, содержащим в своей структуре значение психологической, моральной или нравственной оценки» [Кашеева, 1974: 64].

Представители третьего направления предлагают более полную интерпретацию термина «пейоративность», выделяя четкие критерии определения пейоративов из общего корпуса языковых единиц.

Будучи ранее незатронутой темой, пейоративность для дагестанского языкознания является перспективным направлением исследования. Возникает вопрос об особенностях демонстрации категории пейоративности в аварском языке, о том, как она представлена. Определенные изыскания в этой части проведены в смежных областях.

М.И. Магомедов и А.Ф. Мирошникова, исследуя экспрессивное словообразование аварского языка, обращают внимание на отношения между формой и содержанием производных слов, обладающих оценочным компонентом значения. Они выдвигают гипотезу, что это ряд производных слов, частично мотивированных по форме и содержанию однокоренными производящими, но с «особыми» условиями их появления. Ряд состоит из производных слов, которые имеют помимо конкретных значений также и аффективный компонент, связанный с эмоциями говорящего, носителя того или иного языка. По их мнению, словообразовательная модель таких производных аварских слов напрямую связана с экспрессивностью речевого акта. Экспрессивные средства и приемы словообразования обусловлены особенностями оформления компонентов аффективного речетворчества [Магомедов, Мирошникова, 2010: URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/07-CaucasusConference/pdf/final%20abstracs%20Russian/MagomedovMiroshnikovAbstract.pdf>].

Если речевая экспрессивность свойственна производным лексемам аварского языка, то ею могут обладать и иные аварские языковые знаки, что, в свою очередь, предполагает возможность оценочного суждения в аварском языке. Наличие оценочного суждения обуславливает и возможность негативно-оценочной и пейоративной коннотации.

Методологической проблемой в исследованиях пейоративности остается недостаточная аргументированность ряда теоретических положений. В научной литературе наблюдаются разночтения в определении соотношения категорий отрицательного и пейоративного. Ряд авторов (Сафонова, 1985; Шibaева, 1988; Чеславская, 1989) противопоставляет эти понятия, трактуя отрицательное как логическую, а пейоративное как экспрессивно-эмоциональную категорию. Иная позиция заключается в рассмотрении пейоративности как составного компонента негативно-оценочного. Представители этого подхода (Н.П. Колесников, Е.А. Корнилов, Н.В. Коробова, А.В. Шевляков) фактически отождествляют негативное и пейоративное, противопоставляя их мелиоративному. Третий подход, представленный в работе С.В. Лескиной, предлагает более строгое разграничение: не все слова с отрицательной коннотацией являются пейоративами, и, в свою очередь, не только пейоративная лексика способна вызывать отрицательные эмоции [Лескина, 2010: 31].

Проведенный анализ существующих классификаций и дефиниций позволяет сделать вывод, что, несмотря на значимые расхождения, все они в той или иной степени апеллируют к общей системе этических, социальных и моральных норм, включая статус личности. Именно нарушение этих норм признается исследователями ключевым фактором, детерминирующим формирование пейоративного отношения. Во многих лингвистических исследованиях выдвигается гипотеза, что обозначения «плохого» более дифференцированы, чем обозначения хорошего», и что в языке «есть более разнообразные средства для детальной классификации плохих поступков

человека, чем хороших, плохих черт характера, чем хороших и т.п.» [Вольф, 1986].

Лексемы с пейоративной коннотацией являются специфическим подмножеством слов с негативной оценкой. Основным источником пейоративности выступает сам индивид с характерными недостатками, которые осуждаются обществом [Лескина, 2010: 28].

Анализ существующих научных работ демонстрирует, что, несмотря на наличие солидной теоретической базы по исследованию пейоративности в русском языкознании, в дагестанском языкознании наблюдается лакуна в изучении данной категории. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что наиболее релевантным и методологически обеспеченным полем для выявления специфики пейоративности в аварском языке является фразеология. Высокая степень экспрессивности и эмоциональной насыщенности, присущая большинству аварских устойчивых выражений, предоставляет обширный материал для анализа свойств пейоративности. Методологической основой для такого исследования служит детально разработанный аппарат описания механизмов функционирования фразеологических единиц в трудах ведущих специалистов по дагестанской фразеологии (А.З. Абдуллаев, З.М. Абдурагимов, С.Г. Гаджиев, С.Н. Гасанов, А.Г. Гюльмагомедов, К.Х. Даибов, М.-Ш.А. Исаев, А.Г. Караев, М.Н. Кураев, М.М. Магомедханов, М.Р. Рамазанова, А.Р. Рамалданов, М.-Б. Д. Хангереев и др.).

1.2. Категория пейоративности в аварском языкознании

Попытка систематического выяснения общих черт понятия «категория» была предпринята еще в античной философии. В своем трактате «Категории» Аристотелем было выделено десять основных категорий: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и претерпевание. Результатом его трудов также стало следующее

определение: «Категория – общее определение бытия, научные понятия, 9 родов бытия и высказывания о сущем. Категории обнаруживают различное содержание и связь сторон сущности, являются наиболее высшими отвлечениями, а поэтому и наивысшей формой суждения об объективном мире» [Аристотель, 1939]. Современные толковые словари определяют категорию как:

– «научное понятие, отражающее наиболее общие свойства и связи реальной действительности и познания; родовое понятие, обозначающее разряд явлений, предметов или наиболее общий их признак; понятие, отражающее характерные свойства восприятия действительности в какой-либо среде; группа однородных предметов, явлений или лиц, объединенных общностью каких-либо признаков» [Ефремова, 2006: 422].

– «некоторый признак, лежащий в основе разделения совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [Гуськова, Сотин, 2003].

– «наиболее общие, фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания, образовавшиеся как результат обобщения исторического развития познания и общественной практики» [СЭС, 1983: 558].

Существует много определений понятия «категория», и с точек зрения лингвистики и философии, однако все они так или иначе формулируют определение, данное Аристотелем, которое является фундаментальным. Анализируя все определения понятия «категории», можно сделать вывод, что категория в сознании определяется как «понятие-суждение высочайшей степени отвлеченности, отражающее взаимосвязь и взаимообусловленность реалий объективной действительности и познания и участвующее в процессе категоризации в качестве понятийного узла, характеризующегося общностью признаков и свойств, составляющих ее основу» [Лескина, 2010: 35].

В аварском языке, так же, как и в русском, функцией пейоративности является выражение критики и неодобрения нарушителей моральных норм. При этом прослеживается четкая связь пейоративности в языке с категориями эмотивности, экспрессивности, оценочности и отрицания.

Пейоративность представляет систему, предполагающую рассмотрение представителя определенного социума, выступающего в роли объекта, как множества взаимодействующих элементов, к которым можно отнести его статус в обществе и мнение о нем других представителей данного общества. Под составом, структурой и организацией данных элементов можно подразумевать качества и характеристики, присущие данному человеку, степень соотнесенности релятивированных и личных регулятивов и их оценку по аксиологической шкале, по которой они соответствуют пейоративной оценке.

Пейоративность в лингвистике является категорией, так как:

– пейоративность является одной из наивысших форм суждения об объективном мире, в которой суждение выражено через пейоративную оценку, а объективный мир – через поступки и качества представителей социума;

– пейоративность отражает существенные, всеобщие отношения явлений действительности (поступки и качества личности) и явлений познания, образовавшиеся как результат обобщения исторического развития познания и общественной практики (моральные и социальные нормы поведения, принятые в определенном социуме);

– пейоративность представляет собой структуризацию смежных понятий, объединенных общим свойством пейоративности, вербализованных языковыми единицами пейоративной семантики» [Лескина, 2010: 35].

С.В. Лескина рассматривает пейоративность как лингвистическую категорию, ввиду того, что пейорация может быть «выражена на всех этажах языка – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом и

синтаксическом». Таким образом, категория пейоративности должна быть представлена на всех уровнях аварского языка.

Фонологический уровень

«Слово, произнесенное с презрительной, язвительной интонацией, может стать пейоративом. Например: «ЭвгІан *гьалбацІ* киданиги дандчвачІо» – «Такого *храбреца* никогда не видел» [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

На письме пейоратив может передаваться с помощью кавычек, которые показывают, что слово с нейтральным или мелиоративным (положительно-оценочным) значением употреблено в переносном смысле. Передача неодобрительной интонации может осуществляться в письменной речи выделением ударного слова курсивом, жирным шрифтом, написанием прописными буквами.

Морфологический уровень

На данном уровне пейоративность может передаваться через словообразовательные способы пейорации: деривацию при помощи пейоративных суффиксов и префиксов, словосложение при помощи неполнозначных пейоративных основ, образование пейоративов с помощью пейоративного сращения, пейоративного усечения, субстантивации. Например: *гьерес* – *гьересичи* (ложь – лжец), *яxІ* – *яxІгьечІ* (честь – бесчестный), *гьекьел-мехтел* – пьянство» [Там же].

Грамматический уровень

Сюда можно отнести использование собирательных существительных: *мунагь-хІакъалъул агьлу* – сборище грешников, *тІохол бо* – чернь, беднота, где форма единственного числа обозначает множество в собирательном смысле [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

Уничижительная коннотация может быть выражена с помощью слов, употребленных в определенном контексте. Для этого, к примеру, достаточно упомянуть, что единственным положительным качеством человека является

его внешность. В таком случае можно говорить о том, что пейорация выражена и на **синтаксическом уровне**.

«Поскольку пейоративность может проявляться во всех языках, значит, категория пейоративности обладает межъязыковым характером, подтверждает проявление ею третьего признака лингвистической категории. Функционирование в речи определенной лингвистической категории означает обладание единицами языка, представляющими данную категорию, признаками, соответствующими ей. Иными словами, функционирование в речи категории пейоративности указывает на существование единиц, обладающих свойством пейоративности в системе языка, а также на распределение их по определенным классам, параметризация которых опирается на свойство пейоративности» [Лескина, 2010: 38].

Категория пейоративности в аварском языке обладает признаками, присущими **лингвистическим категориям**, так как языковые элементы, представляющие категорию пейоративности, распределяются по группам на основании наличия у них общего свойства – пейоративности.

«Пейоративность выражается языковыми единицами на различных уровнях языка, представляющими различные системы, и предполагает объединение пейоративных единиц языка в непересекающиеся классы, соответствующие определенным логико-предметным номинациям.

Пейоративные высказывания обладают контролирующей функцией, так как **контроль** проявляется через поступки и действия человека, влияющие на желательные изменения в объекте. Контролирующая функция пейоративных высказываний заключается в оценке представителями социума поведения адресата, то есть под желательными изменениями подразумевается корректировка его взглядов и поступков. Актуализация в пейоративных высказываниях контролирующей функции доказывает наличие второй облигаторной составляющей прагмалингвистики» [Лескина, 2010: 45].

Функционирование пейоративного высказывания детерминировано соблюдением базовых постулатов коммуникации. Его воздействующий

потенциал, направленный на коррекцию поведения адресата, реализуется лишь при наличии ряда условий: действительного отклонения от социальных норм, четкой аргументации предъявляемых претензий и прямой вербализации недовольства, то есть открытой критики. Таким образом, категория пейоративности, ключевыми параметрами которой являются сила воздействия, ориентация на коммуникативные максимы и контролирующая функция, органично интегрируется в поле прагмалингвистики.

В теории референции прагматическое значение интерпретируется как «значение говорящего». При этом предусматривается, что интенция адресанта, воздействуя на адресата, заставляет его узнать данное намерение. Прагматическая установка трактуется как «материализованное в тексте осознанное намерение отправителя сообщения оказать соответствующее воздействие на получателя» [Левковская, 1990: 25-30].

С.В. Лескина констатирует: «В пейоративном высказывании интенция адресанта, заключающаяся в выражении критики поведения адресата с целью его коррекции, воздействуя на него, заставляет его определить данное намерение. Пейоративное высказывание обладает прагматической установкой, т.е. материализованным в тексте (вербализованным) осознанным намерением отправителя сообщения оказать соответствующее воздействие на получателя» [Лескина, 2010: 46].

Категория пейоративности – «одна из наивысших форм суждения об объективном мире, в которой суждение проявляется через осуждение и критику, а объективный мир – через поступки и качества представителей социума. Категория пейоративности отражает существенные, всеобщие отношения явлений действительности (поступки и качества личности) и явлений познания, образовавшиеся как результат обобщения исторического развития познания и общественной практики (моральные и социальные нормы поведения, принятые в определенном социуме); она представляет собой структурированную группу смежных понятий, вербализованных единицами языка, объединяемых общим свойством

пейоративности, которые обладают перлокутивной силой, контролирующей функцией и коммуникативными максимами, что обуславливает ее прагмалингвистический статус» [Лескина, 2010: 50-51].

В каждом обществе «существуют определенные правила, по которым оценивается поведение в данном социуме, и нарушение этих правил является нежелательным. В обществе складываются определенные социальные конвенции, в рамках которых устанавливается разница между добром и злом, положительными и отрицательными факторами, релевантными для представителей данного общества» [Ретунская, 1996: 28].

Степень жизнеспособности общества определяется его моралью. Мораль – это социальный капитал, который базируется на принципах морали или нравственных принципах. Моральные нормы получают свое выражение в виде заповедей морального сознания, обращенных от имени всех ко всем. Иными словами, аморальное для общества поведение проявляется через вредные для общества пороки [Геркаулова, 2013; Фукуяма, 2004: 133].

«Моральные нормы – наиболее простые формы выражения нравственного требования, образцы поведения, сформулированные в виде единичного частного предписания как общего закона поведения; моральные нормы являются продуктом исторической практики общества, в котором всегда существует объективная потребность, чтобы в определенных, часто повторяющихся ситуациях люди вели себя однотипным образом» [Кондрашов, URL: http://samlib.ru/k/kondrashow_w_a/st42.shtml].

«В историческом прошлом мораль и нравственность не только у народов Дагестана, но и почти у всех цивилизаций предшествовала писаным законам, то есть нормам обычного права. Во многих случаях зачастую моральное наказание имело большую силу воздействия на члена общества по той причине, что пренебрежение общепринятыми моральными установками приводило к потере уважения в обществе.

По этому поводу в горах сложилась поговорка: «Не тот бедняк, кто богатство потерял, а тот, кто достоинство потерял». Моральный кодекс у

аварцев получил лаконичное название «*яхI-намус*», под которым принято понимать такие морально-нравственные ценности и этические нормы, как совесть, честь, достоинство, справедливость. Традиционным для дагестанской семьи всегда был культ старших, мужчине во всем дагестанском обществе оказывали подчеркнутые почести и уважение, в свою очередь, женщину характеризовала скромность» [Мурадов, 2010: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xhszrj&ysclid=m9zxdbcik6362757889>].

В свое время существовали свято оберегаемые моральные нормы и традиции. Взрослые были хранителями знаний, навыков и опыта, выработанных предыдущими поколениями. Участник Кавказской войны русский офицер Ф.Ф. Торнау отмечал: «Лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан встать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кротко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила» [Торнау, 2000: 52].

Вместе с тем при сравнении ценностных ориентиров со списком основных грехов и добродетелей можно заметить, что грехи являются противопоставлением ориентирам, что подтверждает идею о том, что именно является ценным (моральным) и антиценным (аморальным) в обществе.

Анализ словарей, определение моральных ценностей, универсальность моральных качеств позволяет противопоставить моральные качества аморальным в Таблице 2:

Таблица 2.

<i>Нравственный (Адабияб)</i>	<i>Безнравственный (АдабгьечI)</i>
<i>Честность – ракIбацIцIалъи.</i>	<i>Лживость – гьереси, пударь.</i>
<i>Порядочность – муруват.</i>	
<i>Верность – божел.</i>	

<p><i>Преданность – ртІухълъи.</i></p> <p><i>Искренность – рекІел бацІацІалъи.</i></p> <p><i>Правдивость – хІакъ.</i></p>	<p><i>Лицемерие, двоедушие, двуличность, двойственность, криводушие – кІигъумерлъи, мунапикълъи, нипакъ.</i></p> <p><i>Коварство – айгъурлъи, гъваницулъи, илбислъи, макру, рекІкІ.</i></p> <p><i>Фальшивость – макирлъи, ламартлъи.</i></p> <p><i>Ханжество – ришь.</i></p>
<p><i>Обязательность, ответственность – гъоркъечІей, жавабчилъи.</i></p>	<p><i>Безответственность, безалаберность – кІваргъечІолъи, жавабгъечІолъи.</i></p>
<p><i>Бескорыстность, щедрость, великодушие – квергІатІилъи, пазлу, сахавалъи, чумартлъи.</i></p> <p><i>Совестливость – иман, яхІ-намус</i></p> <p><i>Чистоплотность – бацІацІалъи</i></p>	<p><i>Жадность – барахицин хъагІи хъантІи.</i></p> <p><i>Скупость – бахиллъи, къаруъмлъи</i></p>
<p><i>Благожелательность, доброжелательность, добросердечность – гІаданлъи, ракІбацалъи, рухъен</i></p>	<p><i>Эгоизм, себялюбие – в аварском языке указанные качества выражаются сложносоставными выражениями: жиндирго напсиал мурадал, мунпагІатал халкъиял мурадаздаса, мунпагІатаздаса цере кквей, живго вокъи.</i></p>
<p><i>Учтивость, сдержанность, воспитанность, деликатность – манзилхалалъи, адаб.</i></p>	<p><i>Невоспитанность, грубость, хамоватость – бичч-бакъ гъечІолъи, синугъечІолъи.</i></p>
<p><i>Уважительное отношение к людям – хІурмат</i></p>	<p><i>Гордость, высокомерие, надменность, завышенная самооценка, чувство собственной</i></p>

	<i>важности – гIамалкIодолги, пахрулги, ракIчIухIи хIамият.</i>
<i>Разумность, рассудительность, смеишенность, мудрость – гIакъиллги, цIодорлги.</i>	<i>Глупость, недалекость – ахIмакълги, гъаплат, гъаглги, гIадаллги, гIантлги.</i>
<i>Принципиальность, твердость жизненной позиции, четкие жизненные принципы – къвакIи, къвари.</i>	<i>Бесхарактерность, малодушие – чIемегIлги.</i>
<i>Смелость, храбрость, выручка – багъадурлги, бахIарчилги, таваккал, игитлги.</i>	<i>Трусость, робость, боязливость – къери кIурукIлги, хIинкги, цIукIалги.</i>
<i>Пристойность, непорочность – къадру.</i>	<i>Разврат, распущенность – пасикълги, пучлги, хъахIбалги.</i>

Проведенный анализ лексикографических источников и опрос носителей аварского языка выявил значимую особенность языковой картины мира аварцев: в языке отсутствуют прямые номинации для концептов «эгоизм» и «себялюбие». Данные феномены, однако, находят косвенное отражение в пейоративных фразеологических единицах, таких как «*чияр захIматалдаса пайда босизе*» (пер. «погреть руки на чужом горе»), что свидетельствует об их имплицитном присутствии в системе этнокультурных ценностей.

В контексте исследования пейоративности ключевое значение имеет разграничение нарушаемых норм. Моральные нормы, обладающие нравственным статусом, противопоставляются социальным нормам, нарушение которых влечет за собой юридическую ответственность (например, причинение ущерба собственности, несоблюдение законов). Универсальным принципом социального бытия является тезис о невозможности абсолютной свободы от общества, в связи с чем асоциальное

поведение определяется как нарушение установленных законов и правил общественного порядка.

Таким образом, отклоняющееся поведение дифференцируется в зависимости от характера нарушаемых предписаний:

- аморальное поведение представляет собой нарушение моральных норм и имеет нравственный статус;
- асоциальное поведение является нарушением социальных норм и обладает статусом юридическим.

Оба типа поведенческих девиаций являются продуктом познавательной деятельности человека и имеют ментальную природу. В соответствии с теорией И.И. Мещанинова, именно концепты выступают смыслообразующей основой для лингвистических понятийных категорий [Мещанинов, 1978: 235-236]. Следовательно, имплицитное выражение эгоизма через фразеологизмы и четкое различие аморального и асоциального в пейоративной оценке отражают специфику концептуализации соответствующих понятий в аварской лингвокультуре.

С.В. Лескина определяет также «смысловые составляющие макроконцепта «Асоциальное поведение» – концепты «Развратное поведение», «Нарушение законов», «Нарушение общественного порядка». Представляющие «Аморальное поведение» — «Лживость», «Жадность», «Трусость», «Завышенная самоидентификация», «Глупость», «Невоспитанность», «Эгоизм», «Бесхарактерность», «Безответственность» [Лескина, 2010: 63].

Нами было выявлено более 200 пейоративов в аварском языке, выражающих такие качества человека, как «недалекость», «злословие», «коварство» и т.д., в связи с чем появилась необходимость объединить их в отдельный корпус. Мы решили дополнить и видоизменить схему построения системы концептов. Хотя, на первый взгляд, данная схема охватывает наиболее порицаемые человеком явления, однако в нее не включены такие общераспространенные порицаемые явления, как сплетни и болтовня,

коварство. К тому же исследование выявило немалое количество пейоративных фразеологических единиц, которые трудно отнести к какому-либо из вышеперечисленных концептов. Например, *пятое колесо в телеге – гьакил шуабилеб бер*.

В первую очередь это связано с разностью мировоззрений, отличиями аварской и русской языковой картины мира, менталитета и культуры. Не всегда присутствуют эквиваленты некоторых фразеологизмов в обоих языках. Однако в ходе анализа было выявлено немалое количество аварских фразеологических единиц, которые являются калькой с русских фразеологизмов. Данные фразеологизмы привычны для носителей языка ввиду того, что они активно используются носителями языка и, как результат, гармонично прижились в речи. Например, *разинуть рот – кIал гьакIкIан чIезе*.

Галибег векерана живго вукIараб бакIалде, свараб цIадухъе. ВачIинахъего гьев хурхана жиндирго хъабчида, ва гьеб кодобе босарабго, гIабдал гIадин, гьакIкIан кIалгун, цIорон хутIана. Пусманил хъабарча батичIо гьениб. – Алибек побежал к месту, где был – к потухшему костру. По дороге он схватил свою шубу, а подняв, стал как истукан, разинув рот. Полушубка Усмана там не было (Г. ГъалбацIов. «Лъабго бакъ»).

Гъаль кечI ахIанани, какги кIочон тун, кIал гьакIкIан хутIила будун-дибирги. – Если они запоют свои песни, забыв про намаз, и будун и дибир останутся, разинув рот (Р. ХIамзатов. «БатIи-батIиял тIахъаздаса къисаби, поэмаби, маргъаби, биценал, кучIдул»).

Перефразируя заявление С.В. Лескиной, можно говорить о том, что в жизни пересекаются и аспекты асоциального и аморального поведения. И хотя все явления, преследуемые законом, осуждаются общественным мнением, не все аморальное преследуется законом.

В свете этого факта нам представляется необходимым рассматривать пейоративы не с точки зрения макроконцептов «Асоциальное поведение» и

«Аморальное поведение», а с точки зрения основополагающих порицаемых качеств человека.

На наш взгляд, тот факт, что некоторые концепты являются основаниями и причинами других, позволяет рассматривать пейоративы в ином ключе.

К примеру, такое качество, как трусость проявляется в малодушии, бесхарактерности, боязливости и робости человека. Человеческая глупость влечет недальновидность, несметливость, несмышленность, неумелость.

Соответственно, «лживость – рождает такие качества, как лицемерие, неискренность, коварство, трусость» [Махмудов, 2014: 138-141]. Они, в свою очередь, также могут содержать в себе порицаемые явления. Плохое воспитание – прародитель неучтивости, высокомерия и хамства, эгоизма и себялюбия. Стоит добавить, что плохое воспитание – это не только отсутствие манер. К слову, человек может иметь хорошие манеры, но относиться к людям как к вещам, что позволяет подвести это явление под концепт плохого воспитания. Такое явление, как лень, – хорошая среда для развития праздности и безответственности, безалаберности.

Данная формация концептов, представляющих категорию пейоративности в аварском языке, с нашей точки зрения, является более приемлемой для настоящего исследования. Вместе с тем количество данных концептов может быть велико, так как качеств человека, которые вызывают общественное неодобрение, много. Однако так или иначе, указанное общественное порицание сводится к критике трех составляющих, которые формируют о человеке мнение в социуме:

- внешне-физические качества;
- психоэмоциональное состояние;
- умственные способности.

Исходя из этих языковых фактов, мы сочли обоснованным исследовать в языковых картинах мира русского и аварского языков феномен пейоративности посредством фразеологизмов, концептуализирующих такие

«базовые» порицаемые явления, как внешний вид, лень, глупость, лживость, алчность, невоспитанность, из которых берут свое начало многие другие негативные качества человека, чтобы достичь полного раскрытия лингвоспецифичных черт исследуемых фразеологизмов.

1.3. Пейоративные фразеологические единицы как объект лингвокультурологического и сопоставительного анализа

Среди множества вопросов, которые язык задает исследователям, одним из самых интересных является вопрос о том, как язык формирует картину мира человека. Человек обладает разумом и воображением, и это приводит его к необходимости не только иметь чувство собственной идентичности, но и интеллектуально ориентироваться в мире. Чем дальше развивается его разум, тем более адекватной становится его система ориентации, то есть тем более она приближается к реальности. Вполне очевидно, что его картина мира зависит от развития его разума и знаний. Немецкий исследователь М. Хайдеггер утверждает, что «человек воспринимает и понимает мир как картину, то есть мир для него преобразуется в картину, и именно так человек осваивает мир» [Хайдеггер, 2007: 44]. Понятие «картина мира» в науке является фундаментальным, в нем выражается специфика не только познавательной, но и всей остальной жизнедеятельности человека.

В процессе познания человек использует не только разум, но и чувства. Ввиду того, что в процессе познания происходит обработка информации внешнего мира, человек получает разнородные сигналы и классифицирует их по когнитивным категориям. Но возникает вопрос – на основании чего? Ж.А. Вардзелашвили утверждает, что он опирается на сформированные и принятые в данной лингвокультуре «признаки-сигнификаторы» [Вардзелашвили, URL: <https://vjanetta.narod.ru/lekcia2.html?ysclid=ma0k7pnesi266261209>].

По утверждению Ж.А. Вардзелашвили, в «сигнификаторе содержится информация-характеристика об обозначаемом предмете. В процессе познания

мира человек руководствуется принятыми в его культуре и языке признаками-сигнификаторами» [Там же].

Напомним, что сигнификат (от лат. *significo* — подаю знак, сигнализирую) – это понятийное содержание имени или знака.

«Как не похожи отдельные люди друг на друга, так не похожи и отдельные народы, имея много общего» [Вардзелашвили, 2003: 226-231]. Явления, которые являются общими, называются универсалиями [Гринберг, 1970]. «Однако если есть универсалии, то должны быть и уникальные, неповторимые особенности у каждой нации. Разные народы так же различаются, как и разные люди. Как у отдельного человека присутствует свое представление о мире, так и у отдельного народа есть свое видение мира» [Анненкова, URL: <https://multiurok.ru/index.php/files/iazykovoi-obraz-cheloveka.html>].

В современной лингвистике признано, что каждый язык отражает свою собственную картину мира [Колшанский, 1990: 60-61].

Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с двумя составляющими этого понятия.

С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами. Они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует, либо такой эквивалент имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными [Мосунов, 2007].

Тему концептов мы в дальнейшем затронем подробнее, ввиду того, что каждый из концептов является ключевым пунктом в мировосприятии любой нации, своеобразной ее частью. Мировосприятие, в свою очередь, является хорошей площадкой для плодотворного исследования феномена пейоративности в сопоставляемых языках.

Наиболее исчерпывающую информацию о мировосприятии дают устойчивые обороты речи – фразеологизмы. Понимание фразеологии как составляющей лексикона позволяет рассматривать фразеологию как область лингвистики, изучающую единицы языка системно. Фразеологическая система языка – явление гетерогенное и многомерное, что обуславливает ее рассмотрение с разных ракурсов.

В таких устойчивых выражениях, как в зеркале, отражается самобытный взгляд народа на мир и его оценка. Эта оценка передается через поколения вместе с употреблением этого сочетания в речи. При изучении языка чрезвычайно важно знание фразеологии, так как она придает языку красочность и выразительность, делает мысль автора более доходчивой и убедительной.

1.3.1. Оценочная функция пейоративных фразеологизмов

В современной мультилингвальной дагестанской фразеологии проводятся разнонаправленные лингвистические исследования. Это не только основополагающие работы и монографии А.З. Абдулаевой, С.Г. Гаджиевой, С.Н. Гасановой, А.Г. Гюльмагомедова, К.Х. Даибовой, М.-Ш.А. Исаева, А.Г. Караева, М.Н. Кураевой, М.М. Магомедханова, М.Р. Рамазановой, А.Р. Рамалданова, М.-Б. Д. Хангереева, но и значительное количество диссертаций. В работах вышеупомянутых исследователей подтверждается наша гипотеза о том, что языковая картина мира отражается в семантике пейоративных фразеологизмов.

Как отмечает М.Ш. Рамазанова в диссертации «Фразеология аварских народных сказок», «...при семантическом разборе фразеологизмов в аварских

народных сказках были установлены их различные смысловые группы. Действия персонажей, их переживания, настроения и психологические волнения, их внутренний мир, характер и внешность; взаимоотношения людей, их положение в обществе; отношения героев к описываемым событиям или явлениям и суждения о них; воздействия событий на участников, чувства персонажей – все это отражается в богатой семантике фразеологизмов. Большие группы фразеологизмов с учетом их семантических особенностей включены в группы устойчивых сочетаний со значением благожелания и зложелания» [Рамазанова, 2009: 129-130]. Ж.М. Ахмедова в диссертации «Фразеология ахвахского языка: на материале ратлубского, цегобского и тлянубского говоров» отмечает высокую значимость пословиц и поговорок для фразеологии – «... пословицы и поговорки говоров служат активным источником пополнения лексического и фразеологического фонда изучаемых языков. Они относятся к разряду ФЕ со структурой предложений и отличаются от ФЕ со структурой словосочетаний наличием в них предикативных центров и своеобразной организацией всей структуры. Поскольку пословицы имеют в своем составе большое количество простых и сложных единиц с образным, метафорическим значением, можно предположить, что пословицы являются одним из активных истоков образования фразеологии» [Ахмедова, 2004: 155].

Безусловно, фольклор (сказки и притчи, пословицы и поговорки) является аккумулярованным культурным и историческим опытом этноса, включающим в себя реалии и особенности менталитета нации. Пословица в обобщенном виде констатирует характер, свойства людей и явлений, дает им оценку или предписывает образ действий. По мнению П.А. Абдукаримовой, абсолютное большинство паремий выражает свое значение не в нейтрально-логической, а в эмотивно-оценочной экспрессивной форме [Абдукаримова, 2012: 167].

А.С. Дибирова в своей работе «Метафорическая фразеология аварского языка в сравнении с английской» приходит к такому выводу – «...семантический сдвиг в значении слова со сменой денотата изменяет семантическую структуру словосочетания. Это видно на примерах

метафорических фразеологических единиц группы качественной оценки лица. Во фразообразовании существенную роль играет человеческий фактор, и большинство фразеологических единиц связано с человеком. Это языковой антропоморфизм, под которым понимается наделение человеческими свойствами предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных. Оценочное значение занимает ведущие позиции в семантической структуре фразеологической единицы, и оно является важным признаком фразеологического значения. Под оценочным же значением понимается положительная или отрицательная характеристика лица или предмета со стороны его постоянных свойств» [Дибирова, 2006: 161].

В части утверждения А.С. Дибировой отмечаем, что оценочное значение занимает ведущую позицию в структуре фразеологии. Вместе с тем не согласимся с тезисом про положительные и отрицательные характеристики. Безусловно, большая часть фразеологизмов несет в себе либо мелиоративную, либо пейоративную коннотацию, однако не стоит забывать также о нейтрально-ориентированных фразеологических единицах, которые составляют немалый пласт и имеют цель более доходчиво выразить мнение говорящего. В разных языках на первый взгляд эквивалентные фразеологизмы могут иметь различные оттенки эмотивности. Например, русский фразеологизм – *ни в сказке сказать, ни пером описать* – в основном употребляется в художественной литературе и зачастую человек, к которому обращен данный фразеологизм, характеризуется чрезвычайно положительно. Например:

Няня нашётывает ему о какой-то неведомой стороне, где... гуляют молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать (И.А. Гончаров. «Обломов»).

Поехали они в казначейство и сколько тут денег загребли – того ни в сказке сказать, ни пером описать! (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»).

И каких страхов он, старый пискарь, натерпелся, покуда его по реке волокли, – это ни в сказке сказать, ни пером описать (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Премудрый пискарь»).

На своем веку я пережил семь жестоких, кровавых войн и насмотрелся таких ужасов и жестокостей, что ни в сказке сказать, ни пером описать (Дж. Ф. Купер. «Красный корсар») [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru/11609>].

В свою очередь, его эквивалент – аварский фразеологизм *я бицине гурѣб, я кечІалъ ахІуларѣб жо* – в аварском языке употребляется в основном с негативной оценочностью.

Дуца бицинеб щиб, Аллагъас цІунаги, гъей аскІое ячани дун хъизаналдаса ватІалъизе ккола, цІакъ кІал квешай гІадан йиго дир эбел, гъаб я бицине гурѣб, я кечІалъ ахІуларѣб жо буго – ян гъельул гІунгутІабазул бицине васас байбихъидал, цо кинабалиго гъаракъги бахъун машина занкІан чІана (Ас-салам. – *Если маму к себе поселю, тогда непременно разойдусь с женой. Какой тяжелый у матери язык, это ни словом сказать, ни пером описать. Как-то в дороге угораздило меня обсудить с ней ее недостатки, и тут же у меня заглохла машина.* 2011. № 9 (382)).

Фразеологизм *я бицине гурѣб, я кечІалъ ахІуларѣб* (ни сказать, ни спеть), который можно назвать вербальным эквивалентом *ни в сказке сказать, ни пером описать*, в аварском языке чаще встречается с отрицательной коннотацией, в отличие от русского языка. Возможно, это связано с тем, что в русском языке данная ФЕ чаще употребляется в художественной прозе, тогда как в аварском языке ФЕ употребляется в основном в разговорной речи.

К интересным выводам приходит Р.О. Шейхова в своей работе «Соматические фразеологические единицы с компонентами «голова» и «сердце» аварского языка в сопоставлении с русским: на материале бухнадинского говора анцухского диалекта»: «Что же касается бухнадинского говора анцухского диалекта, то явление многозначности больше свойственно говорам и диалектам. Встречается огромное количество таких единиц,

которые имеют три и более значений. Например: бухн. г. - бекъIер хIалтIзи - 1. быть умным; 2. соображать; 3. быть в курсе всего; берал къачIази - 1. оправдываться перед кем-либо; 2. вести двойную жизнь (дело); 3. врать». Она также отмечает, что большинство ФЕ со значением, имеющим отрицательную коннотацию, выполняют наречные функции [Шейхова, 2004], то есть выражают признаки действия, указывают на качества предмета.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы – ФЕ с мелиоративной и нейтральной коннотацией в аварском языке могут употребляться в переносном смысле, в связи с этим возможно также употребление фразеологизмов с ироническим, сатирическим подтекстом, что подразумевает возможность пейоративной коннотации. Таким образом, данные устойчивые выражения могут рассматриваться в качестве предмета нашего исследования. В дальнейшем нами будут изучаться также позитивно либо нейтрально маркированные фразеологизмы, обладающие речевой негативно-оценочной коннотацией, приобретающие ее под влиянием контекста.

Еще одним доказательством факта, что пейоративные фразеологизмы, характеризующие человека, могут являться важной структурной частью аварской фразеологии, встречаем в работе Ж.М. Ахмедовой. По мнению автора, большая группа фразеологизмов говоров южного диалекта ахвахского языка служит для характеристики человека, его действий и состояния, небольшая часть служит для обозначения явлений природы, одушевленных и неодушевленных понятий, понятий родства и свойства, пространственных понятий. Фразеологические поля охватывают основные сферы деятельности человека (ум, воля, чувства, речь, характер, внешний вид, поступки, отношения к другим личностям и внешнему миру и т.д.) [Ахмедова, 2004]. То есть, помимо собственно номинативной функции, характеризуя человека, фразеологизмы несут эмотивно-оценочную (выражают отношение говорящего к объектам окружающего мира).

З.Х. Пайзулаева в своей работе «Компаративные фразеологические единицы аварского и английского языков» отмечает большую роль зоонимов для характеристики качеств человека, зачастую отрицательных: «...Названия животных и птиц используются в составе фразеологических единиц как метафоры. Например, для характеристики фигуры человека используются следующие зоонимы: *оц гIадав* в значении «толстый», «откормленный», как бык (тучный)»; *бугъа гIадав* «как бык»; *гIака гIадай* «как корова» (в значении «неуклюжая», «неповоротливая», «нерасторопная») [Пайзулаева, 2010: 98].

З.Х. Пайзулаева резюмирует: «...Для характеристики тех или иных качеств человека в составе компаративных фразеологических единиц довольно широко используются и названия диких животных» [Там же].

Ассоциативные связи между образами и чертами характера могут сильно отличаться в разных языках и культурах. Например, в русской культуре медведь ассоциируется с силой, но символизирует и неуклюжесть (*мишка косолапый*), чего нет в аварском языке. В свою очередь, образ совы, который ассоциируется с мудростью (в русских народных сказках и пословицах сова часто изображается как советчик или помощник главного героя), употребляется в аварском языке с негативным оттенком, например, для характеристики близорукого человека, *руз гIадин бецаб – слепой, как сова*:

Гъанже рузада гIадин канлъи бихъула,

Дир кучIдузда печать чIвазе бегъула. –

Теперь уж слеп стал, как сова,

Стихи заканчивать пришла пора.

(Р. ХIамзатов. «АнцIго томалде данде гъарурал асарал». Т. III).

При этом семантически сова (*руз*) в аварском языке не ограничивается оценочностью зрения. Появление совы в аварской языковой картине мира является предвестником бед и несчастий. Такие конструкции, как *рузил рагIад сверана*, *рузил рагIад сверараб къавутIа* (дом, на который упала тень совы), *рузилрагIад* (горемыка) тому подтверждение.

В русской же языковой картине мира, напротив, сова ассоциируется с таким положительным качеством человека, как мудрость, например: «мудрый, как сова»:

«Детеринг, как сова, раздумывает, правильно ли он поступил и не может ли он сделать что-нибудь лучше», – живописует «гамлетовские» страдания дельца-нефтепромышленника автор бестселлера «Добыча» (В. Попов. «Страсти по «черному золоту»»).

Она с ногами забралась в кресло, слушать. Внимательная, как сова. Не хватало покорна для цельности образа (В. Солдатенко. Ева).

Она ведь и сама весь свой век в потемках, как сова, живет да измышляет, кого бы закогтить... (В.Я. Шишков. «Емельян Пугачев»).

Поговорка сову (птицу) видно по полету характеризует оценку намерения, сущности людей:

Я сразу вижу сову по полету, а тебя по соплям. Беленький! Офицер, а? Золотые погоны? (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

Елена Андреевна. А может быть, я не канарейка, а вольный воробей! Дядин. Эва! Видно птицу по полету, многоуважаемая... (А.П. Чехов. «Леший»).

В свою очередь, хитрость в сопоставляемых языках ассоциируется с лисой, глупость – с гусем, а упрямство – с ослом или с мулом. Наличие идентичных коннотаций в неродственных языках подтверждает наше предположение.

Колхозазе хЛукуматаль машинаби кьолин абураб мехаль, гьез абун буго: «Цо гилла гьечЮого гладада чЮорого машинаби кьеларо». «Щибго гилла гьечЮого нухда мохмох лъун батилароян» гуриц цараца абураб. – Когда колхозам стали давать машины, сельчане подумали: «Просто так машину в распоряжение никто не даст». Ведь недаром лиса сказала себе: «Просто так курдюк на дороге лежать не будет» (Р. Гамзатов. «Мой Дагестан»).

Старая лиса с опытом и нюхом догадалась, конечно, что у «Мосберт холдингс» другой хозяин, дергающий за нитки подставного Ли Тео Ленга (В. Скворцов. «Сингапурский квартет»).

В данных примерах отсутствует пейоративная коннотация, так как говорящий лишь констатирует факт, а не выражает свое отношение к объекту номинации. Пейоративная коннотация присутствует в следующих примерах [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: https://phraseology.academic.ru/6153/Хитрый_как_лиса]:

Она только прикидывается такой, а сама хитрая, как лиса (Г. Матвеев. «Семнадцатилетние»).

Тебя, Варвара, обвертеть, что раз плюнуть... А эта бестия, как лиса. Хитрющий мужик (Ю. Брагуль. «Новый день»).

Цараца гЛантаб ци бачунеб гЛадин, вачун ватана дун кьурул рагЛалде. – Как глупого медведя, обманутого лисой, подвели меня к самому краю пропасти (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...». Т. I).

В вышеуказанных примерах фразеологизмы приобретают пейоративную коннотацию, так как автор выражает свое личное мнение, порицание и уничижение. В свою очередь, упрямство и глупость характеризуются в русском языке посредством ФЕ с компонентами *осел* и *мул*:

Видите ли, Ганку очень возмущает, что какой-то там осёл написал дурацкую книгу о том, что Гёте отравил Шиллера (Ю. Домбровский. «Обезьяна приходит за своим черепом»).

Вышнеградский сразу мне объявил, что Огюст Конт не что иное, как осел, и что он никакого понятия о математике не имел, а всякий человек, не знающий математики, не может быть хорошим философом (С.Ю. Витте. «Воспоминания»).

В аварском языке не встречается употребление схожих примеров, *хЛама гЛадин* (как осла) обозначает в первую очередь *беспомощность, обреченность, тяжелое существование*. Например:

БахIарав лъугъуна гьелде жиндихъе вукIарав анищан Ражбадин, жинца гъев хIама гIадин чIваланин абун. – Жених начал было перед ней распинаться, что, мол, этого самого Ражбадина отметелит, как осла (Ш. ХIапизов. «Рекъав Ражбадинил гIумру халкъияб полклоралда ва документазда рекъон»).

ГIумруяль хIама гIадин колхозалда хIалтIарав дирго инсул эменги кколин гъезда гъоркъове, кигIан диего бокъичIониги ва захIмалъаниги. – Как бы мне ни хотелось, мои предки, которые всю жизнь, как ишаки, отработали в колхозе, тоже входят в их число (К.М. Салманов. «Гонконгалдаса кагъат»).

То есть объект номинации (родители) сравнивается с неустанно трудящимся животным. Это обусловлено тем, что в аварской языковой картине мира ФЕ с компонентом *хIама* (осел) употребляются не только в качестве негативной оценочности:

Сордойилги-къойилги, цIадал, гIазу балелдего, хIама гIадин хIалтIулел эбел-эмен, бечIараб кету гIадин гъезул вас. – Его родители денно и ночью, и в снег, и в дождь работали, как ишаки, а сам он уродился увальнем.

Тату хун, хIама гIадин свакан, тIаде вахъине цин кIвечIо дида. – Изможденный, уставший, как осел, я даже не мог подняться (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...», т. III).

Примеры свидетельствуют о том, что в аварской языковой картине мира значения слов *осел*, *устать*, *работать* имеют один общий семантический признак – являются частью крупной смысловой парадигмы, образуют единое семантическое поле.

Возвращаясь к качественной характеристике человека в дагестанском языкознании, рассмотрим сформировавшиеся концепции классификации дагестанских фразеологизмов. Б.М. Атаев представил в своей работе «Формирование и развитие аварского литературного языка», основанной на трудах М.М. Магомедханова по теории аварской фразеологии, классификацию, согласно которой фразеологизмы, характеризующие человека, могут выражать:

1) физическое состояние человека (*квасул гIарш гIадинав* – слабый, неуверенный, букв. как веревка из шерсти);

2) психическое и эмоциональное состояние человека (*бер чIегIерльзи* – завидовать, букв. глазом чернеть);

3) умственные способности человека (*гIабдалав чи* – сумасшедший человек) [Атаев, 1998].

Н.П. Идрисова приводит в своей работе «Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках» следующую классификацию. «В группе фразеологических единиц, характеризующих внутренние качества и свойства человека, выделяются следующие семантические группы со значениями:

- 1) умный – неумный;
- 2) коварный, хитрый – простодушный, нехитрый;
- 3) мужественный – трусливый;
- 4) щедрый – жадный, скупой;
- 5) богатый – бедный;
- 6) болтливый, хвастливый – молчаливый, скромный;
- 7) опытный, умеющий что-либо хорошо делать – никчемный, неопытный;
- 8) двуличный, лицемерный;
- 9) достойный, уважаемый – недостойный;
- 10) надменный, чопорный;
- 11) сплетник, обманщик, вран;
- 12) сдержанный, уравновешенный – несдержанный, вспыльчивый;
- 13) злой – добрый;
- 14) надежный – ненадежный;
- 15) известный, выдающийся, занимающий определенное положение в обществе;
- 16) хорошо работающий, трудолюбивый – ленивый;
- 17) честный, справедливый, невиновный – нечестный, виновный;

- 18) счастливый – несчастливый;
- 19) человек, ведущий распутный образ жизни;
- 20) пьяный – трезвый;
- 21) обозначающие возрастные особенности человека.

Не входят в перечисленные группы фразеологизмы, представляющие собой:

- 1) фигуральные обозначения человека, синонимичные по семантике лексическим единицам;
- 2) обозначения некоторых поведенческих свойств человека;
- 3) обозначения физических качеств человека;
- 4) наименования социальных, ситуативных, семейных и т.п. характеристик человека.

Фразеологические единицы, обозначающие внешние признаки человека, подразделяются на семантические группы со значениями:

- 1) красивый – некрасивый,
- 2) худой – толстый,
- 3) высокий – худой, неуклюжий» [Идрисова, 2007].

Если первая классификация качеств человека охватывает основные проявления человеческой сущности, является общей классификацией, то вторая является узконаправленной, охватывает характеристики человека.

Схема 2.

Примерами фразеологизмов с негативной коннотацией, обличающих окружающие предметы, могут быть такие аварские пейоративы – *нухде бараб заз* (колючка на дороге), *хетIе тункулеб гамачI* (камень, о который стукнулась нога), *квалкалалъе бугеб жо* (проблемная вещь), которому в русском языке наиболее близко соответствует фразеологизм *камень преткновения*.

Обличающим происшедшее событие – *бугъида бугъа дандельize* (букв. *поставить быка против быка*) – в русском языке наиболее подходящий эквивалент – *нашла коса на камень*. Также *Гадада ккана, гъайда бахинчIо, бажарулеб хIал букIинчIо* – *не тут-то было, несолоно хлебавши, вернуться восвояси*.

Вместе с тем негативная коннотация не ограничивается одной направленностью к человеку, хотя это и составляет неотъемлемую ее часть. Немалая доля приходится также на оценочность окружающей человека обстановки, событий, происходящих с ним, каких-либо предметов. Таким образом, негативная коннотация может быть направлена либо на человека, либо на окружающий его мир (животные, предметы, события, явления). Пейоративы же охватывают только сферу человеческой деятельности, потому как их уничижительная коннотация регулирует нарушение норм морали, социума. Мораль, в свою очередь, может иметь только человек. Негативная коннотация же может характеризовать как окружающий мир, так и человека.

Качественная характеристика человека – довольно исследуемое явление в дагестанской фразеологии, в чем-то основополагающее.

С.Д. Мирзаханова в диссертационной работе «Фразеологизмы с качественной характеристикой человека в даргинском и английском языках» дополняет гипотезу, по которой сопоставительный анализ фразеологизмов позволяет выявить те особенности оценки человека, которые остаются незамеченными без сопоставления в разных языках – «...сопоставительный анализ коррелирующих по смыслу фразеологизмов разных языков стал своеобразным межкультурным диалогом, раскрывающим социально-

экономические и идеологические причины, которые вызвали образование этих единиц» [Мирзаханова, 2009: 67].

В свою очередь, единицы языка с негативно-оценочной коннотацией, включающие пейоративные единицы языка, необходимы для выражения отрицательных эмоций и отрицательного отношения к происходящему в соответствующих ситуациях. Данные ситуации могут не совпадать в разных языках, что зачастую говорит об особенностях национального мировосприятия.

1.3.2. Репрезентация национальной языковой картины мира в аварских и русских пейоративных фразеологизмах

Пейоративность, как отмечено ранее, – это свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума.

Таким примером пейоратива, который демонстрирует языковую картину мира и четко иллюстрирует сознание носителей языка, является аварская ФЕ *солдатасда ханжар гладин* (букв. как кинжал на солдате). То есть что-либо несуразное, неприемлемое. Этимология данной ФЕ уходит корнями в период Кавказской войны. Для горцев середины XIX века кинжал, который являлся не только оружием, но и атрибутом национальной культуры, как черкеска или папаха, никак не мог быть предметом экипировки солдата. В русском языке в ходу такой ее эквивалент – *как седло на корове* [Фразеологический словарь русского литературного языка? URL: <https://phraseology.academic.ru/11397>]:

Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! (Н.В. Гоголь. «Ревизор»).

Платье сидело на Соломониде Потаповне как на корове седло, и особенно делало безобразной ее талию (Д.Н. Мамин-Сибиряк. «Первые студенты»).

Также фразеологизм *хъабчил уммат* – нищие (букв. шубы носящие); *къвачИл уммат* – чернь (*къвачИл* – небольшой мешочек, котомка);

къвачIакIутI – кутила, транжира (букв. сумотряс); *кIудияв хIехь* – придурковатый человек (букв. большой чурбан).

Фразеологическая единица *кIудияв вац* – придурковатый человек (букв. старший брат). В русском языке «старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак». В данном случае видно, что эквивалент аварского пейоративного фразеологизма в русском языке обладает иной коннотацией, из чего следует, что мировосприятие нации или народности может существенно отличаться, несмотря на компактное проживание и смешение народов.

Логично, что не для всех ФЕ в аварском языке есть эквиваленты на русском. Фразеологизм *къверкъ гIадин хъандолей* буквально переводится как *заклинающая (проклинающая), словно лягушка*. Аварцы считают, что лягушка, зевая, заклинает кого-либо. Например:

Къверкъ гIадин хъандолей хутIаги мун абадиялъ. – *Да останешься ты вечно заклинающей, словно лягушка* (М.М. Магомедханов. «Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова»).

В следующем примере лягушка ассоциируется с богатством:

Къверкъ бухIизегIан гIемер буго дихъ гIарац. – *У меня денег куры не клюют* («Аварско-русский словарь»).

Есть и пословица:

Метер гъезейилан тараб къоркъода рачI гъечIого хутIарабила. – *Отложили на завтра приделать лягушке хвост – так и осталась она без хвоста.*

В русской языковой картине мира с лягушкой ассоциируется равнодушие человека, беспечность (*холодный(ая) как лягушка, лягушка-путешественница*).

Она, как дохлая лягушка, сочно шмякнулась на пол, и это привело его в себя окончательно (Ю.О. Домбровский. «Обезьяна приходит за своим черепом»).

Я вас не задел по голове, Сергей Николаевич? Вы тут — главная лягушка; жаба! Все знает – знает, как связать человека, курица ты дохлая, остолоп! (В.М. Шукшин. «Штрихи к портрету»).

Приведем иные примеры отличий языковых картин мира:

Пуни щанулеб хIалалда хьвадуге. – Не ходи, будто еле-еле душа в теле. (букв. если дунуть, то упадет). В русском языке на первый план выходит слово *душа* ввиду того, что олицетворение играет важную роль и в русской речи, и в литературе. Например – *бездушный, душегуб, душераздирающий, душещипательный, малодушный*. В аварском же, наоборот, основное действие строится вокруг безликой стихии, неодушевленного ветра. В этом немалую роль играет географический фактор. В горах многие поселения расположены на склонах гор, и плохо укрепленная крыша, ставни или дверь могут быть унесены сильным ветром далеко вниз, в ущелье.

Яркой иллюстрацией отличий реалий в аварском и русском является выражение *хьабчил кьвалида кього рукьи барав – гол как сокол, беден как церковная мышь* (букв. иметь на рукаве шубы двадцать латок). Горская беднота подолгу носила одну и ту же шубу, часто ее латая.

Несмотря на религиозные и национальные отличия, также имеют место универсалии.

Гажуж-мажуж бакIарун букIана мажгиталда цебе. – У мечети собралось много людей. Гажуж-мажуж – это народы Гог и Магог (Йаджудж и Маджудж), два диких народа, нашествие которых должно предшествовать «страшному суду». Большой современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой определяет «гог-магог» как человека, своею свирепостью внушающего ужас либо влиятельного, всесильного, всемогущего человека [Ефремова, 2006].

Льльар баккулеб мехаль бече кинигин – хвастливо, гордо, задрал нос, знай наших; *букв.* как бычок, когда у него появляются рога. Данный пейоративный фразеологизм является примером концепта «завышенная самооценка». Его этимология обусловлена тем, что у горцев основными

занятиями были земледелие и животноводство. В подтверждение этому приведем следующий пример – *таргынибе рехараб гьологIучI гIадин*, имеющий эквивалент в русском – *как на вешалке* (букв. *как затычка ярма, брошенная в торбу*).

ФЕ зачастую являются носителями лингвострановедческой информации, которая рассматривается в качестве важного компонента при изучении исследуемого языка. В языке встречаются фразеологизмы, негативная коннотация которых формируется не посредством грамматического отрицания и не через компоненты с отрицательной семантикой, но историческими фактами или реалиями.

Например, аварский фразеологизм *анцIилье восичIо, нусилье рикIкIинчIо* – ни в десятку не приняли, ни в сотню не записали – является аллюзией на эпизоды Кавказской войны. Командиры небольших отрядов, которые насчитывали не более 200-300 человек, не брали в бой ненадежных людей, объясняя это аварской поговоркой – «пять золотых монет лучше пятиста медных». В русском языке имеется эквивалент данной ФЕ – *не пришей кобыле хвост*.

Были, конечно, и математики, и физики, но гуманитариев и естественников было больше, один только я затесался меж ними как не пришей кобыле хвост, будущий животновод из сельскохозяйственной академии (А.С. Лукьянов. «Палка».)

Еще один пример – *бараб ахIияльгуль гурев, ахIараб боль гурев* – *ни в походе по тревоге, ни в войске по призыву*.

ГIанкIил ракI бугев – трус; букв. с заячьим сердцем. Тут следует отметить, что «наиболее распространенными фразеологическими группами являются: наименования животных, наименования цвета и наименования частей человеческого тела. Формирование слов-символов происходит при помощи метафоры. Еще во времена язычества, когда был распространен тотемизм, люди символизировали окружающие человека вещи, предметы,

явления, символика принимала словесную форму» [Соллогуб, URL: <https://proza.ru/2017/01/01/1391>].

Наиболее наглядно это происходило в символизации животных. Наблюдая за ними, люди замечали сходство в характерах. Фразеологизмы, приписывающие одни и те же качества одним и тем же животным, можно обнаружить практически в любом языке. Символы – названия животных у многих народов совпадают, но вместе с тем у каждого народа своя система символов и свое отношение к различным животным [Магомедмирзаева, 2014: 73-74].

Такое явление, как пьянство, также находит отражение во фразеологических единицах: *гIаркъил гурони мацI бичIчуларев* – тот, кто только язык водки понимает; *сунтI лъугъун мехтун вуго* – пьян в стельку; *вигъинчIого мехтун вукIине* – беспробудно пьянствовать. Интересна позиция человека по отношению к пьянству и к курению. Курение, будучи вредной привычкой, как и алкоголизм, не имеет той глубины и детальности уничижения, каковой обладает пьянство. В аварском языке мало фразеологизмов, связанных с курением, а обладающих пейоративной коннотацией – еще меньше. Ниже приведены некоторые фразеологизмы, относящиеся к концепции пьянства с точки зрения порицаемого и осуждаемого явления.

Таблица 3.

Пейоративы, порицающие пьянство

Русские пейоративы	Аварские пейоративы
Беспробудный пьяница	1. <i>ЧIагIдачехь</i>
1. <i>Пьяный в доску</i>	2. <i>СунтI лъугъун мехтун вуго</i>
2. <i>Пьяный в дрезину</i>	3. <i>Ана цIцIани магIарде</i>
3. <i>Пьяный в дугу</i>	
4. <i>Пьяный в дым</i>	
5. <i>В запое</i>	

6. В градусе	4. Мехтараб мехаль
7. В нетрезвом состоянии	
8. В подпитии	
9. В пьяном угаре	
В состоянии алкогольного опьянения	
Во хмелю, спьяну	5. Мехталиль, мехтияль
10. Пить до беспамятства	6. ВигьинчЮого мехтун вукӀине
Как пьяный	7. ГьекьӀлдухъан гъадин
11. Напиться в дымину	8. Гьекъана цӀцӀани парсахъе щвезегӀан
12. Под градусом	9. Кепльарав
13. Под мухой	
14. Под парами	
15. Пьяный-распьяный	10. Гьекъель-мехтель
	11. ХъахӀаб босизе (взять беленькую)
	12. ЦӀураб лъльар борхизе (поднять полный бокал-рог)
16. Зеленый змий	13. Гьукъараб лъим

Отдельно стоит упомянуть то, как воспринимается пьянство в русской языковой картине мира – будучи чрезвычайно богатым на стилистические и экспрессивные средства, русский язык не скупится на уничижение данного порока. Например, *напиться как свинья* – принадлежность объекта номинации к человеческому роду отрицается через приписывание ему состояния, не свойственного человеку.

Кто дал тебе право осуждать такого прославленного пастыря, просветительные подвиги которого известны всем? Или ты пьян как свинья?

Брат Люпус прикусил язык (А.П. Ладинский. «Анна Ярославна – королева Франции»).

Мужику не поверили, потому что мужик был пьян «как свинья», но когда на лестнице послышался шум и через залу пронесли черное тело, сомневаться уже нельзя было... (А.П. Чехов. «Драма на охоте»).

По-иному воспринимается пьянство в аварском языке. Для носителей аварского языка присущ несколько другой вариант мировоззрения. Так как для горцев тема алкоголизма не такая злободневная ввиду религиозных и национальных барьеров, оно порицается в шутливо-ироничной форме. Например, быть пьяным в аварском языке – *кепльарав* – быть навеселе. Ироничное *рогІрикье кІал кквезе* буквально переводится как держать рот под трубой (*по которой течет спиртное*).

АхІи кин гІодоб телеб? ГІодор чІана, гьекъана. Гьекъана цІцІани, дугІнул дол парсахъе цвезегІан. – Базар как замать? Сели, стали пить. Пили долго, допьяна, до тех самых пор, пока стадо само не добралось до своих горных пастбищ (Р. ХІамзатов. «АнцІго томалде данде гьарурал асарал»).

Обычно пастухи в горах выходят со стадом с рассветом, чтобы к полудню достигнув вершины горы, вернуться к закату домой. В приведенном примере пастухи пили столь долго, что стадо само поднялось на пастбища.

Наблюдается общность в номинации водки:

Яги Хъаладухъа хъахІабги босун, МухІумида цадахъ гьекъолев гурищ? – А не взял ли ты в крепости беленькую и не распиваешь ли ты ее с Мухумой? (Р. ХІамзатов. «АнцІго томалде данде гьарурал асарал». Т. I).

Наличие пейоративной оценки любой стереотипной ситуации и использование в коммуникативной среде фразеологических единиц, выражающих соответственное эмоциональное отношение к ней говорящего коммуниканта, является важным механизмом формирования языковой картины мира любой нации. Как утверждает Ю.Н. Звонарева, «словарные единицы с пейоративным значением составляют гораздо более многочисленную группу, чем семантическая подгруппа лексических единиц

с положительно-оценочным значением или мелиоративов» [Звонарева, 2010: 346]. Данное утверждение косвенно подтверждает демонстрацию пейоративами особенностей мировосприятия, мировоззрения и менталитета нации.

Во-первых, как уже ранее отмечалось, лексические единицы с пейоративной коннотацией более распространены в речи. Это объясняется тем, что психологически человек склонен в первую очередь замечать отрицательные характеристики окружающих, считая, что они могут представлять опасность, положительные качества воспринимаются как само собою разумеющиеся.

Во-вторых, в лингвистических кругах существует точка зрения, согласно которой обозначения отрицательного более дифференцированы, чем обозначения положительного. Иначе говоря, если необходимо узнать человека, достаточно знать его недостатки. То есть именно отрицательные качества дают ясное представление о внутреннем мире.

В-третьих, в любом языке – аварском или русском – существует множество стилистических и экспрессивных средств, детально описывающих проступки и отклонения от нормы общественной морали. Уместным выглядит заявление Е.М. Вольфа: «Есть более разнообразные средства для детальной классификации плохих поступков человека, чем хороших, плохих черт характера, чем хороших и т.п.» [Вольф, 1985: 119].

«Одновременно с этим выражение отрицательной оценки или негативной коннотации может выражаться языковыми и лексическими средствами, имеющими формальный признак отрицания. Каждое фразеологическое значение в конкретных ситуативно-контекстуальных условиях (контексте) может приобретать или наращивать эмоциональный смысл» [Звонарева, 2010: 347-348].

По мнению А.М. Чепасовой, «во фразеологической системе отрицательное, характеризующееся малейшим отклонением от образца (эталона) поведения, в чем бы это ни проявлялось, составляет своеобразие

фразеологических фрагментов языковой картины мира» [Чепасова, 2006: 47]. В связи с этим хотелось бы отметить отрицание, выраженное посредством отрицательных слов, что делает такое отрицание грамматическим. Грамматическое отрицание противопоставляется лексическому отрицанию – отрицанию, выраженному посредством лексем, имеющих отрицательное значение. Грамматическое отрицание может выражаться отрицательными словами:

- отрицательным префиксом (*жавабчилъи гъечлеб* – букв. ответственность не имеющий);
- отрицательными формами отдельных частей речи: глагола (*хвезе глажалганги бокбуларо* – не по душе; ненавистен, словно смертный час);
- обстоятельством места (*бакъалда тезе* – обделить кого-либо, оставить с носом; *бакъалда хутлизе* – остаться на бобах, без ничего) и т.д.

Как видно из примеров, «помимо обозначения простого отклонения от нормы, целью применения фразеологизмов в речи или включения их в определенный контекст является явное выражение неодобрения, критики, негодования и унижения. Как мы отметили в предыдущем параграфе, пейоратив – это слова, которые обладают пейоративной коннотацией, то есть, обладают пейоративным потенциалом, выражающим неодобрение, унижение, обладают коннотацией, которая в некоторой степени отклоняется от эталона или нормы. «Негативная коннотация не только и не столько отрицает, сколько выражает отрицательное суждение» [Лескина, 2010: 81].

С.В. Лескина отмечает: «Пейоративность, будучи лингвистической категорией, проникает во все сферы человеческой жизни. Они являются одними из признаков создаваемой фразеологизмами картины мира. Источником является сам человек со всеми его слабыми и сильными сторонами характера, недостатками внешности и порождаемой им социальной действительности. При этом оценочное высказывание имеет объектно-субъектный характер. Схема *объект – оценка – субъект* является

универсальной, срабатывает в процессе оценивания любого объекта любым носителем языка, поэтому носит общечеловеческий характер» [Лескина, 2010: 73].

В русской и аварской культурах и языках несовпадение эмпатии и конфликта обуславливается отличиями быта, мировосприятия, географическим фактором. Это отражается в различном отношении к стереотипным ситуациям, подчас противоположном.

Многие фразеологизмы и идиомы берут свое начало с событий, которые происходили в истории и жизни, быту и культуре народа. Обычные бытовые ситуации, житейский опыт и народная смекалка служили толчком к их трансформации и дальнейшей вербализации. Будучи образами в сознании, они обретают речевую форму. Приведем несколько примеров.

Чехь унтараб цер гIадин – букв. как лисица, у которой болит живот. То есть притворяться, прикидываться слабым, морочить голову своим видом. Лисицы часто прикидываются слабыми, чтобы привлечь внимание птиц, для которых ослабленное животное становится добычей. Когда же птица подлетает, лисица бросается на нее, тем самым делая добычей свою жертву. Аналогично она ведет себя и в случае, когда необходимо отвлечь охотника от своего жилища или добычи. Подманивая человека, она уводит его от них.

Как банный лист, как пиявка – *Гуренж гIадин*. *Гуренж* – пиявка, коих много в озерах и реках Дагестана.

Как свора собак на тощую козу – *Ракъарал хъурмаца хъорсол це гIадин*.

Медвежья услуга – *ХIажигIисал хъулухъ* (должность Гаджиисы).

Пустые слова, красивые речи – *ЦIа гъечIеб кIуй* (дым без огня).

Самодовольно – *Мохмох квараб кету гIадин* (кошка, съевшая сало).

Черная зависть – *РекIель бараб хапара* (червивое сердце).

Аварский язык в части, касающейся идиом и фразеологизмов с негативно-оценочной коннотацией, характеризуется богатством форм и выражений,

которые, используя грамматические особенности языка, демонстрируют свое отношение к денотату.

1.3.3. Феномен этнической самокритики в пейоративных фразеологических единицах

Демонстрация аварской языковой картины мира пейоративами была бы неполной без исследования такого речевого феномена в аварском языке, как фольклорные пейоративы. Их можно рассматривать как одну из особенностей аварской фразеологии.

«Неотъемлемым свойством аварских субъективных пейоративов является самокритичность. Уничтожение и всеобщее порицание направлено не только на другие нации, но и на выходцев из своего народа. Когда-то они заслужили общественное неодобрение и порицание, и их поступки или поведение закрепились в языке в виде устойчивых выражений. Такие пейоративы являются устойчивыми выражениями и часто употребляются в речи вне зависимости от местности проживания носителей языка. Приведем несколько примеров наиболее распространенных фольклорных пейоративных фразеологических единиц.

Хажиглисал хьулухъ – медвежья услуга, чересчур сильно кому-то угодничать. Гаджииса был нукером (телохранителем) у одного из наибов. Когда наиб после долгого отсутствия прибыл домой, Гаджииса так допрашивал его расспросами и чересчур перед ним угодничал, что даже не дал навестить семью.

ШантIурида бадиб чугIан – смотреть как лошадь на Шантура, то есть с усмешкой, презрением, свысока. У Шантура был конь чрезвычайно крутого нрава. И чтобы хоть как-то добиться его расположения, Шантур тщательно за ним ухаживал, относился бережно. Однако безрезультатно, что и выразилось во взгляде коня на Шантура и его старания.

Мазгарил даран – сделка Мазгара, менять шило на мыло. Некий Мазгар покупал скот на базаре по высокой цене, а впоследствии продавал уже по более низкой цене.

Зачастую, аварцы употребляют данные пейоративы, добавляя также местность, откуда этот человек был родом. Это служит для более точной идентификации человека, его моральных и нравственных качеств» [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

Что касается эквивалентов аварских фольклорных пейоративов, то в русском языке не всегда можно найти правильный вариант ввиду специфичности фольклорных выражений. «В некоторых случаях для передачи смысла приходится задействовать калькирование, это обусловлено отсутствием приемлемого устойчивого выражения в русском языке.

Къахъадерил бахIарай Iадин – как невеста из Тлоха, то есть делать что-либо долго, неторопливо. Некая невеста из Тлоха так долго собиралась на свадьбу, что это выражение стало нарицательным.

Бихъизабе гъезда сундул хIакъальуль хъвалебали. Гъел хIадурал руго Телекъе ине Iалибулат Iадин. – Дай им понять, что они должны писать. А то они готовы уже сорваться как Алибулат в Телетль (Р. ХIамзатов. «Дир Дагъистан»).

Телекъе Iалибулат Iадин – как Алибулат в Телетль, то есть делать все опрометчиво, поспешно, необдуманно, без должной осмотрительности, суетиться, как бестолковый, услужливый дурак. Алибулат был телохранителем у одного из наибов. Как-то вечером наиб сказал Алибулату, что завтра утром ему надо будет съездить в Телетль, но не сказал, для чего. На следующий день Алибулат, не спрашивая наиба, рано утром, в 4 часа, выехал в Телетль и вернулся к полудню, еще до того, как встал его наиб.

Макъаби тIуралила, мурадалде цвелела, – Муи хъамун, IашилтIа Манташ Iадин, дун МахIмуд. – Потерял я сон. Сбудутся мои мечты лишь с похищением Муи. Легкомысленный, как Манташ из Ашильта, терзаемый, как Махмуд (Р. ХIамзатов. «АнцIго томалде данде гъарурал асарал». Т. VIII).

Словно Манташ из Ашильта – *Гашилта Манташ Гадин*, то есть беззаботно, вольготно. Манташ был сыном состоятельных родителей и любил шелковую одежду. Даже зимой он ходил в одной шелковой рубашке. Когда ему предлагали одеться теплее, Манташ из Ашильта отвечал, что из-за трех месяцев зимы он не откажется от своей привычки» [Махмудов, 2013: URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>].

Интересный пример фольклорных пейоративов встречаем в собрании сочинений Расула Гамзатова:

<i>Ханасул колоде Габдула Гадин,</i>	<i>Некий Абдула ходил на ханский хутор</i>
<i>Цо тира-сверизе вильгъанин абун.</i>	<i>Огурцы воровать,</i>
<i>Габдулаца гьедин абун рагула,</i>	<i>Когда поймали его, ответил он,</i>
<i>Охцера лрикъизе ун вукларав чи</i>	<i>Что пришел туда погулять.</i>
<i>Ханасул нукараз ккураб мехалда,</i>	
<i>Кив мун вукларавин, гьез цехарабго.</i>	

(Р. Хамзатов. «АнцІго томалде данде гьарурал асарал». Т. VII).

Ханасул колоде Габдула Гадин – то есть прийти куда-либо, замышляя выгоду; быть себе на уме, прикидываясь дурачком. В русском языке аварскому пейоративу соответствует фразеологизм *нанималась лиса на птичий двор*.

В «Моем Дагестане» Расула Гамзатова:

Ахирги гьей, чарухъалги хун, хайирги ккечІого, Алмасил ГанкІу Гадин юссуна. – В конечном итоге она, стоптав обувь и не получив какой-либо пользы, вернулась, как курица Алмаса.

Алмасил ГанкІу Гадин – возвратиться, не добившись желаемого, несолоно хлебавши (букв. подобно курице Алмаса). У сельчанина по имени Алмас была курица, которая уходила кушать к соседям, поев и у себя дома. В конечном итоге еду ей перестали давать и хозяева, и соседи.

Для сравнения приведем примеры с ФЕ «несолоно хлебавши» в русском языке [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: https://phraseology.academic.ru/13568/Несолоно_хлебавши]:

Однажды январским утром наше звено снова пошло за неуловимым «хеншелем», но так же безрезультатно... Полетали мы около часа вдоль фронта и – несолоно хлебавши – домой (С. Курзенков. Особое задание).

Дискуссия с хозяином ничего не дала, и американский посол уехал, в данном случае буквально несолоно хлебавши (О.А. Трояновский. «Через годы и расстояния»).

В аварском языке русскому пейоративу *несолоно хлебавши* есть много эквивалентов с большей степенью соотнесенности – *хъасулаго гъваницагун* (почесывая затылок), *гъечутIе аралъуса Хважа гIадин вуссине* (вернуться, как Хважа, ушедший за яблоками), *хъвархъвадулев хутIузе* (бесплодно метаться, биться).

Мы уже упоминали о самокритичности в аварском языке, приведем примеры, когда автор послания адресует его себе в форме риторического вопроса:

АнсалтIусес турбаби гIадин понцIозе – заниматься бесполезным делом; бить баклуши; играть в бирюльки (букв. пытаться надуть трубу, как ансалтинец).

Киндай ина дир поезд планалда рекъон? Щвеладай бакI! Яги ансалтIусес турбаби гIадин, гъаб тIехъ понцIолевдай дун вугев? – Приедет ли мой поезд вовремя, смогу ли я получить в нем место? Или я тут, как ансалтинец, надувающий трубу, занимаюсь бесполезным делом? (Р. ХIамзатов. «Дир Дагъистан»).

Сахъадерица гIадин цIулал печь гъабизе, гIехъел гIадин чIалу цIазе – заниматься пустым делом (букв. делать печь из бревен, как сиухцы, растягивать бревна, как ахалчинцы).

Яги сахъадерица гIадин цIулал печь гъабулев ватичIони дун? Яги гIехъел гIадин чIалу цIалевцин гуриц дун? Яги бер бецилъарав чанахъан гIадин цIумилан ккун катида хадув вортанхъулев пуланасда релълъунциниц дун? – Не делаю ли я печь из бревен, как сиухцы? Не растягиваю ли я бревно, как

ахалчинцы? Или я, подобно ослепшему ловчему, думаю, что ловлю орла, гоняясь за кошкой? (Р. Хамзатов. «Дир Дагъистан»).

В горах Дагестана по сей день есть традиция всем аулом помогать в строительстве дома. Ахалчинцы, строя крышу односельчанину, заметили, что одному из бревен недостает малость длины, и, прибегнув к смекалке, решили его замочить в воде и растянуть, подумав, что оно так станет длиннее.

Гамирил Гадал Гисинал шишаби – мелкие, как у Амира, бутылки.

Подразумевается, что некий Амир при ведении торговли, использовал тару меньшего объема для большей выгоды.

Шишабиги нижеца рикIкIнеГаги гIемер рукIинеян Гамирил Гадал Гисинал росулаан. – Бутылки мы брали маленькие, чтобы на вид казалось, будто их много (Р. Хамзатов. «Дир Дагъистан»).

В «Моем Дагестане» Расул Гамзатов приводит цитату своего отца, поэта Гамзата Цадаса:

Цо ГIолохъанав поэтасул поэма цIалараб мехаль инсуца абун:
«ГIаликъебедас гъабураб гъоралъул ГIадин, цIакъго гъетI-гъетIун ругин
гъалъул къадал, мокъида ГIанкIуял ГIадин чIани гурони, Гадамасе гъеб гъороб
рахIат букIине гъечIин. – Прочитав произведение одного молодого поэта, отец промолвил: «Эта поэма под стать сараю, который построил Аликебед. Стены его настолько кривы, что единственное полезное, что из него выйdet, – это курятник».

ГIаликъебедас гъабураб гъоралъул ГIадин – бесформенный, несуразный (букв. как сарай, построенный Аликебедом).

Интересную характеристику дает землякам Расул Гамзатов, сравнивая их с месхетинцами – этническими грузинами, которые в настоящее время рассеяны по всему миру.

Месхетал ГIадин – как месхетинцы (гонимые, рассеянные).

Цояца доре гъун, цояз гъанир гъун,

Месхетал ГIадин нуж хутIилин гуриц?

Одни уехали туда, другие ринулись сюда,

Не уготована ли вам месхетинцев судьба?

Руччабазул дармида вугев Далаголав – как Далаголав жен часто меняющий, то есть быть человеком непостоянным, часто меняющим свои мнения, человеком-флюгером.

*Цо темаялдаса цоги темаялде кІанцІолел, цонигияб тІубан рагІалде швезабуларел чагІи, цоял рачун, цоял риччан, **руччабазул дармида вугев Далаголасда** релъьуна. Гъев кьоло микьго чІужу ячарав, чІужуго гъечІого хутІун вуго гъанже. – Перескакивать с одной темы на другую, при этом ни одну не доводить до конца, это как быть известным многоженцем Далаголавом, который не успевает жениться, как тут же разводится. Он ухитрился жениться 28 раз, но в конце концов так и не завел семьи (Р. ХІамзатов. «Дир Дагъистан»).*

Текьал рагъулеб мехаль, гьорлъе кквезе – попасть в передрагу, угодить в заварушку (букв. принять участие в драке телетлинцев).

*Росулъе газеталда бахъун бачІараб жиндирго кечІ бихъараб мехаль, инсуца абулаан: «Гъарин кечІ, **тІекьал рагъулеб мехаль, гьорлъе ккун батила**. Гъеж-квералда камураб щибниги ругъун гъечІо. – Как-то раз, увидев в газете свое напечатанное стихотворение, отец отметил: «Видимо, стих угодил в телетлинскую драку. На его руках-ногах каких только ран нет (Р. ХІамзатов. «Дир Дагъистан»).*

ЧІвана, Хочбар Іадин, гьоболлъухъ ахІун – убили вероломно, как Хочбара пригласив в гости. Легенда о Хочбаре (является героическим эпосом Дагестана) была воссоздана Расулом Гамзатовым в форме поэмы, которая стала известна в том числе благодаря экранизации.

В аварском языке имеется достаточное количество фольклорных пейоративных фразеологических единиц, они выделяются из корпуса пейоративов грамматически (имеют в своем составе либо имена собственные, топонимы, либо имена нарицательные, связанные с топонимами), в связи с чем можно говорить о них как о самостоятельном явлении языка. Стоит отметить,

что в разговорной аварской речи носители языка часто используют в качестве выразительных средств и стилистических тропов фольклорные фразеологизмы. Фольклорные ПФЕ, имеющие в своем составе топонимы, выходят за свои локальные рамки употребления, их можно встретить в речи носителей аварского языка, которые проживают далеко от места возникновения устойчивого выражения.

Выводы

1. Пейоративность – свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения, и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и наносит этический, моральный, общественный или физический ущерб представителям социума.

2. Лексические единицы, обладающие свойством пейоративности, присутствуют как в аварском, так и в русском языках. Категория пейоративности выражена в аварском на всех языковых уровнях (грамматическом, синтаксическом, фонологическом и морфологическом). Анализируя признаки и свойства, удовлетворяющие категории пейоративности, можно утверждать, что пейоративность как лингвистический феномен в полной мере представлена в аварском языке. Наиболее ярко выраженным пейоративным потенциалом обладают фразеологические единицы с негативно-оценочной коннотацией.

3. В ходе исследования была изучена и подтверждена возможность негативного оценочного суждения в аварском языке и, как следствие, – возможность негативно-оценочной и пейоративной коннотации. Однако не только пейоративные фразеологизмы могут обладать негативно-оценочной коннотацией. Фразеологические единицы с мелиоративной и нейтральной коннотацией в аварском языке могут употребляться в переносном смысле, с ироническим или сатирическим подтекстом, что, в свою очередь, переводит их в разряд речевых пейоративов. Таким образом, пейоративы в аварском языке обладают адгерентностью.

4. В аварском языке негативно-оценочная коннотация не ограничивается одной направленностью к человеку, хотя это и составляет

неотъемлемую ее часть. Определенная доля приходится также на негативную оценочность окружающей человека обстановки, событий, происходящих с ним, каких-либо предметов, в общем, окружающего его мира.

5. Наличие пейоративной оценки любой стереотипной ситуации и использование в коммуникативной ситуации фразеологических единиц, выражающих соответственное эмоциональное отношение к ней говорящего коммуниканта, является несомненным условием для формирования языковой картины мира любой нации.

6. Несовпадение эмпатии и конфликта в аварском и русском языках обусловлено отличиями быта, мировосприятия, географическими факторами, что выражается в различном отношении к стереотипным ситуациям.

7. Фольклорные пейоративы обоих языков могут выступать показателями самокритичности нации, то есть при реализации негативной оценочности уничижение и порицание направляется не только на «внешние» объекты (реализуя внутреннюю психологическую установку «чужой – плохой, неприемлемый»), но и на представителей собственной нации.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВАРСКИХ И РУССКИХ ПЕЙОРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

2.1. Оценочная модальность сквозь призму пейоративных фразеологических единиц аварского и русского языков

Сравнительно-сопоставительный анализ пейоративов на материале фразеологических единиц аварского и русского языков особенно актуален для аварской фразеологии в связи с неисследованностью аварских фразеологизмов с позиций негативной оценочности. Анализ фразеологизмов с пейоративной и негативно-оценочной коннотацией послужит изучению особенностей характера и мировоззрения (мировосприятия) аварского и русского народов, станет подспорьем в дальнейшем исследовании проблем аварской фразеологии. Исследование в таком формате будет содействовать не только самой фразеологии, но также удовлетворять основным принципам антропоцентризма, затрагивая национальные особенности двух народов, которые сосуществуют на протяжении более двух веков. Сопоставительный анализ фразеологизмов языков разных языковых семей позволит ответить на вопросы о том, что и как оценивают разные социумы, а также раскроет особенности поведения его отдельных представителей.

Проведенный анализ языкового материала позволяет выявить различное трактование, восприятие одного и того же явления в сопоставляемых языках. Например, проявление таких качеств, как простодушие и доверчивость. В русском языке большинство фразеологизмов характеризует данное качество как отрицательное, но вместе с тем отсутствие пейоративной коннотации в ряде рассматриваемых случаев указывает на сострадательное отношение к такому качеству человека:

А сам Николай Евграфович глядит на этой фотографии таким простаком, добрым малым, человеком-рубахой; добродушная семинарская улыбка расплылась по его лицу, и он наивно верит, что эта компания

хищников, в которую случайно втолкнула его судьба, даст ему и поэзию, и счастье... (А. Чехов. «Супруга»).

Хотя объект номинации и выступает в роли *простака*, наивного человека, уничижительная коннотация направлена на группу людей, которая хочет его обмануть – «компанию хищников».

После разоблачения Азефа и всего пережитого в связи с этим мы были и сами уже другими – исчезла наивная доверчивость к людям, остыла любовь – холодными остановившимися глазами смотрела теперь на нас суровая, часто безжалостная жизнь (В. Зензинов. «Пережитое»).

Знай, попрекала за его длинный язык, за детскую доверчивость. (В. Быков. «Бедные люди»).

В аварском языке доверчивость подвергается большему порицанию, зачастую при этом для вербализации употребляются фразеологизмы-зоонимы:

Дицаги чанида тIад квер бахъула, щибаб чухъаялъе баркала къола. Ва амма бацIазе вехъльи гъабизе, гъаб дуниялалде вачIун вукIинчIо. – Я тоже со всеми стараюсь быть отзывчивым, оказываю знаки внимания и уважения. Но не для того я родился, чтобы верить на слово недоброжелателям (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...». Т. IV).

Аварская безэквивалентная ПФЕ *бацIазе вехъльи гъабизе* (букв. стать пастухом у волков) семантически обозначает доверчивость, сближение с недоброжелателями, впадение в обман. Любопытным выглядит параллелизм, приведенный во фразеологизме между двумя «непримиримыми» сторонами – пастухами и волками. В русском языке примерами таких параллелей выступают *кот на голубятне, пустить лису в курятник, доверить козе капусту, посадить свинью за стол* и так далее.

В части вербализации основных качеств человека в обоих языках нередко употребляются фразеологизмы с одинаковыми компонентами, что указывает на некоторую общность в мировосприятии народов.

Например, образ змеи в русском языке прочно ассоциируется с коварством и хитростью, но в большей степени – с подлостью и

злонамеренностью [Фразеологический словарь русского языка, URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/]:

Прямо Ирод, а не человек. Всех заездил... Всех слопал... Змеей подколодной к мужикам присосался, кровушку-то из нас всю, как пиявица, выпил (В. Шишков. «Краля»).

Ступай к нему, змея подколодная, иди под крыло и покровительство тебе подобного Калиновича! (А. Писемский. «Тысяча душ»).

Рюхин тяжело дышал, был красен и думал только об одном, что он отогрел у себя на груди змею, что он принял участие в том, кто оказался... злобным врагом (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

В аварском языке так же, как и в русском, змея олицетворяет коварство и хитрость:

Мискинай Мария, лъикIай Мария! Лъалеб гъечIо дуда кинаб борхъица дур бахъинаб керен кваналеб бугеб. – Бедная Мария, прекрасная Мария! Не знаешь ты, какую змею пригрела (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...», т. IX).

Дидехун рокъи бугел, рокъукълъи бугониги, ракъандаса гIус бихъун, чанги хIарпал гъимарал. – Хоть и любили меня многие, но в улыбке все же у некоторых змеюк так или иначе выглядывали их ядовитые зубы (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...», т. VI).

В некоторых случаях в русском языке хитрость выступает показателем гибкого ума, в то время как в аварском хитрость заслуживает нелестную оценку. Зачастую такой человек сравнивается с лисой, которая издавна считается лукавым животным.

Таблица 4.

Хитрость в русском	Хитрость в аварском
<i>1. Хитрить, как лиса</i>	<i>1. Цер гIадин гуккизе</i>
<i>2. Где лисой, где волком</i>	<i>2. Гъани солдат, дова дарбиш</i>
<i>3. Лиса Патрикеевна</i>	<i>3. СихIираб цер</i>
<i>4. Лиса семерых волков проведет</i>	<i>4. Цо цараца анцIго бацI гуккарабила</i>

5. Нанималась лиса на птичий двор	5.Цер гІанкІуязул фермаялде баккаризе
6. Пройти лисой	6.Царахъего

Следует отметить, что аварские эквиваленты, представленные в таблице, не являются калькой с русского языка. Эквиваленты схожи друг с другом как грамматически, так и семантически, исключение составляет фразеологизм *где лисой, где волком*. В аварском языке имеется схожее по семантике выражение, но без компонента «лиса» – *гъани солдат, дова дарбиш* (букв. здесь солдат, там дервиш). *Дарбиш* – странствующий, зачастую бедствующий монах-мусульманин. Само выражение обличает лицемера, который в зависимости от ситуации подстраивается то под одно окружение, то под другое.

Вместе с тем отмечаем, что некоторые общераспространенные негативные проявления не находят отражения в пейоративной фразеологии обоих языков. Например:

*За детей нас держит, хочет голыми руками взять. Видно, **рыльце в пушку**. Ничего, пусть теперь помучается вопросом, откуда мы знаем о его дружбе с Чинцовым* (А. Маринина. «Не мешайте палачу»).

*Медакадемиялгул вукІарав ректор прокуратуралъ ги МВДялъ ги вацІулунев гъабулеб рукІулан, жалгоги рацІадал гъечІелъул. – Бывшего ректора медакадемии покрывали и прокуратура, и МВД, потому что у самих **рыльце в пушку*** (ХІакъикъат. 2013. № 12 (46)).

Объект номинации, порицаемый в качестве причастного к осуждаемым в обществе поступкам, негативным событиям и недопустимым проявлениям, характеризуется в русском языке пейоративной фразеологической единицей *рыльце в пушку*. В аварском языке употребляется выражение *жалгоги рацІадал гъечІелъул* – сами не чистые.

Отмеченные расхождения в коннотации одного и того же явления характерны для фразеологизмов самых разных языков как по структуре, так и по типологии, что подтверждает наш языковой материал. Данные

расхождения представляют исследовательский интерес ввиду демонстрации одной и той же бытовой или жизненной ситуации через призму восприятия каждого из народов.

Также отметим выявленную в ходе исследования грамматическую особенность – аварские пейоративы в сравнении с русскими характеризуются большей сложностью языковых конструкций, часть которых является сложносоставными. Приведем, к примеру, такой аварский фразеологизм, как *къегIер кIалдиб ккураб бацIил тIинчI гIадин лъутизе*, что обозначает *пуститься наутек, убежать с оглядкой* (букв. подобно волчонку с ягненком в пасти): *ГIазизал мугIрузул лъаралги рачун, лъицаниги хъамун унебищ бугеб? КъегIер кIалдиб ккураб бацIил тIинчI гIадин, тIадмагIарухъа мун лъутулеб щайзе? – От дорогих сердцу гор и ручьев разве кто-то пускается наутек? Поворовски, с оглядкой зачем удираешь высоко в горы?* (Р. ХIамзатов. «АнцIго томалде данде гъарурал асарал». Т. I).

Встречаются и сложные аварские пейоративы, состоящие из многих языковых знаков: *люцерналъул хури анкъица гиргахтулеб бартиялъул махI бахъун букIине* (букв. пахнуть, как жеребенок, неделю катавшийся по полю люцерны).

2.2. Особенности вербализации пейоративной оценки в аварских и русских фразеологических единицах

Существует мнение, что «в большинстве европейских языков доминирует лексика «отрицательного толка» [Жельвис, 1991: 138]. Общеизвестно, что отрицательные факторы, не способствующие комфорту, воспринимаются человеком острее, чем положительные, которые рассматриваются как естественные. Наряду с этим следует учитывать, что в зависимости от процентного соотношения негативной и позитивной лексики по количеству негативных/нейтральных/позитивных ФЕ можно судить о частоте соответствующих эмотивных ситуаций. В свою очередь, это позволяет дать

точную характеристику мировосприятия нации, демонстрируя особенности ее характера, менталитета.

Оценка событий, поступков, индивидуальных человеческих качеств характеризуется посредством употребления лексических, а в нашем случае – фразеологических единиц, которые обладают соответствующим значением и семантически отражают элементы действительности.

Ввиду того, что «фразеологизмы языка являются элементами системы языка, между которыми могут возникать различные системные отношения, проявляющиеся также и в полисемии, они также могут представлять собой систему семантических потенций, что позволяет говорить о фразеологической полисемии» [Лескина, 2010: 179]. В процессе речевой деятельности происходит «неоднократное переосмысление одной и той же лексической единицы, что, в свою очередь, вызывает полисемию» [Шевчук-Черногородова, 2006: 256-262]. «Фразеологическая полисемия – результат накопления значений в одной и той же ФЕ, вызываемый неоднократным ее переосмыслением.

В сопоставляемых языках в «корпусе негативно-оценочных единиц» существуют как моносемичные, так и полисемичные пейоративы [Там же]. Например, фразеологизм *лъаракъе реххараб чИмих гIадин* в аварском языке:

лъаракъе реххараб чИмих гIадин (как камень, брошенный в воду):

1. Исчезнуть бесследно, испариться.

Лъидаго гъаракъ рагIичIого, лъаракъе реххараб чИмих гIадин, гъоркъоб хутIана, тIагIана гъев. – Оставив всех в неведении, он бесследно пропал, испарился (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...». Т. III).

Значение ФЕ употребляется вне негативного контекста, фразеологизм имеет нейтральную полярность. Другое влияние контекста имеет следующий пример, в котором порицается неоправдание чьих-либо надежд, фразеологизм при этом несет негативную коннотацию:

1. Делать что-либо напрасно, как горох об стенку.

Досде лъураб хьул лъарахъе реххараб чИмих гIадин ана. – Надежда на него оказалась напрасной («Аварско-русский словарь»).

Фразеологический словарь русского языка рассматривает следующие значения полисемичной ПФЕ русского языка *пристал как банный лист* [Фразеологический словарь русского языка, URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/999]:

1. «Постоянно и надоедливо обращаться с просьбами, требованиями, придирками, издевками к другому лицу, к другой группе лиц:

Ну, Митька пристал как лист банный. «Зайдем, говорит, в барак, зайдем, помотришь, как живу». Ну, шут с тобой думаю, зайдем. (А. Чаковский. «Год жизни»).

Увязался на закрытый просмотр чистой копии, увидел тебя, обомлел, и пристал как банный лист – познакомь да познакомь. Вот и знакомлю (Д. Вересов. «Полет ворона»).

ПФЕ в указанном значении употребляется в роли индикатора навязчивой, надоедливой манеры поведения, в результате чего объект номинации характеризуется как неприятный и невыносимый.

2. Непрерывно пытаться завладеть чьим-либо вниманием:

«В полдень дневальный по роте Карасёв тормозит нас: – Подъем! Обед проспите! Голос у него зычный, громкий. – Как банный лист пристал, – недовольно бормочет Лыков (Н. Пустынцев. «Сквозь свинцовую вьюгу»).

В указанном значении фразеологизм также имеет негативную полярность, так как выражает недовольство действиями.

3. Неотступно следовать за кем-либо, преследовать.

«Влад перевел дух. «Маньяки какие-то. Прилипли как банный лист. И ведь неспроста. Так плотно обкладывают только преступников, за головы которых обещано крупное вознаграждение, или особо опасных свидетелей... Но свидетелей чего?» (Д. Черкасов. «Ночь над Сербией»).

Отсутствие негативно-оценочной (но не негативной) коннотации обусловлено тем, что прямого вреда действия объекта денотации не приносят,

высказывание лишь отражает отношение говорящего к неким «преследователям».

Примером моносемичной ПФЕ в русском языке можно назвать *сидеть сложа руки*. Основное значение фразеологизма – бездействовать, не принимать участия в каком-либо деле, ничего не делать, не предпринимать каких-либо действий в ситуации, когда эти действия ожидаемы или необходимы (примеры из Фразеологического словаря русского языка [Фразеологический словарь русского языка, URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/2334]).

«В городе беспредел, а вы сидите сложа руки. Новые наркотики, гибель Танечки. Где, где результаты?! (М. Береговской, Ф. Незнанский. «Опасные каникулы»»».

Сидите целыми днями сложа ручки, а мать на всю семью одна работает! Даже по дому помощи от вас не дождешься! (Ф. Абрамов, Пелагея).

Человек со сложенными (на груди, на коленях) руками демонстрирует праздность, отдых, отстраненность, отказ от работы, иными словами, ассоциируется с бездействием, что позволяет параметризовать данную ПФЕ как моносемичную.

Похожий по семантике пейоратив встречаем в аварском языке – *жеги кьурда хIорс кьабичIеб тайпа* – не познавший тягот жизни, праздный (букв. еще ломом об скалу не ударивший, в руках лом не державший).

Къадарав чиясул рахъаль абула жеги кьурда хIос кьабичIеб тайпа вугилан. – Про негодных людей можно сказать, что они в руках лом не держали, не познали тягот жизни (Р. Гамзатов. «Мой Дагестан»).

Отождествление тягот жизни с тяжелой работой (*бить ломом по скале*) связано с тем, что строительный камень для постройки домов в горах добывался тяжелым ручным трудом – отламыванием скальной породы. Затем этим обломкам придавали форму, пригодную для строительства. Постройка

дома из добытых камней представляла собой особую обязательную школу жизни. Уничижению здесь подвергаются некоторые характерные черты *негодных людей* – нежелание полностью отдаваться работе, природная лень.

Вышеприведенные примеры демонстрируют наличие в аварском языке полисемичных и моносемичных пейоративов. Одновременно с этим одним из принципов классификации фразеологизмов С.В. Лескина считает принцип эмотивности, который подразделяет их на:

- эмотивно-немаркированные;
- позитивно-оценочные;
- негативно-оценочные [Лескина, 2010: 171].

Анализ языкового материала показывает, что пейоративы могут и не обладать прямой (языковой) негативной оценочностью. В контексте, под влиянием синергетики текста, они приобретают пейоративную эмосему, которая позволяет определить их как речевые пейоративные фразеологизмы.

Пейоративность, будучи свойством фразеологических единиц, может быть *ингерентной* (языковой) и *адгерентной* (речевой). Пейоративность является ингерентной, если она заложена лингвистически в семантику пейоративной фразеологической единицы и адгерентной, если пейоративная коннотация актуализируется под влиянием контекста речи, в котором она используется.

Как отмечает С.В. Лескина, адгерентная пейоративность приобретает двумя способами:

- 1) языковой знак с ингерентной негативной (но не пейоративной); коннотацией наращивает пейоративную эмосему;
- 2) языковой знак с ингерентной позитивной коннотацией наращивает эмосему противоположной полярности под влиянием контекста [Лескина, 2010: 174].

Для формирования образности данного утверждения рассмотрим образование адгерентной пейоративности в сопоставляемых языках.

Такие ФЕ аварского языка, как *я пер гуру, я цIам гуру (ни рыба, ни мясо), кIалъачIого яхI гъабизе кIоларев чи (язык без костей), жаниб нах гъечIеб гвангвара (безмозглый)* в узком смысле не являются пейоративами, так как те, кого ими характеризуют, не несут прямого вреда социуму. Вместе с тем они в определенной степени указывают на отклонение от установленной социальной нормы, так как бесхарактерность, болтливость и слабоумие, которые характеризуются посредством вышеуказанных ФЕ, во все времена порицались и подвергались уничижению.

Например, ФЕ *гIанкIги гуреб, бацIги гуреб (ни волком, ни зайцем)*, обладает нейтральной коннотацией, так как эмотивно-немаркирована:

– *Щиб хIал бугеб? – абун гъикъана дица цо нухаль АбутIалиб Гъапуровасда. – ГIанкIги гуреб, бацIги гуреб – гъоркъохъеб хIал буго, – ян абун гъес. – Как дела? – спросил я как-то, увидев Абуталиба Гафурова. – Да как, ни волком, ни зайцем, серединка-наполовинку, – ответил он (Р. Гамзатов. «Мой Дагестан»).*

Из приведенного примера видно, что народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров характеризует свое состояние как посредственное, без видимого желания посвящать собеседника в свое положение дел. Сам фразеологизм обладает нейтральной коннотацией, уничижение и негативная оценочность отсутствуют.

Однако под воздействием внешних факторов, под влиянием синергетики текста, приводящей к возникновению новых смыслов, такого рода эмотивно-немаркированные ФЕ приобретают адгерентную пейоративность:

Жаниса мугъ тIагIараб, тIоралда рельъун ворхун, гъадин цо вежа-велъинчIев гъес рехарал рагIаби. – Без твоя уверенности, ни рыба ни мясо, едва-едва, мямлив, произносил он слова (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...»). Т. III).

Фразеологизм *вежа-велъинчIев чи* в аварском языке обозначает бесхарактерного человек, мямлю, тюфяка. Можно наблюдать, как в примере употребление данной ФЕ способствует приобретению другими ФЕ – *жаниса*

мугъ тIаgIаrаb (спину потерявший), *тIоралда релъльун ворхун* (без хребта, поникнувший) негативной оценочности. Иными словами, будучи нейтрально-маркированными и описывающими внешнее состояние, фразеологизмы под влиянием негативно окрашенного фразеологизма *вежа-велъинчIев* приобретает пейоративную эмосему. Возможно, это связано с тем, что черта характера, описываемая одной из ПФЕ, является причиной другой, которая и подвергается уничижению.

Аналогичную картину фиксируем и в русском языке [Фразеологический словарь русского языка, URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/1509]:

«Это про них Нагульнов говорил: «Да разве ж это колхозники? Это так, ни рыба ни мясо!». Вышли те, которые, по сути, были мертвым балластом в бригадах» (М. Шолохов. «Поднятая целина»).

Фразеологизм *ни рыба ни мясо*, который, как мы уже отмечали, может иметь нейтральную коннотацию, является адгерентным пейоративом, так как приобретает ее посредством добавочного характеризования объектов денотации таким выражением, как *мертвый балласт*. То есть группа людей, обозначаемая как *мертвый балласт*, характеризуется посредством ПФЕ *ни рыба ни мясо*, которая и обладает искомой пейоративной эмосемой.

Совсем по-другому выглядит указанная ПФЕ без негативной оценочности. Достигается это посредством отсутствия какого-либо указания на приносимый вред социуму:

«Тот, кто ещё не воевал, тот ещё не военный, ни рыба ни мясо» (К. Симонов. «Товарищи по оружию»).

Не воевать или *быть не военным* не может подвергаться уничижению, так как это не установленная норма социума.

«Читал Нежданов не совсем хорошо; не решался декламировать и не хотел впасть в сухой тон; выходило – ни рыба ни мясо» (И. Тургенев. «Новь»).

Так же, как и превосходное чтение, красноречие и ораторское искусство – их отсутствие не порицается.

«Ларисин избранник оказался так себе, ни рыба ни мясо – сразу не отгадать, что за человек» (В. Панова. «Времена года»).

«Ты с ним полтора года работал... должен был изучить человека». – «Работал, ну что ж. Никаких особенных грехов не замечал. Так себе, ни рыба ни мясо» (В. Овечкин. «Районные будни»).

Как видно из примеров, объекты денотации не подвергаются уничтожению. Это происходит только в тех случаях, когда в контексте усматриваются их негативные действия. Таким образом, порицается лишь то, что имеет какое-либо негативное влияние на общество, то, что выходит за рамки установленных им норм.

Языковые факторы подтверждают, что образование адгерентной (речевой) пейоративности как в аварском, так и в русском языке достигается за счет наращивания пейоративной эмосемы.

Из этого можно также сделать вывод, что ингерентными являются фразеологические знаки, языковая пейоративность которых обусловлена пейоративной эмосемой, лингвистически присутствующей в их семантике.

Анализ фразеологизмов *я пер гуру я цIам гуру* (букв. ни лук, ни соль), *мацI букIарарав чи* (букв. человек с чешущимся языком), *жаниб нах гьечIеб гвангвара* (букв. пустая голова) показывает, что их коннотация является негативной, но не пейоративной, так как люди, обладающие подобными качествами, сами по себе не причиняют вред обществу. Но будучи использованными в контексте, под влиянием синергетики текста, они приобретают пейоративную эмосему, которая позволяет определить их как речевые пейоративы (адгерентные пейоративы):

ЦохIо Аллагьасда кIвелаан гьесул Iамал-хасият кинаб бугебали бицине. Руго цо-цо Iадамал, я пер гурел, я цIам гурел, гьадингоял чагIи ругилан жидер хIакъальуль абулел. – Один Аллах разве может знать, какой был у него характер. Есть род людей, известных под именем: ни то, ни се [Магомедханов, 2007: 196].

Данная ПФЕ характеризует одного из героев повести отсутствием какого-либо подробного описания, предоставляя читателю самому понять, кем он является. Характеристика возникает благодаря воображению читателя, которое само домысливает, что быть «средняком» является неприемлемым, заслуживает унижения. В свою очередь, это обуславливает адгерентную (речевую) пейоративность фразеологизма *я пер гурел, я цIам гурел*. Приведем пример из русского языка:

Ее длинный язык не раз бывал причиной мелких, а иногда и крупных размолвок между своими, но он же и выручал всех, когда надо было ехать на рынок торговать (И.Л. Мамаева. «Росомаха»).

Любопытно то, что государыне было известно про длинный язык этой ее фрейлины, распространявшей про нее дурное (В.С. Трубецкой. «Записки кирасира»).

Из контекстов видна разница коннотаций. В обоих случаях денотация подкреплена ситуациями, в которых объектам даются характеристики. Хотя вербализатором негативных качеств и выступает фразеологизм *длинный язык*, но в первом случае он употребляется эмотивно-немаркированно, а во втором приобретает пейоративную эмосему под влиянием контекста, что обуславливает его адгерентную пейоративность.

Вторым способом приобретения пейоративности является смена положительной ингерентной коннотации на отрицательную адгерентную. Так, в аварском языке использование иронии способствует презрительному унижению объекта номинации:

Игитги ваче цадахъ – Храбреца забери с собой (по отношению к трусливому человеку).

ЭйГан хIеренай къанагIатги йикIунаро. – Такую «обходительную» девушку поискать надо! (оценка неучтливой, грубого поведения девушки).

Гъав пири гIадав лачен метер гурони гъани цвеларо. – Этот подобный молнии шустрик будет здесь только завтра (демонстрирует чью-либо медлительность) («Аварско-русский словарь»).

В приведенных примерах положительные на первый взгляд знаки несут отрицательный подтекст, явный смысл скрыт и противоречит смыслу истинному. Подсознание фиксирует реализуемую контекстом иронию. Следует полагать, что в некоторых случаях ирония и пейоративность преследуют одинаковые цели в высказывании. Вместе с тем не каждое ироничное замечание является пейоративом, равно как и не каждый пейоратив может заключать в себе иронию. Если говорить о таких видах иронии, как *самоирония*, *антиирония*, *сократова ирония*, то в этих случаях не преследуется цель уязвить, высмеять объект высказывания. Зачастую высказывания данного рода подразумевают положительный подтекст. Сарказм, в отличие от иронии, направлен строго на уничижение объекта номинации. Например, такая аварская поговорка:

ТюкIабги гьобо базе бакIиц дуе кьваригIараб? – Что, и место для постройки мельницы захотел? (о чьем-либо ненасытном желании получить что-либо вдобавок к тому, что уже имеет).

Леледуге, ахIи бахъунин. – Не ори, а то вдруг еще шум поднимется (указывает на чей-либо малый авторитет в обществе).

В сарказме ирония трансформируется в высшую степень негодования, ненависть.

Дур бетIералдаса бетIергIанасеб хьабахъ лъикI. – Чем твоя глупая голова, лучше тыква с голову.

Цель саркастического высказывания (критика поступка, поведения, качеств личности) совпадает с целью пейоративного высказывания, демонстрирующего неодобрение, уничижение.

Примеры иронии и сарказма показывают, что смысл многих лексем может меняться диаметрально противоположно, меняя при этом смысл предложений. Возникает вопрос, почему отдельные единицы языка, разные по смысловому построению и выражению знания, могут вместе образовывать законченное по смыслу предложение.

2.3. Когнитивные основания образности аварских и русских пейоративных фразеологизмов в сопоставительном аспекте

Классические теории семантики (Тарского и Дэвидсона) дают интерпретацию смысла языковых единиц – с точки зрения необходимых и достаточных условий, смысла предложения – с точки зрения истинных условий, а композиции – с точки зрения пропозициональных (формализованных) функций. Каждое из этих объяснений тесно связано с другими. В соответствии с этими традиционными теориями смысл отдельного предложения может пониматься как условие, при котором информация, содержащаяся в данном предложении, передается надлежащим образом.

Лексемы могут передавать смысл либо посредством вещей, о которых ведется речь (так называемый «экстенционал» лексического значения), либо с точки зрения общих свойств этих вещей (так называемый «интенционал» значения). Интенционал передает собеседнику те необходимые и достаточные условия, при которых вещь входит в экстенционал определенной лексической единицы. То есть слово «сахар» является экстенционалом, слово «сладкий» выступает интенционалом. Таким образом, пропозициональные функции являются теми абстрактными инструкциями, которые позволяют собеседнику правильно заполнить переменные величины в свободном предложении и, следовательно, получить правильную информацию из предложения как единого целого.

Между тем теории в когнитивной семантике, как правило, строятся на доводе о том, что лексический смысл концептуален. То есть смысл не обязательно является ссылкой на некий объект или отношение в реально существующем или потенциально возможном мире. Ведь иногда человек сообщает собеседнику сведения, с которыми он не сталкивался в реальном мире (но о которых составил представление). Вместо этого смысл соотносится с понятиями, уже находящимися в сознании и основанными на личном понимании. В результате такие семантические факты, как «*Все холостяки – это неженатые мужчины*» не являются фактами исключительно в языковой

практике. Скорее эти факты ничем не отличаются от энциклопедического знания. Неженатый мужчина может быть как еще не женившимся, так и уже разведенным.

Понятия, с которыми соотносится смысл, в когнитивной психологии носят название прототипов. Прототип – это абстрактный образ, воплощающий множество сходных форм одного и того же объекта, наиболее репрезентативный пример понятия, фиксирующий его типичные свойства.

«В когнитивной психологии разработаны две теоретические модели формирования прототипа. Первая – модель центральной тенденции – предполагает, что прототип есть хранящийся в памяти абстрактный образ, представляющий собой нечто среднее из всех относящихся к нему примеров. Вторая – частотная модель – исходит из допущения, что прототип содержит наиболее часто встречающееся сочетание признаков, свойственных некоторому набору экземпляров» [Шарандин, 2011: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskiiy-status-ponyatiy-invariant-i-prototip-v-sovremennoy-lingvistike>].

Таким образом в среде исследователей возникает мнение, что если прототип и не является концептом, то имеет с ним много общего. Однако концепт, будучи содержательной стороной лексемы, за которой стоит понятие, может соотноситься с другими ближайшими понятиями, прототип же является наиболее репрезентативным примером понятия, фиксирующим его типичные свойства.

Такое порицаемое общественное явление, как пьянство может расцениваться как концепт, включающий в себя множество смежных понятий, прототипом концепта пьянства может являться какой-либо из объектов, причем у каждого человека он разный. Можно говорить о градации прототипов, то есть некоторые из них более соотнесены с явлением, нежели другие.

Основываясь на данной теории, мы выдвигаем предположение, что использование пейоративов и лексем с негативно-оценочной коннотацией

вызывает у человека в сознании отрицательный образ, с которым он ассоциирует объект денотации ввиду приписывания отдельных черт и свойств образу объекту, у которого ранее их не было. При построении данной связи важную роль играет воображение и способности к социокультурным и персональным ассоциациям. Зачастую, если такая связь возникает, в дальнейшем объекту денотации становится трудно избавиться от черт, которые ему были приписаны данной связью. Это является причиной того, что если у человека сформировалось негативное мнение о чем-либо, изменить его сложно. Однако главной причиной остаются негативные образы.

Многие фразеологизмы и идиомы берут свое начало с событий, которые происходили в жизни народа. Обычные бытовые ситуации, житейский опыт и народная смекалка служили толчком к их трансформации. Будучи образами в сознании, они обрели речевую форму.

Чехь унтараб цер гIадин – вести себя как лисица, у которой болит живот. То есть притворяться, прикидываться слабым. Как банный лист, как пиявка – *гуренж гIадин*. *Гуренж* – пиявка, которую можно встретить в озерах и реках Дагестана. Как свора собак на тощую козу – *Ракъарал хъурмаца хъорсол це гIадин*. Пустые слова, красивые речи – *ЦIа гъечIеб кIуй* (как дым без огня). Самодовольно – *Мохмох квараб кету гIадин* (как кошка съевшая сало). Черная зависть – *РекIель бараб хIапара* (червивое сердце).

В основе данных форм лежит многовековой аккумулированный духовный, культурный, бытовой опыт народа.

Негативные образы тесно связаны с абстрактным мышлением человека. В процессе своего использования в языке пейоративы абстрагируются от множества свойств предмета номинации с целью выделения существенного признака. Часто абстракцию понимают как синоним «мысленного», «понятийного» в противоположность чувственно-созерцаемому, наглядно-данному. Однако абстракцией может быть не только понятие, не только мысленное отвлечение, но и чувственно-наглядный образ (например,

геометрический чертеж, схема или произведения так называемой абстрактной живописи) [Энгельс, 1955: 197].

В аварском языке причиной существования пейоративной коннотации и, как следствие, пейоративных конструкций является примитивная чувственная абстракция. В случае пейоративов в процессе номинации она отвлекается от одних свойств денотата, выделяя при этом другие его свойства или качества – которые являются объектом уничижения и порицания.

Рассматривая аварские фразеологические единицы с пейоративной коннотацией в сопоставлении с русскими, можно условно разделить их на два типа:

1) вербализованные отвлеченными понятиями (абстрактные):

тохльукъего хвезе – упасть духом, *лъикIалье гуро* – не к добру, *ишлъугIана* – пиши пропало, *язихъаб яшав* – жалкое существование;

2) вербализованные конкретными объектами, предметами и процессами (материальные):

къадал гIадин кьерги тIун – лица нет, *бищун унтулеб бакIалда хIунсизе* – наступить на мозоль, *тIун гьодобе аяб* – ни дна ни покрышки, *къвачIа баччизе* – сматывать удочки.

М.И. Магомедов и А.Ф. Мирошникова, исследуя производные единицы аварского языка в своей работе, отмечают некоторые отношения между их формой и содержанием, которые можно наблюдать в парах «производящее – производное» [Магомедов, Мирошникова, 2010: URL: [https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/07-](https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/07-CaucasusConference/pdf/final%20abstracs%20Russian/MagomedovMiroshnikovaAbstract.pdf)

[CaucasusConference/pdf/final%20abstracs%20Russian/MagomedovMiroshnikovaAbstract.pdf](https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/07-CaucasusConference/pdf/final%20abstracs%20Russian/MagomedovMiroshnikovaAbstract.pdf)]. В особенности они отмечают различия между формой и содержанием производных слов, обладающих оценочным компонентом значения. Производящее слово стилистически нейтрально, а экспрессивное словообразование относит производное слово к стилистически окрашенной лексике (разговорная речь). Предположим, что подобное явление также имеет

место и в случае с пейоративными фразеологизмами. Для подтверждения приведем примеры.

Аварские лексемы *гунзари* и *хъабахъ* могут в составе фразеологизмов употребляться как пейоративы в значении «пустая голова», «голова садовая»; *хлехъ* (пень, болван, остолоп, оболтус, олух, глупец, чурбан) употребляется в качестве пейоратива как неотесанный человек, олух царя небесного и т.д.; также в виде конструкций *гъале унго-унгояв хлехъ* – вот уж настоящий чурбан, *хлехъ гIадин чIезе* стоять истуканом; *чIоло* – веревка, *квасул чIоло гIадин* – быть как веревка из шерсти, то есть быть без стержня, бесхребетным. *ХIама* – осел; *бацIие бухъараб хIама гIадин* – сидеть сложа руки, смиренно ожидать своей участи; *дур кIаркъабазул чIахIлъи щиб, яхI гъечIеб хIама!* – ну щеки откормил, осел ты бессовестный; *квахIала хIама* – лентяй, лодырь, бездельник.

Вышеуказанные единицы, будучи эмотивно нейтральными лексемами, при включении их во фразеологические единицы, приобретают негативно-оценочную коннотацию. Похожую ситуацию наблюдаем и в русском языке [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru>]:

«Машина! Он бы, старый пень, подумал — какая она машина-то? Железная! — стало быть ее не жалко, завел — она и кует тебе рубли» (М. Горький. «Фома Гордеев»).

«А ну поднимайся! — Поднимешься, старый пень! Самогонку разбазарил, раздал кому не следовало, а своим фигу теперь! Нет уж, я тебя взгрею. За обман. И за оскорбление фюрера. За фюрера, знаешь, что полагается?» (В. Быков. «Знак беды»).

«Панин оставался ко всему равнодушен, всё делал нехотя, через пень-колоду» (Ф. Вигдорова. «Дорога в жизнь»).

«Разумеется, хозяйство шло у него через пень-колоду; сестра жила на его счёт и теперь на его счёт всю семью содержит» (А.И. Герцен. «Повреждённый»).

Мы уже отмечали, что анализ пейоративов по принципу полисемичности позволит узнать степень автономности фразеологизмов в процессе выражения эмоций. Вместе с тем анализ пейоративных фразеологизмов был бы неполным без исследования самого характера эмоций. Ведь во многих случаях лексические знаки, не обладающие негативно-оценочной коннотацией, приобретают ее в речи носителей языка, либо будучи включенными во фразеологические единицы, либо просто благодаря контексту или иронии.

Что касается эмоций, количество видов отрицательных эмоций, обнаруживаемых у человека, в несколько раз превышает количество видов положительных [Жельвис, 1991]. Психолог Ян Рейковский, рассматривая негативные эмоции, определяет основные из них – «... страх, враждебность, расстроенное состояние, раздражение, вина, стыд, отчаяние, гнев» [Рейковский, 1979: 8]. Логично предположить, что данные чувства рождаются на основе негативного настроения и негативного мировосприятия. Рейковский подчеркивает, что «... пусковым моментом для негативных эмоций является недовольство окружающим миром, его неприятие» [Там же: 45]. Предположительно, в случае пейоративов, данное недовольство и неприятие трансформируется в негативную оценочность, и уже в речи носителя языка приобретает пейоративную коннотацию. Таким образом, можно утверждать, что использование в своей речи пейоративных фразеологизмов одновременно позволяет решить три задачи:

- 1) выражается негативное состояние автора;
- 2) передается его негативно-оценочное отношение к человеку;
- 3) оказывается негативное воздействие на человека.

Задействование пейоративных конструкций в речи обусловлено актуализацией психологической закономерности к порождению все новых эмоций, которые нуждаются в языковом выражении. По мнению С.В. Ионовой, анализ эмотивных особенностей текста позволяет выявить основные функции эмотивности [Ионова, 1998]. С точки зрения соотношения эмоциональной и рациональной информации в тексте эмотивность может

выполнять дублирующую (дублирование рациональной информации), компенсирующую (восполнение недостающей рациональной информации) и замещающую (составлять основное содержание текста) функции. С точки зрения решения прагматических задач в тексте эмотивность может служить для выражения эмоционального состояния автора, для передачи его эмоционального отношения к чему-либо, для оказания эмоционального воздействия на адресата [Рейковский, 1979: 46]. Данное эмоциональное воздействие демонстрируется в следующем примере:

Бартмян цIарги лъун, xIамида гIарцул кыли лъолецин гъечIиц нуж? – Вы мало того, что осла назвали скакуном, может, еще и серебряное седло на него наденете? (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...». Т. III).

Из примера видно, что автор обращается к тому, кто принимает желаемое за действительное. Для наглядности используется устойчивое выражение, чтобы наиболее точно характеризовать степень заблуждения окружающих. Употребление материальных (вербализующих конкретные объекты) пейоративов усиливает эффект. Примеры употребления материальных пейоративов аварского языка можно встретить у Расула Гамзатова в его книге «Мой Дагестан»:

*Хириял издателал, дида нуж ричIчула, нужее бигъаяб гъечIо, «жиндир тIехъ гъав цоясулалдаса квешабиц бугебан» цояв, «гъудуласул бахъараб, дир щай бахъуларебан» цогиял – гIемерисезе xIамулги къваригIун руго, къадруги бокъун буго. – Уважаемые издатели, я понимаю, как вам нелегко. Одни писатели убеждают вас, что именно их книга лучше. Другим не нравится, что вы печатаете только своих друзей. Про таких говорят – **и осел нужен, и уважение терять не хочется*** (Р. XIамзатов. «Дир Дагъистан»).

В этом примере Расул Гамзатов повествует о писателях, которым необходимо выпустить в свет книгу и вместе с тем не терять авторитет в среде литераторов, прося за нее. В этом смысле одним из эквивалентов в русском языке пейоративу *xIамулги къваригIун руго, къадруги бокъун буго* может быть *за двумя зайцами погнаться*. В аварской ПФЕ проводится противопоставление

между такими понятиями, как «осел» и «положение», «авторитет», «уважение», «признание». Зажиточные горцы имели вьючных лошадей, мулов и быков для перевозки грузов и ездили на конях. Также конь – это атрибут горца, джигита, абрека. Горская беднота, пастухи и крестьяне в качестве средств перевозки грузов и для передвижения использовали преимущественно ослов. Появление на людях верхом на осле никак негативно не влияло на отношение к человеку, но также и не прибавляло человеку авторитета в глазах общества.

Америкаялгул киноялда ялгунни тIахъазул жилдазда тIад щибго ретIараб жо гьечIел гъайбатал ясазул, васазул суратал цоцазда хурхун рукIуна. Хал гъабизеян жанире раккидал, гъениб щибго рельгъараб жо батулари. XIамулги къваригIун, къадруги бокъунан абула гъедианал гIадамазде магIарулаз. – В Америке на афишах кино и обложках книг любят изображать красивых девиц и парней. Но когда заглядываешь за обложку, содержимое оказывается совсем не такое радужное и романтическое. И осел нужен, и признание хотят, так про это говорят аварцы (Р. XIамзатов. «Дир Дагъистан»).

Здесь же подвергается порицанию двойственная сущность иностранных кино и книг. Исходя из примеров можно характеризовать аварский пейоратив как моносемичный билингвальный материальный моноэмотив. Более широко используется его русский эквивалент – и с нейтральной, негативной и негативно-оценочной коннотацией.

Они решили поохотиться за двумя зайцами сразу: доклад для конгресса мог явиться и статьёй для журнала – немецкого или английского. (Д.С. Данин. «Нильс Бор»).

«Но эта операция требовала такого сложного и бдительного контроля, что чиновники, увлекавшиеся выгодами торговых барышей, нередко становились в положение человека, погнавшегося разом за двумя

зайцами и ни одного не поймавшего» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Господа ташкентцы»).

«Философскую книжку Криворотов, уходя, сунул в портфель заодно со злосчастной машинописью антологии, правда, не из любви к философии, а в погоне за двумя зайцами: теперь у него был повод прийти к Чиграшову еще раз» (С. Гандлевский. «НРЗБ»).

«И если бы он сразу оборвал всё, то конечно ничего бы и не было, но он тянул, врал, что-то выгадывал – словом, гнался за двумя зайцами сразу» (Ю.О. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»).

Приведем примеры того, как в русском и аварском языках фразеологические единицы с ингерентной негативной коннотацией под влиянием контекста приобретают негативно-оценочную окраску.

Фразеологизм *сидеть сложа руки* в русском языке не обладает ярко-выраженной негативной коннотацией, поскольку первоначально обозначает бездействие в ожидании подходящего случая:

«Ей всё время казалось, что она потеряла их сама, по своему недосмотру. Что она должна была делать, чтобы сохранить их, она не понимала и теперь, но что-то, наверно, делать надо было, а не сидеть сложа руки и не ждать у моря погоды» (В.Г. Распутин. «Последний срок»).

Вместе с тем приобретение негативной оценочности возникает с изменением первоначального значения. Вместо него оценочностью выражается тотальное бездействие, обусловленное нерешительностью, бесхарактерностью, которые, в свою очередь, порицаются в качестве отклонения от установленной социумом нормы:

И вот теперь, пока они здесь, в Саратове, ожидают работы, присяжные в столице оправдывают Засулич. На улицах Петербурга происходят демонстрации студентов. А они сидят здесь и ждут у моря погоды (В.Н. Войнович. «Степень доверия»).

– Какие проблемы? – Проблемы у твоей жены, а ты сидишь, как Илья Муромец, двухметровый балбес на печи и ждёшь у моря погоды. У тебя есть

возможность оперативно проверить типографию, в которых печатают ее книжки? (А.А. Маринина. «Я умер вчера»).

В следующем примере ФЕ аварского языка с ингерентной негативной коннотацией получает под влиянием синергетики текста нейтральную окраску, становится эмотивно-немаркированной:

Росдал годекІанир ганчІал хинльизарулел харбида рукІана цІигьулдерил жамагІатальул цо-цоял. Дун, саламги къун, цвана гьезухъе ва гьелгун гІодов чІана. Хабар хур-херальул, гьутан-мегІеральул, унтарал-шокъазул хІакъальлъ букІана. – Грея камни на сельском годекане, цадинцы вели непринужденный разговор. Я, поздоровавшись, присел рядом с ними. Разговор был о том о сем, о селах – горах, о здравствующих и ушедших (Р. Гамзатов. «Мой Дагестан»).

Негативный фразеологизм аварского языка *росдал годекІанир ганчІал хинльизаризе* обозначает «бездельничать, бить баклуши; играть в бирюльки (букв. камни греть на годекане)». В основном употребляется в неодобрительном контексте. Этимология пейоратива восходит к особенности сельских годеканов, материалом для скамьи которых служил камень. Пейоративная эмосема фразеологизма никак автором не раскрывается.

Гьел ракІ беццал, ракІ гІинкъал – гІемер руго ракъалда. – Смотрят – но не видят, слушают – но не слышат, – много таких сейчас.

РакІ беццал, ракІ гІинкъал можно толковать по-разному. Это может быть и «серая масса», и «люди без искры», в общем понимании – посредственные личности либо безразличные и глухие ко всему, с ограниченным умом, бесталанные люди (букв. те, у кого сердца слепы и глухи). Сердце в аварском языке занимает особое место, так как обозначает не только жизненно важный орган, но и такие фундаментальные понятия для любой языковой картины мира, как душа и разум. Рассматриваемый аварский фразеологический пейоратив восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической – к олицетворению. Сердце внезапно

обретает такие человеческие свойства, как слух и зрение. В основе данного образа лежит аналогия «сердце – человек». Основа образа базируется на первостепенных архетипических оппозициях: «слух – глухота», «зрение – слепота», а также на связанном с ними противопоставлении.

Такого рода аналогии и оппозиции, являясь фундаментальными в своем роде, послужили причиной множества устойчивых выражений в аварском языке с такими компонентами, как «глаз», «язык», «голова», «сердце». Данным соматизмам посвящены отдельные исследования. Так, С.И. Магомедова в своей работе «Соматизмы "глаз", "сердце", "голова" в объективации картины мира» определяет возможные схождения и расхождения в использовании соматизмов и соматической фразеологии в создании аварской языковой картины мира [Магомедова, 2009].

В следующем примере Расул Гамзатов, наоборот, сравнивает живого человека с объектом неживой природы:

<i>Амма наслабаца Марям цIехейгун,</i>	<i>Махмуд и Марьям – эти имени два</i>
<i>МахIмудил гурони цIар рехсоларо.</i>	<i>Навеки связала людская молва,</i>
<i>Заманабаз гъезул къиса цIехейгун,</i>	<i>И песни Махмуда поныне поют,</i>
<i>Къебедил МахIамад къеда цо чIимих.</i>	<i>А Кебед-Магома – постылый супруг.</i>

Хотя на первый взгляд, оценочное отношение можно характеризовать как нейтральное, благодаря такому стилистическому средству, как сравнение, оно переходит в уничижительную категорию, дифференцируя отношение говорящего как негативно-оценочное. Особую роль играет то, с чем сравнивается человек – *къеда цо чIимих* (маленький камешек в стене) – нечто незначительное, ничтожное, не стоящее внимания.

Это усиливает уничижительный характер послания. Схожий эффект наблюдаем в следующей аварской поговорке:

Мунги гъой, гъевги рачI – Ты пес, а он твой хвост.

То есть говорящий характеризует не только самого человека, но и его приятеля, называя его хвостом, который является неотъемлемой частью

животного. Данный факт указывает на возможность использования градации в аварском языке для усиления эффекта уничижения. Само слово «гьой» (собака) может иметь и бранное значение «подлец», «негодяй». В русском языке наличествуют фразеологизмы с компонентом «собака» обеих полярностей. Это могут быть как позитивно-оценочные фразеологизмы *верный как пес, собачья преданность, собачий нюх* (интуитивно угадывать что-либо), так и негативно-оценочные *собачья жизнь, собака на сене, вешать всех собак* и т.д.

Например, фразеологическая единица *пес смердящий* в русском языке обычно употребляется в значении *низкий, подлый, мерзкий человек*:

Воевода в твоё дело встрянет, ты своё работай, да с ним потише, много навредить может, пес смердящий (Ю.П. Герман. «Россия молодая»).

Указанная ПФЕ является моноэмотивной моносемичной. Для вербализации употребляется объект материального мира.

Вместе с тем в следующем примере данная ФЕ теряет своё оценочное суждение:

Что бы еврей ни предпринял, он всегда остаётся стигматизированным. Делается он христианином – он выкрест; остаётся при иудействе – он пес смердящий. Можно ли себе представить мучительство более безумное, более бессовестное? (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Пошехонские рассказы»).

В аварском языке в большинстве фразеологизмов с компонентом «собака» также наличествует негативно-оценочная коннотация, присутствует малое количество ФЕ с положительной полярностью: *нахъасан речIулеб гъве гIадин* – напасть вероломно (букв. как собака, кидающаяся сзади), *рухъен тIураб гъве гIадин* – словно собака, сорвавшаяся с цепи. Например, о праздношатающемся человеке:

БахIри гIадин тирулев вукIуна дов кидаго. – Он вечно слоняется без дела, бродит, как бродячая собака («Аварско-русский словарь»).

Жен-жесдулеб гъвеялъе я тIил, я ракъа щола. Цояз къун, цояз къечIого,

лъабабилез къабгІулаго нахъе гъуниги, дихъе речІчи гъабизе гІурал мугъал щвана. – Вечно лающей собаке кидают или кость, или палкой по голове. Одни накормят, другие нет, третьи побьют (Р. Гамзатов. «Мой Дагестан»).

О неблагодарности, жестокости:

ХинкІ реханиги гъой буго мун, рехичІониги – гъой буго мун. – Хоть хинкалами накорми – пёс ты, хоть не накорми — всё равно пёс («Аварско-русский словарь»).

Багъаго гъикъуге гъанже гъаб рокъул, гъойца ракъа гІадин, цциналъ хъарсулеб. – Не спрашивай больше об этой любви, она грызет тебя, как собака грызет кость (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...». Т. V).

Вопреки возникшему изначально представлению о пейоративных фразеологизмах в аварском языке как о ранее неизученных явлениях, есть основания говорить о формировании вполне определенных характеристик негативно-оценочной коннотации. Категория пейоративности в аварском языке имеет ряд своих особенностей, что дает почву для их систематизации и исследований в сопоставлении с русским языком.

2.4. Роль пейоративных фразеологических единиц в репрезентации аксиологических доминант в аварской и русской лингвокультурах

Нами было выделено 6 основных концептов: «Внешний вид, состояние», «Лень», «Глупость», «Лживость», «Ненасытность», «Невоспитанность». В корпусы данных концептов включены не только фразеологизмы с негативной коннотацией, которые наращивают пейоративную эмосему. Для полноты исследования в процессе сопоставительного анализа рассматриваются также и адгерентные пейоративы (ФЕ, меняющие эмотивную полярность с положительной на пейоративную), которые в языке обладают ингерентной положительной коннотацией. Связано это не только с тем, что в контексте высказывания данные конструкции приобретают необходимую негативно-оценочную коннотацию, которая позволяет их дифференцировать как

составляющую какого-либо из концептов. Изучение подобного рода явлений в языке (ирония, сарказм), посредством которых реализуется пейоративная коннотация, позволяет комплексно подойти к вопросу сравнительно-сопоставительного анализа пейоративов в аварском и русском языках.

Одни и те же пейоративные фразеологизмы могут быть представлены в нескольких концептах. В основном это связано с их полисемичностью и, соответственно, демонстрацией под влиянием разных контекстов различных качеств человека. В нижеприводимых таблицах сопоставления в случае отсутствия фразеологических эквивалентов аварских пейоративов в русском языке указывается буквальный или вольный перевод, выделенный курсивом.

2.4.1. Концептуализация внешнего вида

Анализ пейоративов аварского языка мы решили начать с фразеологизмов, характеризующих внешний вид человека, так как первое впечатление и мнение о человеке складывается благодаря зрительным образам. Ввиду того, что понятие «внешний вид» является емким и затрагивает многие сферы деятельности человека, мы также включили в этот корпус пейоративов фразеологизмы, которые характеризуют физическое состояние.

Из лексикографических источников нами было отобрано около 190 единиц аварских и русских ПФЕ, которые в своем контексте обладали негативно-оценочной коннотацией. В основном источниками служили фразеологические словари, художественные произведения, также использовались печатные СМИ.

Количество моносемичных ПФЕ составило меньшую часть от общего числа выделенных нами фразеологизмов.

Полисемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. <i>Без роду без племени</i>	1. <i>Къалбал гъечIев чи</i>
2. <i>В семье не без урода</i>	2. <i>Къолбода бижараб къоIаб пихъ</i>
3. <i>В чем мать родила</i>	3. <i>Эбелалъ гъавухъе</i>
4. <i>Из рук вон плохо</i>	4. <i>ЦIакъго квец</i> 5. <i>Квешаб даражаялде кквезе</i>
Как впервые идущий по канату канатоходец	6. <i>ТIоцеве кваридасан унев палугъан гIадин</i>
5. <i>Как на иголках</i>	7. <i>ЗазтIа хIинчI гIадин</i>
6. <i>Как пасмурный день</i>	8. <i>Къерхан къо гIадин</i>
7. <i>Как сидорову козу</i>	9. <i>Хуриб батараб хамида гIадин</i>
8. <i>Кровавые слезы</i>	10. <i>Бидул магIу</i>
9. <i>Кровный враг</i>	11. <i>Бидул тушман</i>
10. <i>Не находя места</i>	12. <i>Чури бухIараб бахIри гIадин</i>
Недовольно (как река, чей поток не уместился под мост)	13. <i>Къодохъ гъинчIеб гIор гIадин</i>
11. <i>Отрезанный ломоть</i>	14. <i>Хъизан-рукъалдаса ватIа тун чIарав чи</i> 15. <i>Живго жиндаго чIарав чи</i>
12. <i>Переть как бык</i>	16. <i>Багъизе къачIараб бугъа гIадин</i>
13. <i>Переть напролом</i>	
14. <i>Посадить на хлеб и воду</i>	17. <i>Лъимги чедги гурого къечIого тезе</i> 18. <i>Вакъуца хвезавизе</i>
15. <i>Последняя спица в колеснице</i>	19. <i>Унареб гIабаси, бицулареб гъуруц</i>
Распрашивающий как полицейский	20. <i>Гъикъулев вугев полицияв гIадин</i>
16. <i>Рвань голодная</i>	21. <i>БагIараб чванта</i>
17. <i>Резать глаза</i>	22. <i>Берал бецIлъизаризе</i>

18. Рожки да ножки	23. Ищ лълъгаранибе ине
	24. Щибниги нахъе хутІунгутІизе
19. С головы до пят	25. ХІатидаса бахъараб ботІроде щвезегІан
20. С гулькин нос	26. ЦІакъго дагъаб
	27. ЦІакъго гъитІинаб
21. Сам черт не разберет	28. Аллагъасда лъала
22. Сам черт ногу сломит	29. Киб-щиб бугебали лъалеб хІал гъечІо
23. Сапоги всмятку	30. Тубараб чІанда
24. Седьмая вода на киселе	31. ЦІакъго рикІІадасав гІагарав чи
	32. Анкъ тухумалъул чи
25. Сестъ не в свои сани	33. Кколареб иналде гъоркъове лъугъине
	34. Жиндирго гуреп ишалде ккезе
26. Уши вянут	35. ГенеккичІеванищан ккола
27. Уши режет	36. РагІулебго гъечІебанищилан кколеб буго
Цены копейки не стоящий	37. Кепкил багъа гъечІев
28. Хамово племя	38. Жонсокъаб къавм
29. Крапивное семя	

Таблица 6.

Моносемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. Без гроша в кармане	1. НацІил гъардухъан
2. Бледный как полотно	2. ЧІахІ гІадав
3. Бледный как смерть	3. Хъабалъа вакъарав
4. В могиле тесно	4. Хъабалъцин бакІ гъечІев
5. Видать виды	5. ГІемераб къварилъи бихъизе
6. Гол как сокол	6. Чед бортараб таргъа гІадин

7. <i>Доживать последние деньки</i>	7. <i>Щокъробе рухI бахарав</i>
8. <i>Дьявол во плоти</i>	8. <i>Цадухъ бакI гъечIев</i>
9. <i>Жалкое существование</i>	9. <i>Язихъаб яшав</i>
10. <i>Жить в тени</i>	10. <i>РагIдукъ гIумру ине</i>
11. <i>Идти прахом</i>	11. <i>ХIур лъугьине</i>
12. <i>Как вкопанный</i>	12. <i>Ракъдада рекIкIараб чи гIадин</i>
13. <i>Как высохший цветок</i>	13. <i>Кьолболь гъая ккараб тIегъ гIадин</i>
14. <i>Как мокрая курица</i>	14. <i>Чурулъе ккараб гIункIкI гIадин</i>
15. <i>Как подкошенный</i>	15. <i>Бекараб чIалу гIадин</i>
16. <i>Как раненая птица</i>	16. <i>Унтараб хIинчI гIадин</i>
17. <i>Как рыба на земле</i>	17. <i>Ракъдаде реххраба чугIил гIадаб хIал</i>
18. <i>Кондрашка хватил</i>	18. <i>ГIалижалъ кквезе</i> 19. <i>Тохлъукъего хвезе</i>
19. <i>Лица нет</i>	20. <i>Къадал гIадин кьерги тIун</i>
20. <i>Маковой росинки не было</i>	21. <i>КIалдияб богIоллъи лъечIо</i>
21. <i>Мало каши ел</i>	22. <i>Жеги гIун гъечIо</i>
22. <i>Молоко на губах не обсохло</i>	23. <i>Михъида хIур хъвачIев</i> 24. <i>Жеги лъимер</i> 25. <i>Эбелалъул каранзул рахъдал махI кIалдиса лъугIун гъечIо</i>
23. <i>Мрачнее тучи</i>	26. <i>НакIкI тIупидал тIалаби гIадин</i> 27. <i>НакIкIал тIад тIупараб кьурул гIус гIадин</i>
24. <i>Не в своей тарелке</i>	28. <i>Кеп гъечIого вукIине</i>
25. <i>Не в себе</i>	29. <i>Хиса-басарав гIадин</i>
26. <i>Не в силах</i>	30. <i>КIунгутIизе</i>
27. <i>Не давать спуску</i>	31. <i>РахIат тунгIутизе</i>
28. <i>Не к добру</i>	32. <i>ЛъикIалье гуро</i>
29. <i>Не нюхать пороху</i>	33. <i>ТункIил харилмахI сунтIгутIизе</i>

30. <i>Не по душе</i>	34. <i>Рекее гечю</i>
31. <i>Не помнитъ себя</i>	35. <i>Гакълуялда гъечев гладин</i>
32. <i>Не тут-то было</i>	36. <i>Гадада ккана</i> 37. <i>Гайда бахинчю</i> 38. <i>Бажарулеб хмал буклинчю</i>
33. <i>Не чувствовать ног</i>	39. <i>Годов речлани клителеб хлалалъ</i> 40. <i>Клиябго бохалдаса ватлалъарав гладин вуклине</i>
34. <i>Невезучий человек</i>	41. <i>Баракат гъечев чи</i>
35. <i>Ни кожи, ни рожки</i>	
36. <i>Ноги не держат</i>	42. <i>Бохдузда вахъун чезе клолеб хлал гъечю</i>
37. <i>Нос не дорос</i>	43. <i>Жеги глун гъечю</i>
38. <i>Обиженный на весь мир</i>	44. <i>РакI хварав</i>
39. <i>Одного поля ягоды</i>	45. <i>Цоцадазда релъларал руго</i>
40. <i>Оставаться без ног</i>	46. <i>Гемер вильлъакъун кутакалда сваказе</i>
41. <i>Приказать долго жить</i>	47. <i>Къоял лъуглизе</i> 48. <i>Къанабакъе ине</i> 49. <i>Хабалъ вукъизе</i> 50. <i>ЛакIдулъув лъезе</i> 51. <i>Къанабакъ лъезе</i> 52. <i>Ункъабго къоно чIвазе</i> 53. <i>Къанабакъе ине</i> 54. <i>Каъадаралде щевезе</i> 55. <i>Ахираталде нуха реглизе</i>
42. <i>Песок сыплется</i>	56. <i>ЦIакъго херлъун вуго</i> 57. <i>Хурлъун тату хун буго</i>
43. <i>Пиши пропало</i>	58. <i>Иш лъуглана</i>

44. По горло	59. Щокъробе щун 60. Цакъ глемер 61. ГунгимIокIги
45. Простой смертный	62. Мухъилав хIалтIухъан
46. Рот на замке	63. МацIалда гарацI барав
47. Слезы глотать	64. МагIу къулчIулев
48. Тощий как щепка	65. Къварун вакъарав гIадин
49. Хлопот полон рот	66. Пикрабаз мехтарав
50. Худой как зайцы зимние	67. Мугъалда чехъ рекIкIарав

Аварская материальная ПФЕ *багъизе къачIараб бугъа гIадин* (букв. словно бык, готовый кинуться на противника) обозначает:

1. Переть напролом.
2. Вести себя агрессивно, сердито.
3. Быть в напряжении.

Вместе с тем семантически она объединена вокруг одного смысла – вести себя агрессивно, который не позволяет ее дифференцировать как полисемичную, так как в лексикографических источниках отсутствуют иные примеры употребления. Это позволяет нам параметризовать указанную ПФЕ как моноэмотивную:

Цояб документал гъикъулев вугев полицияв гIадин, балагъула дихъ. Цогияб битIахъе бугъайин ккола, багъизе къачIараб... кIваричIо ритIучI. – Один документи спрашивает как полицейский, смотрит на меня в оба. Другой ведет себя прямо как разъяренный бык или олень, готовый ринуться на противника. (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...». Т. II).

В указанном примере также присутствует безэквивалентный аварский фразеологизм, обладающий негативно-оценочной коннотацией – *гъикъулев вугев полицияв гIадин*, то есть *вести себя как полицейай*, спрашивать, допытываться чего-либо.

В русском языке существует эквивалент аварской ПФЕ *багъизе къачІараб бугъайин* – *переть как бык*:

Янукович этого не знал и начал воевать с Тимошенко. Сколько ему ни говорили, сколько его ни упрасивали, он продолжал переть, как бык, и в результате кончил плохо (А. Нечаев. «Пять ошибок Виктора Януковича»).

Однако в отличие от аварского языка, в котором указанная ПФЕ встречается исключительно с негативно-оценочной коннотацией, в русском есть примеры употребления и с нейтральной полярностью:

Чисора не Одли, после первого пропущенного удара тушеваться не будет, а продолжит, как бык, переть вперед (Sport.ru).

Как видно из примеров, русский пейоратив, в отличие от аварского, не содержит сем, связанных с обозначением внутреннего состояния объекта денотации, но описывает действия.

Этимология аварской полисемичной ПФЕ *тІоцеве кваридасан унев палугъан гІадин* (букв. как первый раз идущий по канату канатоходец) восходит к старинной особенности горских праздников, ни один из которых не обходился без представления канатоходцев. Разумеется, были и неопытные смельчаки, которым тоже хотелось показать свою удаль перед публикой. Отсюда и возникла подобная ФЕ, которая имеет семантический смысл *ходить неуверенно, неумело, делать со страхом каждый шаг*. Фразеологизм биэмотивен, нейтральная полярность проявляется в следующем примере:

Ана эбел, ана Шагъри. Ахирги дунги кваназе жо босизе вилъльгине ккана, тІоцеве кваридасан унев палугъан гІадин. – Уехала мать, уехала Шахри. В конце концов, я встал и, шатаясь, как канатоходец, впервые идущий по канату, пошел за едой (Р. ХІамзатов. «АнцІго томалде данде гъарурал асарал». Т. VI).

В свою очередь, негативно-оценочная коннотация и отрицательная полярность возникают под воздействием следующего контекста:

Гъел гІолохъабе ругеб бакІалда, жодорго жанисел тикрабазде машгъуллъун хутІараб Зарип, тІоцеве къваридасан палугъан гІадин ине

байбихъана, ва гъез бицунебициналъухъ лыкIго гIенеккана. – Проходя мимо места, где болтали молодые парни, Зарип, глубоко погруженный в свои мысли, вдруг начал идти крадучись, стал ловить каждое их слово (Р. ХIамзатов. «АнцIго томалде данде гъарурал асарал». Т. III).

Так как Зарип, приближаясь к группе людей, начал идти медленнее, то он либо не хотел быть обнаруженным, либо хотел подслушать их разговор. Отсюда следует, что он что-либо замышляет или хочет разузнать некую важную для него информацию, чтобы использовать в своих целях.

Полисемичный фразеологизм *отрезанный ломоть* в русском языке восходит к древнейшей символике хлеба, обретшего духовную ценность. У славян хлеб (каравай) являлся символом мира, коллективной, общей доли [Байбурин, 1993: 127]. Фразеологическая единица первоначально относилась к вышедшей замуж дочери, уходящей из родительского дома в семью мужа. В негативном же контексте ФЕ встречается в случае, если дочь забывает о своих родителях, не оказывает им должного внимания, в этом виде фразеологизм приобретает негативную оценочность [Фразеологический словарь русского языка, URL: https://phrase_dictionary.academic.ru]:

«Я не хочу, чтобы в её сердце хоть что-нибудь шевельнулось против отца. – Против отца? – Да. – Ну, для отца она теперь уже отрезанный ломоть, который к караваю не приставишь, а ей главное – муж» (Н. Лесков. «Жемчужное ожерелье»).

«Встретимся – вижу, тоскует! И детей нету. То есть дочь, но отрезанный ломоть, замужем за военным» (В. Кетлинская. «Вечер, Окна, Люди»).

Позднее ФЕ стало употребляться и по отношению к сыновьям, имеющим право на часть отцовского наследства и отделившимся от семьи [Мелерович, Мокиенко, 2001: 378]:

«И ещё раз вздохнула Фёкла Абрамовна, вспомнив, что сердечный её Алёшка стал совсем отрезанным от семьи ломтем» (П. Мельников. «В лесах»)

«Кузьма решил, что брат для деревни совсем уж отрезанный ломоть – и потому, что его не манит сюда приехать, посмотреть, как живут свои и не свои, походить по старым, с детства знакомым местам» (В. Распутин. «Деньги для Марии»).

Символику хлеба использовали и при проводах рекрута. По окончании отец благословлял рекрута иконой и хлебом, который тут же резался на сухари – символ солдатской доли.

«Старик жалел его, но делать было нечего. Солдатство было как смерть. Солдат был отрезанный ломоть, и поминать о нём – душу бередить – незачем» (Л. Толстой. «Хаджи-Мурат»).

Таким образом, фразеологизм *отрезанный ломоть* в целом символизирует долю, участь, судьбу человека, выступает в роли стереотипного представления о человеке, отделившемся от семьи или от своей среды.

В аварском языке встречаются эквиваленты указанной ПФЕ русского языка – *хъизан-рукъалдаса ватIа тун чIарав чи, живго жиндавго чIарав чи*. Фразеологизмы моносемичны, так как обладают лишь одним значением – *жить отдельно от семьи, родного дома, не иметь с ним связи*. Языковой материал подтвердил нейтральную полярность первой ПФЕ:

Дуда лъазе ккола, мун хъизан-рукъалдаса ватIа тун чIарай гIадай йикIин, дица дуе тIокIаб гIарац къоларо. – Ты помни одно, раз ты решила, что у тебя нет ни семьи, ни дома, то и денег больше тебе я не дам (М. Магомедханов «Русско-аварский фразеологический словарь»).

Негативной оценочностью обладает вторая ПФЕ:

Гъанчие щиб гъабилеб дица! Живго хъизан-рукъалдаса ватIа тун чIарав чи вуго дир вас. Бокъани гъанибе вачIунеб, бокъани гъаниса унеб. – Ну что поделаешь. Сын мой потерял всякую связь с семьей. Захочет – придет, захочет – уйдет (М. Магомедханов «Русско-аварский фразеологический словарь»).

Полисемичные пейоративы представлены большим количеством фразеологических единиц, нежели моносемичные.

Моноэмотивный русский пейоратив *ни кожи, ни рожки* является полисемичным, так как имеет несколько значений [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: https://phraseology.academic.ru/5473/Ни_кожи_ни_рожи]:

1. Противный, неприятный человек.

С Марфой-то, с кухаркой! Выдумал же, глупый человек! У бабы ни рожки, ни кожи, на всех зверей похожа, а он... целоваться! Чудак! (А. Чехов. «Клевета»).

Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи, ни рожки у старой кочерги, а туда же... любовь! (А. Чехов. «Безотцовщина»).

2. Крайне худой (кости да кожа).

«Глядет противно! Скоро уже сорок лет, ни кожи, ни рожки, а также, поди ты, напудрилась, завилась, корсет надела» (А. Чехов. «Муж»).

3. Неприглядный, неказистый внешний облик.

«Жена его, по общему мнению, была ему не парой: немолодая и непривлекательная особа, не блестящая умом и напичканная одними глупыми сентенциями, о которой все в один голос говорили, что у ней ни кожи, ни рожки, ни видения нет» (А. Чехов. «Влипши...»)

«Он долго... ловил какую-нибудь угловатую черту... в наружности, в манерах или в характере этого лица, наконец, махнув рукой, выразился так: «А у этого ни кожи, ни рожки, ни видения!» (В. Гончаров. «Обломов»).

Языковой материал указывает на то, что все значения указанного пейоратива объединены вокруг одного смысла – *некрасивый человек*.

Пейоративный фразеологизм *жонсокъаб къавм* аварского языка (букв. уродливое племя) имеет в русском языке эквиваленты, является полисемичным, так как в лексикографических источниках встречается в значениях:

1. Хамово (каиново) племя – то есть обозначает людей низких, подлых:

Балагье нуж! Тлоабго советский халкъ цо чи гIадинтIаде бахъун бугеб куц. 200 миллион чи – нилъеде дандефашистазул жонсокъаб цо къавм бахъун чIун буго. – Посмотрите, как объединился воедино весь советский народ! 200 миллионов человек – и противостоит нам уродливое фашистское племя. (МагIарул большевик. 1941. № 53).

Примечательно, что для человеческого мировосприятия моральные пороки нередко имеют отражение и во внешнем облике. Подобного рода проецирования характерны как для аварского, так и для русского языка: *хъартил буго куц, хъурмил буго гIамал* (букв. облик как у ведьмы, повадки волчьи), в здоровом теле здоровый дух.

Жазму бачIунеб жа жасуслъиялъул жонсокъаб цо къавмалъ кIал чIван гъекъолеб. Исрап къватIиб чIвалеп исбатги бахчун, Сурав-суд гъечIого гъабулеб тамихI. – Порой доводит до исступления своей слежкой это хамово племя. Таскают по судам за растрату, а доказательств не приводят. Без допроса и следствия подвергают наказанию (Р. ХIамзатов. «Книги гъанситоги»).

2. Группа подхалимов, обманщиков (крапивное семя):

Гъеб борхалъиялда ханлъун хъвадулев, хваяв тушман вуго кодоб туманкIгун. ГохIил бетIералда тIад женжедилеп жонсокъаб къавм буго хъим-хъимиялда. – Забравшись на эту гору, рассказывает словно хан, распроклятый враг с оружием в руках. А вокруг него, на вершине, крутится целая стая подхалимов (Р. ХIамзатов. «БатIи-батIиял тIахъздаса поэмаби»).

Эквиваленты указанной аварской ПФЕ в русском языке также обладают пейоративной коннотацией:

Какого роду, племени? Что вы, цари ли царевичи аль короли-королевичи? ... Хамова черная. Миряне родом дворяне: луковки во щах нет, а пуговка светленькая. Что и в титуле, когда ничего нет в шкатуле (В.И. Даль. Род).

Для сравнения, русская полисемичная ПФЕ *крапивное семя* является также биэмотивной, так как может употребляться в значениях [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru>]:

1. Обманщик, мошенник.

«Это крапивное семя подтасовывает... у него уже руки такие грабительские» (И.С. Тургенев. «Два приятеля»).

2. Люди с холопским, обывательским отношением к жизни:

«Нет тебе разрешения жениться! Вашего крапивного семени столько развелось, что деваться некуда» (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Губернские очерки»).

3. Канцелярская крыса, бюрократ:

«Здесь точно, что ей скучновато... Купцов хороших ни единого, дворян хороших тоже нет, одно крапивное семя – чиновники» (П. Мельников-Печерский. «На горах»).

«Отец мой... занимался хождением по делам тяжёлым — и иным. В прежние времена подобных ему людей обзывали подьячими, крючками, крапивным семенем» (И. Тургенев. «Часы»).

Пейоративная полисемичная ФЕ русского языка *песок сыплется* является биэмотивной, так как обладает нейтральной полярностью [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru>]:

«Ей уж девятый десяток, а она песни поёт, а когда самогоном хлопцы угостили, даже в пляс пошла. Из неё песок сыплется, а она пляшет» (П. Вершигора. Люди с чистой совестью).

Нейтральность обусловлена отсутствием негативной оценочности, уничижения в примере. Приобретение ФЕ пейоративной коннотации происходит под влиянием синергетики текста:

– *«Ведь он должен же быть крепок, потому что... – Да какая крепость, песок сыплется, ваше превосходительство!»* (Н. Гоголь. «Мертвые души»).

Следующая полисемичная ПФЕ аварского языка – *чури бухIараб бахIри гIадин* (букв. возиться, как пес с горячей едой) – имеет эквивалент в русском языке *не находя себе места, метаться как пес*. Семантика аварской ПФЕ обусловлена тем, что голодная собака, которой дали горячую похлебку, не может притронуться к ней, но будет метаться, бегать вокруг еды, *не находить себе места*. ПФЕ употребляется в следующих значениях:

1. Не находить себе места:

РакI тIеренал гIодулел рукIана, батIиял рахчизе байбихьана. Цогидалги щиб гурин, завхозгицин вугоан чури бухIараб бахIри гIадин. – Те, кто были понежнее, – плакали, другие стали просто прятаться. Даже сам завхоз не мог найти себе места (М.М. Магомедханов. «Русско-аварский фразеологический словарь»).

Фразеологизм в приведенном примере не обладает пейоративной коннотацией, так как нет причины для уничижения.

2. Метаться как пес, сидеть как на углях (знает кошка, чье мясо съела) (пейоративная коннотация):

Инжитабцинабги гьабун, гьелдаса вохун вукIана гьев, хьурумсахъ, льалкI хутIуларедухъ гьабунилан кколеб букIана гьаста. ГьапсагIат халай – чури бухIараб бахIри гIадин вуго гьов. – Натворил мерзостей, радовался, сволочь, что следов не осталось, концы в воду ушли. А теперь гляди – мечется как пес, места не найдет (М.М. Магомедханов. «Русско-аварский фразеологический словарь»).

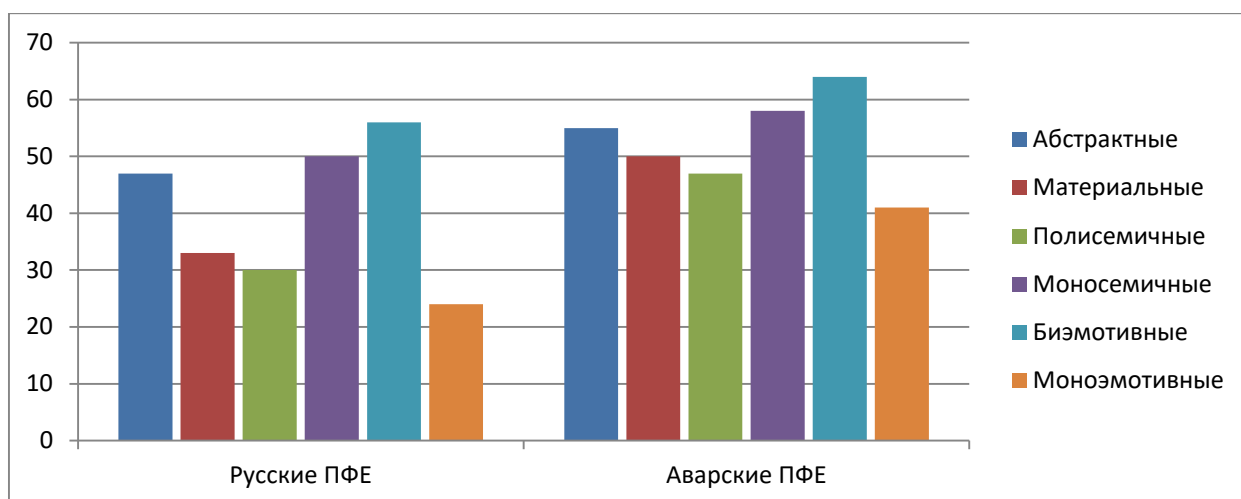
Подобными семантическими свойствами обладает аварская ПФЕ *чурулье ккараб гIункIкI гIадин* (букв. как мышь в помоях):

Амма нильецаго гьалатI ккезе биччан, бихьичIого бегьуларо гьесул чурулье ккараб гIункIкIал гIадин гIамал букIин. – Но по ошибке не увидит, что он ведет себя, как человек, наломавший кучу дров и пытающийся из-под нее выбраться, – мы не могли (М.М. Магомедханов. «Русско-аварский фразеологический словарь»).

Анализ пейоративов показал, что из 79 единиц русского языка абстрактными оказались 46, материальными являются 33. В корпусе русских ПФЕ полисемичных единиц – 29, моносемичных – 50. Биэмотивных ПФЕ в корпусе русских фразеологизмов – 55, моноэмотивных – 24.

В корпусе пейоративов аварского языка из 105 единиц абстрактных ПФЕ оказалось 51, материальных единиц с пейоративной коннотацией – 55. Полисемичных ПФЕ – 38, моносемичных ПФЕ – 67. Биэмотивными оказались 64, моноэмотивными – 41. Результаты анализа пейоративов в виде сравнения двух графиков выглядят следующим образом:

График 1.

2.4.2. Концептуализация лени

Понятием «Лень» и сущностью этого явления люди интересовались с древнейших времен. В современной науке о лени как о человеческом качестве проводят исследования философы, психологи, педагоги, социологи, культурологи, историки.

В рамках концепта «Лень» мы отобрали не только пейоративные фразеологизмы русского и аварского языков, характеризующие лень, но также включили в их корпус ПФЕ, уничижающие праздность, безалаберность и

безответственность человека, так как перечисленные качества являются следствием лени.

Таблица 7.

Полисемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. Убивать время	1. Заман гIадада инабизе
Безразлично	2. Паркъ гьечIого
2. Гонять собак	3. ЧIалгIаде тура-сверизе
3. Болтаться без дела	
4. Ждать у моря погоды	4. КIалдибе бортаб багIаргIечилан, чIезе
5. Пустое дело	5. Пайда гьечIев
6. Через пень-колоду	6. ЦIакъ тIасамасаго
	7. Гъираго гьечIого
7. Черепашьим шагом	8. ЦIакъ хIинцIго
	9. Щурункъоркъол рильлъада
8. Держаться на честном слове	10. Сум-сараялда бан вукIине
	11. Хвезе къачIан букIине
9. Еле-еле душа в теле	12. Носол балалъ
	13. Мугъзада бакIаб гъир бугеб гIадин
10. На скорую руку	14. Квер гIодобе щвечIеб
11. Сделать поспешно	15. Хъатамасан гъабураб
12. Легок на помине	16. Бицунаго тIаде вачIунев вуго
13. Ноль внимания	17. КIварго гьечIо
14. С пустыми руками	18. ХъвагIун квергун
15. Ловить рыбу в мутной воде	19. Лъилниги гъалатIалдаса пайда босизе
16. Как от козла молока	20. ГанчIидаса тIотIоегIан
17. Сидеть на шее	21. Лъилниги горботIа ваччизе

18. Тяжел на подъем	22. Вагъа-вачаризе бокьларев
	23. КIвахIалав
	24. ГIодове цIарав
19. Сидеть сложа руки	25. ПIатIала кверал лъун чIезе
20. Сонная тетеря	26. Макъида вигъарав чи гIадин
21. Толочь воду в ступе	27. Лъеда гъабураб накъиш гIадин
22. Тянуть kota за хвост	28. ЦIакъ кIохIалго кIалъазе
23. В пух и прах	29. Панкъ гIадин
24. Ворон считать	30. ЦIваби рикIкIине
25. Как попало	31. Цебе кковухъе
	32. ГъветIе гъегъ гIадин
26. Как черепаха	33. Щурункъверкъ гIадин
27. Кто в лес кто по дрова	34. Цояс гъабихъ бан, цояс корохъ бан
28. Курам на смех	35. ПIадамал релъанхъизе
Как шамхал, которому до войска дела нет	36. Боде ракI щоларев шамхал гIадин
Живот, полный бузы	37. Родол чехъ

Таблица 8.

Моносемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. Бить баклуши	1. Рохъо хъирицизе (золу ворошить)
2. Мартышкин труд	2. БетIер гъечIеб хIалтIи
3. Гонять лодыря	3. Саяхъ хъвадизе
4. Как кляча	4. Ябу чу гIадин
5. Как курица лапой	5. ХIуччу-кIутIур хъвазе
6. Ленижай да шалопай	6. Оц гIадин
	7. КъватIул батIри
Медленно, неторопливо	8. Къахъадерил бахIарай гIадин

Напрасно, бесследно	9. <i>Лъарахъе реххараб чимих гIадин</i>
7. <i>Не от души</i>	10. <i>Нах бахинчIого</i>
8. <i>Не под силу</i>	11. <i>РухIхIал гIолеб букIинчIо</i>
9. <i>Ненадежный</i>	12. <i>Божги гъечIеб</i>
10. <i>Неповоротливый, ленивый</i>	13. <i>Квер халатав</i>
11. <i>Непутевый сын</i>	14. <i>ЛъугIинчIев вас</i>
12. <i>Полный кретин</i>	15. <i>ВацIадав гIабдал</i>
13. <i>Проявить халатность</i>	16. <i>ТасамахIлъи гъабизе</i>
14. <i>И ухом не повел</i>	17. <i>ГамачI гIадин</i>
15. <i>Из рук все валится</i>	18. <i>ВакIа-вахари гъечIев</i>
16. <i>С горем пополам</i>	19. <i>ХIалил мадараль</i>
17. <i>В час по чайной ложке</i>	20. <i>ГIемераб заманаль халатбахъун</i>
19. <i>Когда рак на горе свистнет</i>	21. <i>Къоркъода рачI бижараб мехаль</i> 22. <i>ГуриIмаца тай гъабураб мехаль</i> 23. <i>Зодибе мали лъураб мехаль</i> 24. <i>Ральдаса тIалъел лъураб мехаль</i>

В аварском языке основная реализация концепта «Лень» формируется посредством такой лексемы, как *кIвахI* – лень, леность, ленца [Гимбатов, 2006: 885].

Негативная коннотация проявляется в таких речевых единицах и оборотах:

кIвахI речIчIизабизе – располагать к лени; нагонять лень;

кIвахI речIчIизе – лениться, одолеваться ленью, располагаться к лени;

кIвахIал(го) – лениво, вяло, неохотно, нехотя, с ленцой, спустя рукава;

кIвахIалаб оц, кIвахIалаб хIама – ленивый вол, ленивый осел (о ленивом человеке);

кIвахIаллъизабизе – возбуждать лень, привести к лени;

кIвахIаллъизе – облениться, быть, стать ленивым, нерадивым, вялым.

В рамках концепта «Лень» важным представляется не только анализ пейоративных фразеологизмов русского и аварского языков, характеризующих непосредственно лень, но также включение в корпус анализируемых пейоративов фразеологических единиц, уничижающих праздность, безалаберность и безответственность человека, так как перечисленные качества являются следствием лени и более детально раскрывают данное явление в лингвокультурологическом аспекте.

В приводимых примерах в случаях, когда пейоративные фразеологические единицы являются монолингвальными (не имеют эквивалента в сопоставляемом языке), дается смысловой перевод.

В обоих языках существуют пейоративные фразеологические единицы, обладающие общим семантическим смыслом «*тратить время впустую*». Разумеется, наличие в аварском и русском языках соответствующих эквивалентов, их билингвальность, позволяет нам более тщательно рассмотреть специфику этой категории пейоративов.

Например, полисемичной моноэмотивной русской пейоративной фразеологической единице «*гонять собак*» в аварском языке семантически соответствуют три эквивалента – *чIалгIаде тира-сверизе* (слоняться без дела), *гIадада заман инабизе* (убивать время), *кIалдибе борта багIаргIечилан чIезе* (букв. ждать, пока в рот упадет красное яблоко).

Гъа, мунагъазда хIинкъуларев херав, Москваялда чIалгIунуб бугищ? – ан гъикъана гъель. ЧIалгIаде тира-сверизе щолеб батиларо дуе гъаниб. – Ну что, старый грешник, – обратилась она к нему. – Неужто скучно стало в Москве? Собак гонять негде? (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

В контексте данного послания говорящая подвергает осуждению действия пожилого человека, применяет к нему ругательства. Значение аварской и русской моноэмотивных ПФЕ можно отнести к отрицательной полярности.

В следующем примере полярность аварской ПФЕ *гIадада заман инабизе* является, безусловно, негативной, однако говорить о наличии пейоративной коннотации конкретно в данном случае спорно:

Пахьал дагь гурони цIалуроан, амма битIахье, бетIер гьорозегIан театразде гьав ана – гIадада заман ине буго досул. – Книг читает он мало, а вот в театры ходит до тех пор, пока голова не распухнет – впустую тратит только время (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Интересным примером служит полисемичный биэмотивный аварский пейоратив *кIалдибе борта багIаргIечилан чIезе* (букв. ждать, пока в рот упадет спелое яблоко), который может иметь негативно-оценочную коннотацию в значении «жить на всем готовом», «ждать, пока подадут на блюдечке», как в следующем примере:

ВукIарав квещаб хIалтIухъан! Сундаго квер рекIунароан досул, кIалдибе борта багIаргIечилан чIолан. – Какой ленивый был работник! Ни к чему притронуться не хотел, все ему на блюдечке подавай. (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Но в следующем примере ФЕ приобретает значение «ждать у моря погоды», соответственно, меняется полярность с негативной на нейтральную, негативно-оценочная коннотация отсутствует:

Жеги дол ине гьечо. ГIодобе биччараб гIумру гьабулеб руго, кванала, гьекъола, кьижула, тIокIаб гьезие хIажатаб жоги гьечIо, кIалдибе борта багIаргIечилан чIун руго. – А они пока никуда и не собираются. Живут тихой, размеренной жизнью, едят, пьют и спят. В общем, ждут у моря погоды. (Р. Гамзатов. «Собрание сочинений...». Т. III).

Приведем примеры в русском языке.

Напротив того, советник казенной палаты мог не только гнушаться убийцами, но просто имел право сидеть сложа руки и, как говорится, ждать у моря погоды – и ни десница, ни шуйца его от того не оскудевали (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Господа ташкентцы»).

А если дать ему время думать, он опять будет ждать у моря погоды: человек с детских лет привык кустарничать и не втягивается в коллектив (А.Л. Львов. «Двор»).

Исследованные примеры в русском языке позволяют судить о том, что данный фразеологизм является биэмотивом, так как в основном встречается в лексикографических источниках с нейтральной коннотацией. Реже употребляется в контексте негативной оценочности.

Проанализированные нами ПФЕ выражали осуждение такого порицаемого качества человека, как пустая трата времени вследствие лени. Осуждение данного качества является характерным и для русской, и для аварской культуры. Рассмотрим следующие примеры.

Такая полисемичная моноэмотивная русская ПФЕ, характеризующая праздность человека, как *«легок на помине»*, является билингвальной. И в русском, и в аварском языке эту характеристику дают человеку, не занимающему себя каким-либо особенным трудом, слоняющимся без дела:

Бицунаго тIаде вачIунаан гьев, ва гьале нижеца гьесул цIар бахъун лъугIилалдего, вачIун нижеда цеве вахъун чIана гьев. – Был он легок на помине, и только мы успели произнести его имя, как он появился перед нами. (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Как видно из примера, объекту номинации дается нелестная характеристика, что позволяет говорить об отрицательной полярности ПФЕ в аварском языке.

Гьале живго тIаде цвана гьаб нильер дагIбарагIиялъул гIаййибиявги. Абизе рагIи гьечIо, бицунаго тIаде вачIине лъала гьесда. – А вот и сам виновник нашего спора пожаловал. Ничего не скажешь, легок на помине (Р. Гамзатов. «Мой Дагестан»).

В обоих примерах значения фразеологизма *«легок на помине»* относятся к отрицательной полярности. Однако пейоративная коннотация имеет место только во втором примере – в этом случае пейоратив приобретает значение *«умеющий появляться не к месту»*.

Но Лукьян Анисимович, легок на помине, явился вовремя, также в мундире, но девятнадцатого столетия, с двумя коротенькими, разъехавшимися и оттопырившимися острыми фалдами сзади, в один ряд пуговиц спереди, с удушливым воротником (А.Ф. Вельтман. «Приключения, почерпнутые из моря житейского»).

Этот гость был Иван Сергеевич Дмитревский. – Легок на помине! – подумала Ираида Ивановна, выходя к нему в гостиную (Н.Э. Гейнце. «Коронованный рыцарь»).

Вместе с тем, несмотря на вышеуказанные примеры, в которых ФЕ обладает пейоративной коннотацией, в русском языке встречаются также случаи употребления фразеологизма в нейтральной полярности.

Лейкин легок на помине: только что получил от него письмо (А.П. Чехов. «Письма Александру Павловичу Чехову»).

Ты очень легок на помине; мы сейчас о тебе говорили (Н.С. Лесков. «Зимний день»).

«Вот и молодой Коншаков, легок на помине, – сказала председательница и поманила Саньку поближе к столу: – С конями, значит, умеешь управляться?» (А.И. Мусатов. «Стожары»).

Учитывая вышеизложенное, можно говорить о том, что в аварская ПФЕ отличается от русского эквивалента моноэмотивностью, употребляется в строго критичном контексте.

В следующем примере разберем такой билингвальный фразеологизм – «тяжел на подъем». В аварском языке ему соответствуют устойчивые выражения с компонентом *вагъа-вачаризе*:

Инсуцани абулеб букІана нильго ине кколин. Амма ахирги хІукму ккана чапарзаби ритІизе: гІемер кванан, гъекъон, батІиял вагъа-вачаризе бокъичІо. – Отец хотел, чтобы мы ехали одни. Но в итоге послали гонцов: наевшись и напившись, другие были тяжелы на подъем (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Как видно из примера, в русском предложении нет открытого уничижения, которым говорящий характеризует объект номинации, хотя фразеологизм обладает негативной полярностью. Однако, анализируя аварский вариант, можно отметить наличие пейоративной коннотации. Семантически в данном случае аварская ПФЕ *вагъа-вачаризе бокъичIо* обозначает *бояться сдвинуться с места, растревожить себя, шевельнуть пальцем*.

Это предположение подтверждается примером:

Амма гIодорчIарал цо-цояз росдал бетIердагъав вагъа-вачаризе гъавуна. Рихъизаруна гъесул берзукъа рорчIарал гIунгутIаби, хасго нухазул ва лъел. – Но сидящие на собрании заставили встревожиться, расшевелиться главу села. Припомнили упущенные им проблемы, зимние дороги и водоснабжение (Гуниб. 2014. № 14-15).

В следующем случае проявляется биполярность данного пейоратива, так как он употребляется с нейтральной коннотацией.

ГашилтIаса ХацармухIамад – чанго нухалда лъукъарав гъесда ахираб заманалда хIали-мадараль гурони вагъа-вачаризе кIолеб букIинчIо ва гъединлъидал асирлъуде ккана. КIиго хъаравулги чIван асирлъудаса лъутана ва ГашилтIе тIад вуссана. – Неоднократно раненный Хацармухаммад из Ашильта едва мог сражаться, порой он не мог пошевелить и пальцем, потому и попал в плен. Но в конце концов, убив двух охранников, он бежал из плена и вернулся в Ашильта («АхIул гохIда рагъарал бахIарзаул доба-гъаниса кодобе щвараб сияхI»).

Приведем примеры употребления ФЕ *тяжел на подъем* в русском языке:

Но знала она и то, что он ленив, тяжел на подъем, что к кокетливым, глупым женщинам равнодушен и женскому обществу предпочитает разговор с мужиками под водку и огурцы (Ю.В. Трифонов. «Другая жизнь»).

Вы уж знаете, любезные читатели, что я, как истинный москвич, немножечко ленив, тяжел на подъем и без крайней надобности ни за что бы не решился уехать надолго из Москвы (М.Н. Загоскин. «Москва и москвичи»).

Как видно из представленных примеров, в отличие от аварского языка, в котором наблюдается изменение полярности, в русском языке фразеологизм обладает в основном пейоративной коннотацией, уничижению подвергается лень, глупость и равнодушие.

Русская ПФЕ *сонная тетеря* является билингвальной, биэмотивной, полисемичной, в аварском языке ей соответствует абстрактная фразеологическая единица – *макъида вигъарав чи гIадин*, которая обозначает человека, который только что проснулся (т.е. не знает, где он и что с ним). Семантически в ней заключена характеристика не только человека, любящего долго спать, но также и уставшего, выбивающегося из сил, как, например, в следующем примере:

Макъида вигъарав чи гIадин, гъесда гъанже нух батIа бахъизе лъалеб букIинчIю, хIор чIарал бакIаздасанги унаан, хIетIе хъуцтIулаан, гIодов кколаан, хIалица гIанситIа ваччун тIаде вахъунаан, хъвагIолаго ва чорхолъе рухIхIал бачIинабизе къеркъолаго вахъун чIолаан. – Он, как сонная тетеря, уже не разбирал, где дорога, не обходил луж, спотыкался и падал, вставал, тяжело ложась на свой посох, стоял, покачиваясь и собираясь с силами (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

В этом контексте данная ФЕ обладает нейтральной полярностью, так как говорящий не выставляет объект номинации в негативном свете – есть пояснения, что он выбивается из сил. Пейоративную коннотацию и отрицательную полярность данная ФЕ приобретает в следующем примере, где значение меняется, и автор послания подвергает порицанию объект номинации:

Руго гъединал гIоркъилал, гIумруялъго чияр хинкI-чед кванан ругъунал, щвараб жо бакIарула кодое, къваригIарах кваранисанги квегIисанги хъамула, къваригIарах макъида вигъарал гIадин рукIкIуна, сундулниги пикру гъабуларо. – Есть такие молодцы, всю жизнь живут за чужой счет, когда надо, наберут, нахватывают слева-справа, когда надо – ведут себя как ни в чем не

бывало и в ус не дуют (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

В этом примере *макъида вигъарав чи гIадин* приобретает семантику *вести себя как ни в чем не бывало, и в ус не дуть*. На первый взгляд эти две конструкции являются стилистически и семантически нейтральными, однако благодаря контексту уничижения, полярность их меняется на негативную, коннотация на пейоративную.

Аварская ПФЕ *родол чехъ* (букв. – живот, полный сыворотки) является моноэмотивной, полисемичной – 1. скупой, жадный человек, 2. прожорливый, обжора 3. лентяй, лодырь. Так как семантика аварской ПФЕ охватывает разные сферы пороков, свойственных человеку, в русском языке проблематично подобрать прямой эквивалент.

Бакъалда гIебедеги вегун гIорцIизегIан кваналин вукIун ватилин мун, родол чехъ – абун ахIдана Бахтика гъесде. – Ты, видимо, мечтал лежать на солнышке, наестся хотел досыта, лодырь несчастный, – кричала на него Бахтика (М. Магомедов. «Къалбаз ккола гъвет!»).

Из примера видно, что отрицательная полярность не несет в себе пейоративную коннотацию, как это может показаться. Говорящий лишь повествует и применяет к объекту номинации ФЕ как ругательство, уничижение или порицание отсутствуют. Негативно-оценочную коннотацию высказывание приобретает в следующем примере:

Гъев родол чехъ цIакъго талихIав чилъун вихъулев вукIана жиндиего, ва, абухъего, гъесие тIохде балеб цIадлъун лъугъун, къунцIун гIодобе рехараб малъалзулгIанги ургъел букIинчIо гIадамаз гIад-хочI гъавиялъул ва гъез гъесие гъоркъанго берал речIчIаризарулел рукIиналъул. – Этот разленившийся баловень чувствовал себя до такой степени счастливым, что, как говорится, и в ус не дул, и в грош не ставил ничьих насмешек и косых взглядов (Р. ХIамзатов. «АнцIго томалде данде гъарурал асарал». Т. II).

В данном примере автор подвергает порицанию то, что объект номинации не прислушивается к общественному мнению, нарушает

социальные и культурные нормы, принятые в обществе. Это дает основания говорить о пейоративной коннотации данной ПФЕ.

Лень также подвергается уничтожению в следующих аварских выражениях: бить баклуши – *рохъо хъирицизе* (золу ворошить), бездельничать – *саяхъ хъвадизе* (бродить как шальной), медлить как черепаха – *цурункъверкъ гIадин*, как кляча – *ябу чу гIадин*. Такое количество синонимичных фразеологизмов дает нам право говорить о большой степени синонимии в корпусе исследуемого концепта в аварском языке.

Гъель дие абизе бокъун гъечIо хъвадарухъан рохъо хъирицулев, хъубльи балагъулев вукIине ккелилан. Гъединазда «нохъо чорокилан» цIар лъезе бегъула. – Не хочется об этом говорить, но выходит так, что писатели, которые бьют баклуши и подолгу сидят без дела, начинают в итоге писать про какую-либо грязь, строчат подлости. Таких можно просто назвать пещерной грязью (Р. ХIамзатов. «Дир Дагъистан»).

Дагъистаниязул ракI буго, – нужер ракI гъечIо. Дагъистан бид бецIулеб мехаль, гъастIа рохъо хъирицулел рукIинейиц нужеда ракIалде ккараб? Каваби рагъе, рагъичIони, хвалчабаз рагъила... – У дагестанцев есть сердце – у вас нет. Дагестан тонет в крови – а вы нашли время в печке золу ворошить? Открывайте ворота, иначе мы откроем их саблями (Р. ХIамзатов. «Дир Дагъистан»).

Аварская пейоративная фразеологическая единица *рохъо хъирицизе* обладает ярко выраженной негативной полярностью, однако в первом примере пейоративная коннотация отсутствует ввиду того, что уничтожительную оценку автор дает посредством выражения «*нохъо чорокилан*» – *пещерная грязь*, которая и обладает функцией пейорации. При этом во втором примере автор сравнивает действия тех, к кому обращается, с ворошением золы в печке. В таком случае говорящим реализуется пейоративная оценка.

Полисемичность указанной ПФЕ демонстрируется в следующих примерах, в которых она употребляется в прямом смысле:

Бика, свараб гъасде бетІерги гъетІун, гъеџІги босун рохъо хъирицулей йиго. Гъаб жаниб џІа свараб гъансито гІадин, гъарималъул ракІги чІобого буго. – Бика, склонившись над погасшим огнем, ворошит щипцами золу. Как пуст очаг без огня, так и пусто печальное сердце (Р. ХІамзатов. «АнџІго томалде данде гъарурал асарал». Т. VII).

Сходное семантически употребление фразеологизма наблюдается и в русском языке, однако примеры с пейоративной коннотацией нами выявлены не были:

И в печке-голландке золу ворошить не станешь, нет, не станешь, когда на тебя насаждают со стволем, с ножом, с нунчаками. (А. Измайлов. «Трюкач»).

Перейдем к корпусу пейоративных выражений, которые характеризуют такое следствие лени, как безответственность, безалаберность и халатность. И в русском, и в аварском языке есть широкий спектр фразеологизмов, которые отрицательно характеризуют не только выполненную работу, но и самого человека: как курица лапой – *хІуччу-кІутІур хъвазе*, как попало – *џебе кковухъе, гъветІе гъегъ гІадин*, курам на смех – *гІадамал релъанхъизе*, держаться на честном слове – *сум-сараялда бан вукІине, хъезе къачІан букІине*.

Аварская ПФЕ *хІуччу-кІутІур хъвазе* имеет значение «писать каракули»:

ХІуччу кІутІур хъвалеб буго дуца, кІийил эмен, џІалун бажаруларо. – Пишешь как курица лапой, двоечник, ничего не разберешь («Аварско-русский словарь»).

Рассматриваемая нами материальная аварская ПФЕ вербализует такое порицаемое качество, как плохой почерк вследствие неприлежного обучения в школе. Из контекста ясно, что объект, к которому обращена пейоративная коннотация, не только имеет плохой почерк, но также является неуспевающим учеником, получает двойки. Поэтому подобное поведение является объектом порицания.

В следующем примере рассмотрим русскую фразеологическую единицу «как попало». Хотя имеет место уничижение халатности объекта номинации, пейоративная коннотация здесь отсутствует:

Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, кряхтя и охая, бабка начала укладывать поленницу. Но эта работа была ей не под силу. Откашливаясь, она села на ступеньку, отдышалась, взяла лейку и пошла в огород (А.П. Гайдар. «Тимур и его команда»).

Негативно-оценочная коннотация по отношению к возчикам отсутствует, так как ФЕ имеет нейтральную полярность – автор послания не порицает их действия – а лишь повествует о недовольстве бабки, которой как раз-таки и не понравились действия возчиков. Пейоративная коннотация имела бы место, если бы повествование велось от лица бабки. Такую ситуацию наблюдаем в следующем случае:

Ниж ахикье цведал, битIун гьeб заманалда гьветIe гьeгь гIадин сапнал ящикал машиналда реххулеб вугоан завхоз. – Мы как раз подошли, когда завхоз как попало закидывал ящики с мылом в машину (М.М. Магомедханов. «Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова»).

Этимология билингвальной моносемичной моноэмотивной материальной аварской ПФЕ *гьветIe гьeгь гIадин* ведет свое начало от другого аварского фразеологизма – *гьветIe гьeгь гIадин базе* – дословно *кидать как камни на собаку*. В данном примере можно наблюдать отрицательную полярность ПФЕ, говорящий уничижительно относится к тому, как ведет себя завхоз, его отношению к предмету ведения хозяйства и т.п.

Русскому пейоративному фразеологизму «курам на смех» в аварском языке соответствует эквивалент «*гIадамал релъанхъизе*» (букв. – людей смешить). Русский пейоратив, на наш взгляд, более уничижителен благодаря преувеличению (настолько нелепо, что вызывает смех даже у кур).

Дурго пиджакалгъухъ валагъе мун. МатIуялгъуе валагъун хал щай гьабуларе – гьелгъул халалги щиб, гIадамал релъанхъуле руго. – Посмотри на

свой пиджак. Встань перед зеркалом для интереса. Какая длина – курам на смех (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Как видно из этого контекста, автор послания подвергает уничижению безалаберный внешний вид объекта пейорации. Связано это с тем, что неподобающий вид может нанести вред моральной стороне человека. В следующем примере пейоративная коннотация фразеологизма не направлена на внешний вид:

Диплом щварах – бокьаралъуве а. Гъеле дуе Къебедил вас МухАаммад – диплом гъечЮго, аттесат кодо ккун, хАалтИи щвеларого рокъо чЛун – гАадамал релъанхъуле руго. – Получишь диплом – и иди куда хочешь. Вот посмотри на Магомеда, сына Кебеда, сидит со школьным аттестатом дома, не может нормально устроиться – курам на смех (Р. ХАамзатов. «АнцЮго томалде данде гъарурал асарал». Т. II).

Далее мы рассмотрим пейоративы, характеризующие различные степени халатности человека.

Аварская единица *тАаса-масаго* полисемична и часто употребляется в разных смыслах и контекстах:

Гагарлъиялъул чагЮги дида тАаса-масаго кАалъала. – Родные со мной разговаривают через силу.

Шамил ГАбашиловасул пикруялда рекъон, «Дагъистан» ГТРКялъул председателъгун вукАарав ХАажи ГАбашилов чИваялда хурхараб делоялъул цІех-рех цІакъ тАаса-масаго гъабун буго – следователал мекъаб нухалъ ун руго. – По словам Шамиля Абашилова, следствие по делу об убийстве бывшего председателя ГТРК «Дагестан» Гаджи Абашилова едва двигается с места, ведется как попало, следователи идут по неправильному следу (Гуниб. 2010. № 3-4).

Дун божула гъеб театралъ ралагъарал ургъизе ругъун гъариялдаги ва лъикАаб тарбия куцайладаги. Гъединаб ахІвал-хАалалда гЛураб лъимералъ, гъай-гъай рикІкІине, къабул гъаби зе гъечЮ тАаса-масагояб искусство ва творчество. – Я возлагаю большие надежды на тот образ мышления и на те

примеры поведения, которые прививает детям этот театр. Воспитанное таким образом молодое поколение просто не примет творчество, сделанное на скорую руку (МагIарулай. 2019. № 2.).

Как видно из примеров, в зависимости от контекста и от объекта пейорации меняются и эквиваленты данной аварской ПФЕ.

Рассмотрим примеры с аварскими билингвальными моносемичными моноэмотивными ПФЕ:

Гъай гъай, гъесул букIана бетIер гъечIеб цIали. Гъес кинабго гъабулаан тIаса-масаго, гъорлъе ваккичIого, букIине кколедухъ щибниги лъазабулароан гъес, амма кин бугониги, гъесухъа бажарулаан лъабилал, хIатта цо-цо мехалда ункъилал росизегицин. – Конечно, его учеба была головотяпством. У него все получалось на скорую руку, тля-ляп, ничего он не учил как следует, но все-таки умудрялся как-то получать иногда даже четверки (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Аварскому *бетIер гъечIеб цIали* (учеба без головы) наиболее соответствует русская лексичекая единица *головотяпство*. Этимология обеих единиц ведется с древнейшего архетипа – головы – признака ума, сознательности и разума, поэтому, когда говорят, что у чего-то нет головы, особенно в аварском языке, подразумевают что-либо неразумное и лишённое смысла и т.д. В русском языке, ввиду особенностей культуры, есть также свои фразеологизмы, связанные с этим соматизмом – *голова садовая, без царя в голове, ветер в голове* и т.д.

Но никакого поджога не было, было обычное наше головотяпство (А. Борин. «Воспоминания литератора»).

А после войны стали выпускать книги, в которых все передергивали, все оправдывали, совершенно забыв подлость, мерзость и головотяпство, составлявшие основу фронтовой жизни (Н.Н. Никулин. «Воспоминания о войне»).

Да я бы в жизни так не просверлил, – улыбнулся лейтенант. – Голова садовая, сверла-то не купил. Он нагнулся к кроватиному матрасу (В. Корнилов. «Демобилизация»).

Часто в русском языке встречаются фразеологизмы «рисовать вилкой по воде», «толочь воду в ступе», «черпать воду ситом», то есть заниматься бессмысленным и бесполезным делом. Подобные фразеологические конструкции существуют и в аварском языке. Например, *лъарахъе реххараб чИмих гIадин* может употребляться в смысле *не оставить и следа, как об стену горох*. Дословный перевод – как камешек, брошенный в воду. Так как камень, брошенный в воду, не оставляет каких-либо следов на воде, аналогия вполне ясна. Другой аварский фразеологизм *лъеда гъабураб накъиш гIадин* переводится как *узор, нарисованный на воде*. Описанные нами билингвальные аварские ФЕ могут быть полисемичными, биэмотивными. Полярность может быть не только нейтральной, но и негативной, то есть можно утверждать, что пейоративная коннотация данной ФЕ приобретается в контексте уничижения, как в следующем примере:

КъотИи-къаялъул гара-чIвари халат бахъана. «Вай гаргадулел ругелцинал... Тубараб сагIаталъ цибго пайда гIечIеб чIанда бицине гъез буго лъеда накъишал гъабуле», – ян ццин бахъун вугоан Аскер. – Переговоры не на шутку затянулись. «Это сколько же они говорят... Целый час беседуют о сущей чепухе – да они только воду в ступе толкут», – злился Аскер (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Автор подвергает порицанию напрасную трату времени, с уничижением отзывается о переговорщиках. Пейоративная оценка, включенная в данную ПФЕ, выражает осуждение в адрес людей, ведущих бесполезные разговоры.

У меня всегда при виде подобной официально толкущей воду в ступе парочки возникает в памяти незабвенный образ Карнаушенки и его невесты (ныне, конечно, супруги) (А.П. Чехов. «Письма Антону Павловичу Чехову»).

В данном случае уничижению подвергается и сама пара, и та, образ которой возникает в памяти автора.

Русской ПФЕ *с пустыми руками* (являться, возвращаться) в аварском языке нами было найдено 3 эквивалента: *гъабихъа хъанда гIадин, гIечуде аралъуса Хважа гIадин, сайигъат-салам гъечIого*.

Приведем примеры употребления аварских пейоративных выражений:

Гъабихъа хъанда гIадин нахъ вуссана гъев, нечезе ккелаан. Амма кин бугониги нахърусун лъик. – В итоге вернулся он с пустыми руками, хоть бы постыдился. Но все же хорошо, что вернулся (Р. ХIамзатов. «Дир Дагъистан»).

Порицанию подвергается не только то, что объект пейорации возвратился, но также и то, что вернулся ни с чем. В следующем примере можно наблюдать употребление фольклорного пейоратива:

ТамахлъизегIан къабун, гIодов ккезегIан вухун, гIечуде аралъуса Хважа гIадин вуссана. – Побили его так, что он еле волочил ноги. Так он и воротился наконец, как Хважа, ушедший за яблоками (М.М. Магомедханов. «Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова»).

В русском же языке встречаются и эмоционально-нейтральные, негативные, и примеры употребления с пейоративной коннотацией:

По пути я встретил командира 13-го линейного батальона, который еще до моего приезда в Хабаровку, получив первые сведения о голоде, отправился тоже вверх, но с пустыми руками, с целью лишь удостовериться в справедливости этих слухов (Б.К. Кукель. «Из эпохи присоединения Приамурского края»).

Крайность, в которую поверг провожатый Поликарпов, возвратившийся с пустыми руками, заставила миссию обратиться в Трибунал с просьбой об ускорении присылки серебра, а вместе с тем доставила возможность писать в Отечество («Пекинские письма доктора Кирилова»).

Меня сколько он раз маленькую обманывал: пойдет в город куда-нибудь: «Погоди, Мари, говорит, я принесу тебе конфет», – и воротится с пустыми руками (А.Ф. Писемский. «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына»).

Далее мы рассмотрим пейоративы, характеризующие различные степени халатности, недобросовестности человека.

Бокьалъул тIох тIун бачIине къачIан буго. – Крыша сарая починена так, что вот-вот отвалится (ХIакъикъат. 2013. № 7).

Аварский безэквивалентный моноэмотивный моносемичный абстрактный пейоратив *тIун бачIине къачIан* (букв. починен так, что оторвется) с негативной полярностью в данном случае несет пейоративную коннотацию, в примере порицается недобросовестно выполненная мастером работа.

Такое же халатное невыполнение собственной работы или обязательств встречаем в нижеследующем примере, где порицается работа людей, доставляющих газеты:

Щалдолездаги прессаялдаги гьоркъоблъи гьабунин абун гьебцинаб гIарац щай гьез босизе кколеб? Хасго нижсехъа, гьадингоги сум-сараялда ран ругел миллиял мацIазда рахъулел газетал. – Зачем брать столько денег якобы за какое-то там посредничество между образовательными организациями и печатной прессой? У нас и так где попало разбросаны-раскиданы эти газеты на национальных языках (Дагъистан. 2014. 28.02.).

Аварская моноэмотивная ПФЕ *сум-сараялда бан бугеб* (букв. как попало раскиданный) имеет эквиваленты в русском языке. Частично ее можно соотнести с такими русскими фразеологизмами – *как попало, так-сяк, вкривь и вкось* и т.п., которые семантически близки к аварской ПФЕ, которая при этом часто употребляется в аварских СМИ. В аварском контексте пейоратив обладает более яркой негативно-оценочной коннотацией. В следующем примере эффект пейоративности усиливается за счет метафоричности употребления:

– Гъале гьаб дица малъухъе абе цойги нухаль гьаракъ борхун дуда кIалъани, хIинкъуца холей йикIинчIого. Уйила, аб сум-сараялда ран ругел миллатазулги мацIазулги ургъелги тIаде босун, рухI къун хIалтIарал гIечIого, «ХIакимзабазул» чIучIуги букIанила къваригIун... жо бицине рахъун... – Вот

как я посоветовала, и отвечай им в следующий раз, когда поднимут голос, а не помирай от страха. Поглядите только, излагают свои запутанные, сбивчивые, рассеянные мысли о народе, о языке. Не хватает, что все силы отдаешь работе – так еще должна их «важные» разговоры слушать. Очень надо! (Ш.М. МухИдинов. «Зараляб сабру»).

В данном примере проявляется полисемичность аварского пейоратива. Под влиянием синергетики текста он приобретает значение *находящийся в разброде, рассеянный, спутанный*.

Приведем примеры из русского языка:

Какой-то идиот захотел заработать орден, но, слава Богу, делает дело как попало, без подготовки и тщательного прицела, то есть как обычно... (Н.Н. Никулин. «Воспоминания о войне»).

Автор иронично отмечает, что пытающийся выслужиться перед командованием артиллерист, едва наведя орудия, сразу же открывают огонь, не уточнив местонахождение своей пехоты, что, однако спасает ее от огня артиллерии. Междометие усиливает экспрессивность пейоратива, в примере также раскрываются причины и следствия того, почему объект пейорации *«делает дело как попало»*.

Дальнейшее: лишение мандата делегата конференции, проведенное президиумом так-сяк, без особого сочувствия, вернее, против настроения конференции, снятие с должности, перевод с понижением куда-то в Уссурийск на Дальний Восток (А.Т. Твардовский. «Рабочие тетради 60-х годов, 1966 год»).

Пейоративная коннотация обусловлена тем, что фразеологизм выражает подход к проведению процедуры, которая не получает одобрения общественности.

И сколько бы ни кричал Сталин и клика его «теоретиков» против этого положения, сколько бы ни выдергивали они произвольно отдельных ленинских цитат и ни истолковывали их вкривь и вкось, – они против этого положения

не могут привести ни одного серьезного возражения (М.Н. Рютин. «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»).

Моноэмотивный фразеологизм *вкривь и вкось* дает основания судить о его полисемичности. Он обладает отрицательной полярностью, но характеризует не только то, что все сделано *как попало, плохо, не так, как следует*, но и указывает на искажение первоначального смысла, на его неверное толкование, суждение.

Вообще, и в русском и в аварском языке корпус фразеологизмов, который характеризует такие пороки, довольно велик (*проявить халатность – тасамахІльи гьабизе, на скорую руку – хъатамасан гьабураб*), однако не всегда можно найти точный эквивалент тому или иному фразеологизму.

Объекты их номинации испытывают неуважительное отношение, более того, порицается их бесхарактерность вкупе с неумелостью, которые могут навредить окружающим, понадеявшимся на человека, способного подвести в самый ответственный момент.

Например, русской ПФЕ *лить воду на мельницу врага* трудно найти эквивалент в аварском языке. В русско-аварском словаре М.М. Магомедханова можно встретить калькированный перевод данной ФЕ [Магомедханов, 2007]:

Прикрываясь именем партизан, гитлеровцы учиняют массовые расстрелы, устраивают грабежи. И малейшая наша опрометчивость в отношениях с населением льет воду на мельницу врага. (В. Андреев. «Народная война»).

Другая русская ПФЕ *на скорую руку* является билингвальной, однако отметим, что если русский вариант может обладать и нейтральной, и негативной полярностью, то есть биэмотивен, аварский эквивалент *гІедегІун холаго* (умирая от спешки) обладает только негативной полярностью и моноэмотивен:

Гъеб бакІалда гъес гьабизе кколеб букІанцинабги тІубазабун, гъес гІедегІун холаго доклад ги хъван, щибниги ккечІо гІадин, рокъове ана. – Сделав

все, что ему было нужно, он набросал доклад на скорую руку и, как ни в чем не бывало, отправился домой (Р. Хамзатов. «Анциго томалде данде гьарурал асарал». Т. VIII).

Другой эквивалент на скорую руку – *тIаса-масаго гьабураб* (сделанный кое-как).

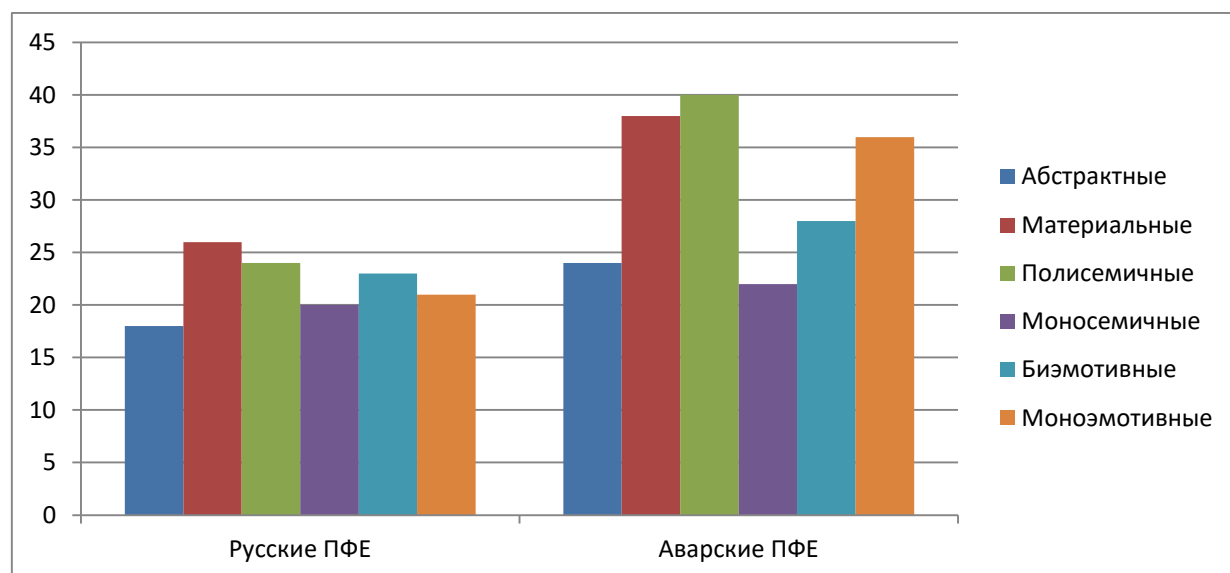
Рохьоб жаниб бугоан тIаса-масаго гьабураб хьощ – гьетI-гьетIарал тIеренал хIубазде тIаде раIалде кковухье рехун бугоан хьонги соломаги. – В глубине леса кое-как был сколочен небольшой домик – кривые доски там и тут забросали прутьями и соломой (М.М. Магомедханов. «Аварско-русский фразеологический словарь»).

Подведем итоги анализа корпуса пейоративов, характеризующих лень, праздность, безалаберность и халатное отношение человека.

Из 47 русских пейоративных выражений выявлено 26 абстрактных, 21 материальное. Полисемичными являются 28, моносемичными – 19. Биэмотивных русских пейоративов – 22, моноэмотивных – 25.

Соответственно, аварских абстрактных пейоративов нами было выявлено 28, материальных – 33. Полисемичных ПФЕ – 37, моносемичных – 24. Биэмотивных негативно-оценочных конструкций – 26, обладающих единичной эмотивностью – 35.

График 2.

2.4.3. Концептуализация глупости

В корпус пейоративных фразеологических единиц, определяющих концепт «Глупость», нами было включено более 140 фразеологизмов, характеризующих человеческую глупость и недалекость. Глупость подвергается порицанию, потому что она может причинять вред не только самому человеку, но и его окружению, так как недалекий человек непредсказуем и не может в должной мере контролировать свои действия, не задумывается о последствиях. Сам концепт охватывает многие сферы человеческой деятельности, глупость является источником многих порицаемых качеств, стоит у их истоков (Махмудов, 2025, с. 45–55).

Таблица 9.

Полисемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. <i>Попасть впросак</i>	1. <i>Гуккун вукIин лъазе</i> 2. <i>Мекъи ккезе</i>
2. <i>Остаться в дураках</i>	3. <i>Габдал вахъине</i> 4. <i>Габдалаб къагIидаль ккезе</i> 5. <i>Габдаллъун хIазе</i>
3. <i>Разинуть рот</i>	6. <i>Пикру загъир гъабизе</i> 7. <i>КIал гъакIан чIезе</i>
4. <i>Круглый дурак</i>	8. <i>КIудияв габдал</i>
5. <i>Набивать голову</i>	9. <i>БетIер гъорорзабизе</i>
6. <i>Забивать голову</i>	10. <i>Ботролъе бугIизе</i>
7. <i>Сломать шею</i>	11. <i>Жиндаго тIаде балагъ цIазе</i> 12. <i>Жиндирго бетIералде балагъ бачIинабизе</i>
8. <i>Строить дом на песке</i>	13. <i>СалутIа къучI лъезе</i> 14. <i>Аслу-къучIго гъечIел жал гъаризе</i>

9. <i>Толочь воду в ступе</i>	15. <i>Гадада заман инабизе</i> 16. <i>Гюмо борлѝ гѝабизе</i>
10. <i>Нести окоlesiцy</i>	17. <i>Щибго пайда гѝечлѝб чланда бицине</i>
11. <i>Смотреть в рот</i>	18. <i>Клалдиве валагѝун члезе</i>
12. <i>Искать приключения</i>	19. <i>Балагѝалде гѝезе</i>
13. <i>Башка порожня</i>	20. <i>Ботлроде жанив нах гѝечлѝб чи</i> 21. <i>Бетлѝр гѝечлѝв чи</i> 22. <i>Жаниб гѝечлѝб бетлѝр</i>
14. <i>Сошедший с ума</i>	23. <i>Бетлѝр сверараб (тирарав)</i>
15. <i>Голова садовая</i> 16. <i>Голова баранья</i> 17. <i>Голова дубовая</i> 18. <i>Голова мякинная</i> 19. <i>Дурья голова</i>	24. <i>Хлехь глaдин (глaдав)</i>
20. <i>Бараний взгляд</i>	
21. <i>Олух царя небесного</i>	25. <i>Унго-унгояв хлехь</i>
22. <i>Витать в облаках</i>	26. <i>Кѝалмица хур бекѝизе</i>
23. <i>Сизифов труд</i>	27. <i>Хважа ищ босараб сапар</i>
24. <i>Потерять голову</i>	28. <i>Клалагѝоркѝе члвaзе</i>
25. <i>Пустить петуха</i>	29. <i>Ургѝунго цла гѝезе</i>
26. <i>Очертя голову</i>	30. <i>Нахѝа пикру гѝечлѝв</i>
27. <i>Как ни в чем не бывало</i>	31. <i>Реклѝл члoло битлун</i>
28. <i>Менять шило на мыло</i>	32. <i>Мазгарил даран (Мазгар продавал скот по низкой цене)</i>
29. <i>Потерять разум</i>	33. <i>Глaкѝлу нахѝе ккун, ццин цебе биччaзе</i>
30. <i>Играть с огнем</i>	34. <i>Щадулгун махсара гѝабизе</i>
31. <i>Кусать себе локти</i>	35. <i>Глунрукѝ хлaнчлaзе</i> 36. <i>Гѝвaница хѝасизе</i>

32. Недалекого ума	37. Нахъа рукъ гъечлев (шулияв) 38. Гъечло клудияб глакълу
33. Недалекий человек	39. Тохав чи
34. Работать за спасибо	40. Чахъаялъухъ хIалтIизе
35. Разинуть рот	41. КIал гъакIкIан хутIизе
36. Остаться с открытым ртом	
37. Потерять голову	42. КIалагъоркъе чIвазе (упасть ничком)
38. Попасть в тупик	43. Къварилъи ккезе
39. Без царя в голове	44. ГIакълу (хIажат) гъечлеб бетIер
Легко обманываемый	45. Гуккизе бигъаял
	46. Гуккизе вукIунев
Сам себя обмануть	47. Живго гуккун вукIине
40. Оказаться в глупом (неловком, дурацком) положении	
41. Попасть в ловушку	
Ошарашенно	48. Ахцарав чи гIадин
Как слепая сова	49. Беццаб руз гIадин
Безрассудное геройство	50. ХIамабагъадурлъи гъабизе
	51. ХIамабагъадур вукIине
42. Пустая голова	52. Гъодораб гвангвара

Таблица 10.

Моносемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. Остаться с носом	1. Гъванца хъасулев хутIизе
2. Остаться у разбитого корыта	ГIадада ккезе
3. Выбросить на улицу	2. КъватIуре рехизе

	<i>3. ХІалтІи гьечІого хутІизаризе</i>
<i>4. Пустить козла в огород</i>	<i>4. ГІи цІунун, бацІ тезе</i>
<i>5. Волка в пастухи ставить</i>	
<i>6. Смотреть сквозь розовые очки</i>	<i>5. ГІаййиб-хатІа бихьунхутІизе</i>
<i>7. Как баран на новые ворота</i>	<i>6. ЦІияб гьалдуаьлгухь гьвала гІадин балагьизе</i>
<i>8. Покупать kota в мешке</i>	<i>7. Бецаб даран гьабизе</i>
Слепое племя	<i>8. Бецаб агьлу</i>
Слепое существование	<i>9. Бецаб гІумру</i>
Как шамхал, не посещающий войско	<i>10. Боде ракІ цоларев шамхал гІадин</i>
Тыквенная голова	<i>11. Гунзари бетІер</i>
Пустая голова	<i>12. Гьодораб гвангвара</i>
Ветряная мельница	<i>13. Гьорол гьобо</i>
Без разума	<i>14. ГІакьлу гьечІев</i>
Как Манташ из Ашильта	<i>15. ГІашилта Манташ гІадин</i>
<i>9. Поверить рассказам</i>	<i>16. Квариде вахун ине</i>
Как ленивая пуля	<i>17. Кьвагьалаб гулла гьадин</i>
<i>10. Зablудившийся в трех соснах</i>	<i>18. Кьурабаль нух кьосараб бис гІадин</i>
<i>11. Идти неправильным путем</i>	<i>19. Мекьаб нухаздасан ине</i>
Вернуться как Алибулат из Телетля	<i>20. Телекье ГІалибулат гІадин</i>
<i>12. Псих больной</i>	<i>21. ТІури цвараб</i>
<i>13. Получить сумасшествие</i>	<i>22. ТІури цвезе</i>
Как с хромою ногой	<i>23. ХатІа лгьугІараб</i>
<i>14. Сизифов труд</i>	<i>24. Хважа иц босараб сапар</i>
<i>15. За двумя зайцами гнаться</i>	<i>25. Хунги-ччунги бокьизе</i>

	<i>26.Цо квераль кIиго хъарпуз квезе</i>
<i>16. Как свинья в апельсинах</i>	<i>27.ХIамида кечI гIадин</i>
<i>17. Тупой как пробка</i>	<i>28.ХIехъгIадав чи</i>
<i>18. Лить воду на чужую мельницу</i>	<i>29.Чияраб гъабихъе лъим тIамулел кIалъаял</i>
<i>Упустивший выгоду</i>	<i>30.Дармица къурав</i>
<i>19. Никчемный человек</i>	<i>31.ЧIагого хварав чи</i>
<i>Вырасти в ухе осла</i>	<i>32.ХIамил гIинзунив гIун ватарав</i>
<i>20. Где нам, дуракам, чай пить</i>	<i>33.ХIамузда хъарпуз квине щиб лъалеб</i>
<i>За неделю сойтись, за месяц разойтись</i>	<i>34.Анкъидасан буцIцIун, моцIиде риххулел ригъинал</i>
<i>21. Попасть под каблук (башмак)</i>	
<i>Заниматься ненужными, бесполезными вещами</i>	<i>35. КъваригIел гъечIел жалаз бетIер гъорорзабизе</i>

Так, глупость в совокупности с поспешностью порицается в аварской ПФЕ *анкъидасан буцIцIун, моцIиде риххулел ригъинал* (букв. за неделю сойтись, за месяц разойтись (о поспешном браке).

Гъесул хабаралъул гIемерисеб тема букIана чIужу ячин. Гъеб рахъаль гъесул кIудияб хIалбихъи букIана, анкъидасан буцIцIун, моцIидасан риххулел ригъинал гъарулезул церехъабаль вукIине. Доб заманаль дов, цояйги йиччан, цогияй ячине къачIалев вукIана.– Тема его разговоров была одна и та же – о женитьбе. Вернее, о новой своей женитьбе, ибо он был из тех, кто женится за неделю, а разводится через месяц. Как раз то был период, когда он только-только развелся и подыскивал себе молодую вдову (Р. ХIамзатов. «Дир Дагъистан»).

По аналогии с ранее рассмотренным пейоративом *руччабазул дармида вугев Далаголав* в контексте примера усматривается уничтожение многоженцев в качестве ведущих глупую и неорганизованную, сумбурную семейную жизнь. Абстрактный пейоратив моносемичен, моноэмотивен, осуждает поспешный и необдуманный брак, который заключается за неделю, а распадается через месяц, не имеет эквивалента в русском языке. В аварской культуре разводы порицаются как представителями духовенства, так и народом. Мотивируется это тем, что, если человек не может управиться со своей семьей, значит, он не в состоянии управиться с чем-либо в принципе. В свою очередь, долгий брак является показателем счастливой и достойной семейной жизни.

Аналогичное отношение к вопросу и в русском языке. Приведем, к примеру, поговорки «*Один женился – свет увидал, другой женился – с головой пропал*», «*На хорошую глядеть хорошо, а с умной жить хорошо*», «*Счастлив игрой, да несчастлив женой*». Отметим, что жена считается в обеих языковых картинах мира своего рода «индикатором» многих качеств человека, но в первую очередь – показателем его ума. Таким образом, неудачный, короткий брак и, соответственно, быстрый развод, равно как и неоднократная женитьба, характеризуют объект как глупый, недальновидный, безрассудный. При этом критика жены отражается на муже, обличая его качества, порицаемые социумом. Так, в некоторых случаях выражение «попасть под каблук (башмак)» означает недалекого, глуповатого мужа-простака, который находится под влиянием жены.

Попал под башмак глупой жены своей, какого-то ходячего пуховика; а вот, полюбуйтесь, то общество, среди которого он живет, – все как на подбор: один глупее другого, и каждый подличает по-своему (Д.И. Писарев. «Писемский, Тургенев и Гончаров»).

Хотя автор и не называет прямо объект глупым, он достигает этого косвенно, посредством характеризования его окружения.

Сразу же после свадьбы он попал под каблук горячей и упрямой жены. (В. Курочкин. «Последняя весна»).

Нужды нет, что Луиза была старше его тринадцатью годами – он все-таки был доволен и счастлив, и с первых шагов своих на супружеском поприще попал под башмак этой немецки-прелестной особы (В.В. Крестовский. «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных»).

Отмечаем, что в указанных примерах имеет место речевая пейоративность. Несмотря на общий семантический смысл фразеологизма, построенный вокруг инертности, пассивности, безволия, слабого характера человека, он используется и в нейтральном контексте, чтобы вызвать сопереживание:

Он был примерный семьянин, прочно попавший под башмак супруги (Ю. Безелянский. «В садах любви»).

При этом в речевом использовании наблюдаем имплементацию признаков полисемии, которая связана с обличением также недалекого ума и простоватости. Функции пейорации, реализуемые в русском фразеологизме посредством материальных предметов, усиливают экспрессивность – ведь каблук является в основном атрибутом женщины, жены.

Разумеется, наиболее распространенным является прием использования фразеологизмов либо устойчивых выражений с компонентом «голова» для осуждения низкого уровня умственного развития объекта номинации, это проявляется в обоих сопоставляемых языках.

Аварский материальный пейоратив *бетIер сверараб* является полисемичным (1. сойти с ума. 2. заморочить голову. 3. испытывать головокружение), биэмотивным и имеет относительные эквиваленты в русском языке с негативной оценочностью (*сошедший с ума, полоумный*).

БатIиялги разилъуларо, гIодов ккун дун хваниги. XIакъикъаталдаги, бетIер сверарав чияс гурони абизе рес гъечIо киналго мекъал ругин, цо дун битIун вугилан. – Они не успокоятся, даже если я упаду замертво. В действительности, только сошедшие с ума будут утверждать, что все вокруг ошибаются и одни они правы (Г. ГъалбаIов. «МагIарул мацI»).

В данном примере аварский пейоратив употребляется в значении *сошедший с ума*, имеет отрицательную полярность и пейоративную коннотацию.

Унго, гъес 18 сон барай дир бетIер сверизабулеб букIараб куц! ЦIалицин рехун тезе бахъана. – На самом деле и не описать, как он мне, 18-летней, заморочил голову, готова была бросить из-за него учебу (ХIакъикъат. 2015. № 2).

Однако в примере выше пейоративная оценка аварского фразеологизма пропадает, хотя полярность остается отрицательной, значение определяется как *заморочить голову*.

Следующий пример демонстрирует наличие в семантическом ядре вышеуказанного аварского фразеологизма семы *испытывать головокружение*, что позволяет говорить о его полисемии.

Ахираб заманалда инсанасул рухIияб рахъ чорок гъабиялъе гIемерал жал ургъун руго. Компьютераз бетIер сверизабулеб буго гIолилазул. – В последнее время появилось много нового, что склоняет человека к недостойному поведению. А от компьютеров у молодежи вообще идет кругом голова (ЦIияб нухдасан, 2016, 19 авг.).

Учитывая вышеизложенное, параметризуем аварскую ФЕ *бетIер свэрарав (тирарав)* как речевой материальной пейоратив, обладающий моноэмотивностью, полисемичностью, характеризующийся семантикой неодобрения как умственного помешательства (*сошедший с ума, потерявший рассудок*), так и глупости (*вскружить, заморочить голову*).

Приведем иные примеры употребления пейоративов в аварском языке с компонентом *бетIер* (голова).

Огъ, ахIмакъай дун, ахIмакъай дун... Чан мунагъ баччараб гIакълу гъечIеб бетIер сабаблъун! – Ой, глупая я, глупая. Сколько ошибок пришлось совершить из-за неразумной головы! (Ф. МухIамадова. «Хасалихъльги бачIингун»).

Дур бицунѣб хабар халат букІани, бегылин абуна элда дицаги. ГІакълу гьѣчІѣб бетІер, чІобогояб ракІ, чІухІарал хиялаз хвана гІадада. – Хоть и длинным вышел твой разговор, ну так пусть и будет. Из-за пустой, неразумной головы, из-за черствого сердца рухнули самые высокие надежды. (М. Хъахабросольа. «Рокъиян кьѣрилал, кьалан гІолилал...»).

Щиб багъана батунги гьѣб дагълъизабизе, дагълъичІони, гьаз квер битІаралгубе гІиял рехъен гІадин бекерулеб бетІергьѣчІазул ва гІинккунбачазул улка кьваригІун буго азие. «Халкългълул лагъзадерил» лагълъиялда буго халкъ! – Любую инициативу задушить, а если не получится, так чтоб хотя бы под рукой был безмозглый, послушный народ, который готов, как отара, овец бегать из стороны в сторону. У слуг народа в рабстве оказался сам народ (Б. МухІидинова. «Халкългълул лагъзадерил» лагълъиялда буго халкъ»).

Аналогичную ситуацию наблюдаем и с другими пейоративами, относящимися к концепту «Глупость» – *гІакълу (хІажат) гьѣчІѣб бетІер* (букв. голова без ума).

Первобитиял чагІи гІакълу гІѣчІолъиялъ толото хьвадулел рукІана. Амма цо пикру гьабуни нилъѣда бичІчІила инсан гІакълу цІикІкІанагІан жеги гьѣбго даражяялде вахъунев вукІин. – Первобытные люди из-за недостатка разумности бродили совершенно голыми. Но, если призадуматься, наш разум хоть и получил развитие на протяжении многих времен, настолько ли далеко ушел от их уровня? (С. Ханаев. «МахІачхъала жакъа»).

БетІер хІажат гьѣчІѣб бетІербахъиялъ батІияб цо улка гІуцІана гьанже. Цогъаз кодор ккурал цІадирабаца цІалѣб буго гьѣлгълул гІамалхасият... – Бездумное, неразумное наше существование сформировало новое общество, нравы и характер которого определяют воры и проходимцы (М.- С. Шахтаманов. «Щивав кечІ хьвалев чи шагІир кколаро»).

Аварский фразеологизм *бетІер гьѣчІѣб* (безголовый) в тех или иных вариациях общераспространен в аварском языке. Пейоратив языковой,

моносемичный, обладает отрицательной полярностью, имеет фразеологические эквиваленты в русском языке *без головы (без мозга)*.

Ну совсем без головы была, умогает незнамо куда, потом, здрасте, является (Д. Донцова. «Уха из золотой рыбки»).

Так называемые простые люди – свиньи; порой – весьма умильные чушки, но все равно с сопливым пятчком, крошечными глазками, склонностью пожирять собственных детей, валяться в дерьме, а главное – без мозга и души (Ю.М. Нагибин. «Дневник»).

При этом русский пейоратив, в отличие от аварского, обладает полисемией, хотя и сохраняет отрицательную полярность:

Правда, меня предупредили, что если я ошибся, то останусь без головы (С. Мубояджян. «Плазма против пара»).

Приведем другие примеры:

Гъесул гъечӀо кӀудияб гӀакълу, гӀумруялъул аслияб мурад – сельпоялда викъаризе ва гъекъолдизе. – Он человек недалекого ума, все его основные дела сводятся к походам в село, мелкому воровству и пьянству (Г. Цадаса. «Айдемир и Умайганат»).

В данном примере аварскому пейоративу *гъечӀо кӀудияб гӀакълу* соответствует прямой русский эквивалент *недалекого ума*. Приведем пример употребления:

Затем Зубов, как человек недалекого ума, мало сведущий, бездеятельный, никогда не выдавший края, не мог внести в управление ничего нового, самобытного (Д.И. Яворницкий. «История города Екатеринослава»).

Как видно из примеров, пейоративы в обоих контекстах семантически обличают не глупость как таковую, а именно неспособность выйти за рамки, мыслить шире, что, в свою очередь, и оценивается как глупость.

Гъеб гъабуразул гӀакълу тӀубараб гъечӀо, тарихаль гъарурал киналго ишал, рехула тӀубанго лъикӀалгун квешал цо гӀадалаб гӀурул иххаль рехарал гӀадин. – У тех, кто это сделал, совершенно отсутствует разум. Всю

историю – и хорошую и плохую, всю перемешали перевернули, будто швырнули в бурный горный поток (К. Гардашов. «Инкъилаб»).

Глакълу гъеч *Иез цинги майдан ах* *Іани, щибха бице, кинха бице ай, Камиль?*
– *А если эти глупцы неразумные потом выйдут на площадь, что тогда им скажешь, как с ними говорить будешь, Камиль?* (К. Гардашов. «Ай Камил»).

Также аварскому пейоративу *г**Лакълу гъеч* *Леб* семантически близок русский полисемичный биэмотивный фразеологизм *без царя в голове*:

1. глупый, бестолковый:

У нее муж – дед Леха, пьяница, моему был пара, и оба сыночка без царя в голове, да еще попивают, так что она одна среди трех трутней-мужиков крутится (В. Михальский. «Одинокому везде пустыня»).

Для Даневича доктор Заменгоф был скучный педант, усвоивший все пороки талмудистской науки, для Пороха – неряшливый местечковый мечтатель без царя в голове (Л. Юзефович. «Казароза»).

2. шальной, взбалмошный:

Это были отчаянные смельчаки, мальчишки, без царя в голове, обаятельные своей удаley и готовностью в любую секунду умереть, или убить, или пуститься в бесшабашную гулянку (Ю.В. Трифонов. «Нетерпение»).

В данном примере русский пейоратив теряет свою негативную полярность и уничижительную оценку и в контексте одобрения, признания хорошими действий объектов номинации приобретает положительную.

В русском языке также имеются общеупотребимые пейоративы, которые можно назвать их наиболее близкими эквивалентами – *пустая голова, голова садовая, голова баранья, голова дубовая, голова мякинная, дурья голова*. Имеются близкие по смыслу, но содержащие в смысловом ядре дополнительные семы, обладающие разной эмотивностью и экспрессивностью – *куриные (птичьи) мозги, недалекого ума, звезд с неба не хватает, пороху не выдумает*.

При этом в ходе исследования было выявлено, что пейоратив *пустая голова* может употребляться не только в негативном ключе, но и в нейтральном [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru>]:

Днем читаю, а по ночам пустая голова, вместо мыслей какие-то тени (А.П. Чехов. «Случай из практики»).

Кроме того, раздробленное время, пустая голова, нервная усталость, «мир сей» в его мелочности и скуке (А.Д. Шмеман. «Дневники»).

Фразеологизм употреблен в семантике нейтральной полярности и обуславливает отсутствие мыслей усталостью, утомлением, то есть объективными факторами. Однако в русском языке в основном он встречается в значении глупого, несообразительного, иногда несерьезного, ограниченного человека:

– Малоги времени подождать не мог!.. Что теперь наделал, пустая голова?.. И себе навредил, и ее погубил, и меня обездолил... (П.И. Мельников-Печерский. «В лесах»).

Вперед не спорь, да будь умнее. И знай, пустая голова, что всякой логики сильнее любезной женщины слова (С.Т. Аксаков. «Детские годы Багрова внука»).

Пейоратив обладает признаками полисемии, так как уничижению подвергаются и такие порицаемые качества, как лукавство, хитрость, неустойчивость, являющиеся признаками отсутствия, ограниченности ума:

Уж я слышу! Ты мне не финти, пустая голова! – Чем же я пустая голова? За что вы меня каждодневно ругаете? (А.В. Сухово-Кобылин. «Свадьба Кречинского»).

Сколько ты, пустая голова, даешь за картину? (К.П. Масальский. «Черный ящик»).

Но добрый Азонаев меч отсекает оные, а потом и голову змиеву отрубив, бросил за лес и сказал: «Перестанешь, пустая голова, проказничать» («Сказка о царевиче Артобазе Хиразовиче»).

Фразеологическая единица *набивать голову* в русском языке является полисемичной, биэмотивной. Она может иметь не только семантику нейтральной полярности:

Прежде чем набивать голову ребенка знаниями, дайте ему крови; укрепите его, а чтобы он не терял времени, отправьтесь с ним в деревню или куда-нибудь на берег моря (П.А. Кропоткин. «Хлеб и воля»);

но и обозначать забивание головы чепухой, не всегда полезными сведениями, при этом приобретая отрицательную полярность:

Убедить нашу профессуру, что нельзя таким бесконечным винегретом набивать голову студенту – безнадежная вещь, так как большинство самих профессоров в жизни занимается только коллекционированием статей, формул, ссылок и того же требует от студента (П.Л. Капица. «Отчеты»);

а также и придумывание каких-либо домыслов, накручивание себя, что, в свою очередь, формирует в семантическом ядре фразеологизма значение с пейоративной оценочностью:

Перестанет он набивать голову этой дуре разными сентиментальностями и позволять себя ей водить за нос... (Н.Э. Гейнце. «Князь Тавриды»).

В отличие от русской ПФЕ, вышесказанное нельзя отнести к ее аварскому эквиваленту. Фразеологизм *къваригIел гьечIел жалаз бетIер гьорорзабизе* семантически близок к русскому фразеологизму (букв. – [набивать] чепухой голову так, что она пухнет), хотя имеет больший семантический охват, при этом аварский пейоратив более критичен. Это обусловлено его моносемичностью и моноэмотивностью. Для сравнения приведем пример:

КвешIьялде ругьунIьялгул унтаби ккола квешаб тарбия кьель ва цере ккара-ккарал къваригIел гьечIел жалаз гьитIинго лымалазул бетIер гьорозабиялъ. – А нравственные болезни происходят от дурного воспитания, от всяких пустяков, которыми с детства набивают людские головы (М.М. Магомедханов. «Русско-аварский фразеологический словарь»).

Щай нилъеда лъазе кколеб дунялалда бугебщинаб къварилъиги, чороклъиги, къваригIел гъечIеб жалаз бетIер горозабизе? Сундуе гIоло гъеб кинабго нилъеде тIаде тIолеб бугеб? – Зачем нам этими проблемами, этой грязью, чепухой набивать голову? Для чего на нас сознательно выливают эти помои? (Б. МухIидинова. «Цо сахаб хабар рагIуларо...»).

КъваригIел гъечIебщинаб бугин тIаде босулеб, мунагъал рорцун толеб цIадиро ургъиладай. – Чем попало набил голову, а теперь мысленно взвешиваешь тяжесть своих грехов (С. МухIамадова. «Пикрабазул нухал»).

Примеры показывают, что анализируемый пейоратив русского языка является речевым пейоративом, так как может обладать пейоративной коннотацией лишь в контексте. В аварском же языке эквивалент является материальным моносемичным моноэмотивным пейоративом, указывает на «опухшую» от ерунды голову, что исключает многополярность его трактовок.

Интересным выглядят также примеры употребления аварского фразеологизма *ботIрода бугIизе* – *забивать чью-либо голову, пичкать голову*. Если в прошлых примерах унижению подвергнулся человек, который сам себя накручивает, то в данном материальном пейоративе унижению подвергается тот, кто насильно заставляет людей принимать сверх меры и без толку сведения либо идеи:

ГIамирил МухIамадица бицухъе, гъитIинго лъимералде къолеб кIвар, гъелъул ботIролъе бугIулеб лъай гъечIебIан мехалда, институтал лъугIунилан тохтурин абун цIар букIин гурони, махщелчи гъесул вахъунарила. – По мнению Амирова Магомеда, если ребенку не уделяли внимания, пичкали его голову чем угодно, а не знаниями, институт оканчивает такой специалист, у которого «врач» – одно название (Дагъистан. 2013.28.03.).

Таким образом, аварский фразеологизм можно характеризовать как моносемичный пейоративный моноэмотив. Немного иная ситуация с его эквивалентом *забивать голову* в русском языке:

По своей привычке забивать голову всяким мусором ты небось помнишь и рецепт изготовления мыла? (А. Чудаков. «Ложится мгла на старые ступени»).

Уничижению подвергается свойство иметь в голове не всегда полезную информацию либо жить в своем мире, не замечать происходящее вокруг:

Кстати сказать, чем забивать голову неизвестно чем, ты могла бы подумать, как твоя мать бьется всю жизнь, старается для вас (М.М. Рощин. «Валентин и Валентина»).

При этом обладать информацией, которая может быть интересна окружающим, не подвергается порицанию:

Что он, Штирлиц, забивать голову информацией, которая интересна кому-то другому? (В. Мясников. «Водка»).

Примеры показывают, что русский фразеологизм, в отличие от своего аварского эквивалента, имеет признаки языкового пейоратива, так как, помимо отрицательной, он имеет и нейтральную полярность, но моносемичен.

Этимология русских фразеологических единиц *остаться в дураках, остаться с носом, кусать локти, попасть впросак*, обусловлена единым семантическим смыслом «оказаться обманутым вследствие глупости, недалекости». Рассмотрим некоторые примеры их употребления в контексте негативной оценочности [Картаслов.ру: URL: <https://kartaslov.ru>]:

Некрасов со своим доносом остался в дураках, но, зная о моем активном участии в этой истории, он с того дня остро меня возненавидел. (С.М. Голицын. «Записки беспогонника»).

– Ты Меня положительно удивляешь, Топпи, – строго сказал Я. – Такому старому Черту неприлично получать фальшивые бумажки от людей и оставаться в дураках (Л.Н. Андреев. «Дневник Сатаны»).

Уничижению подвергаются действия объекта номинации, имевшие для него негативные последствия, однако пейоратив, несмотря на моноэмотивность, обладает полисемией, как видно из примера:

И, громко шлепнув картами по столу, он пошёл к Илье пятком. Илья остался в дураках. Супруги смеялись над ним, а его ещё более раздражало это (М. Горький. «Трое»).

Рассмотрим распространенные в аварском языке эквивалентные устойчивые выражения с компонентом *гуккизе* (обманывать), в частности, *гуккизе бигъаял* (легко обманываемые).

Бищунго гуккизе бигъаял гъелъий, руччаби ругинги абубеб буго. – Говорят, что женщина очень легко таким образом ввести в глупое положение (А. Нурмухаммадова. «МагIарулай»).

Аварский *гуккизе бигъаял* (легко обманываемые) пейоратив является моносемичным моноэмотивным и порицает качества тех, кто поддается внушению без видимых трудностей. Аналогично можно характеризовать аварский фразеологизм *гуккизе вукIунев* (вводимый в заблуждение, обман):

Жакъа-метер лъалареб чIаголъиялъе гIоло чIухIараб дурго нафсаль гуккизе щай вукIунев?! – Не зная, доживешь ли до конца дня или до завтра, зачем поддаешься своим страстям?! (Саид Афанди аль-Чиркави. «Назмаби»).

Далее фразеологизм *гуккизе ургъараб* (букв. для обмана придуманный) в контексте сравнения демократии с пугалом направлен на уничижение тех, кого руководители обманывают, прикрываясь правами человека:

Щиб лъалеб, тIадчагIаз ниль гуккизе ургъараб гъезего гъечIеб демократия гIадаб гIисинлъимал гуккизе ургъараб жо батизе бегъула гурищ боГIологи. – Как знать, правители выдумали несуществующую демократию и водят ею нас за нос, как детей малых пугалом (П. ГIисаев. «Нуж боГIолабазукъа хIинкъулищ?»).

Аварская ПФЕ *живго гуккун вукIине* является моносемичной, моноэмотивной, семантически обозначает *обманывать себя*.

Гъанчи нильер Бахадурасда бичIчIана живго гуккун вукIин: гъез кинабго гъединго гъабуна, кинабгIаги балъоголъи букIинчо, гъезие бокъун букIана гъасда тIад вельанхъизе. – Теперь наш Бахадур понял, что попал впросак: они все разыграли, не было никакой тайны, они просто над ним посмеялись.

Динги гьереси гьабун, гьедин живго жинцаго гуккизе чи бегьилищ? – Разве можно настолько обманывать себя, что религию принимать за вымысел? (Саид Афанди аль-Чиркави. «Побуждение внять призыву Корана»).

Ему относительно соответствуют несколько эквивалентов в русском языке – *оказаться в глупом (неловком, дурацком) положении, попасть впросак, попасть в ловушку*. Русские пейоративы, напротив, полисемичны, биэмотивны, могут иметь нейтральную либо отрицательную полярность.

Хитрый пятый граф Невилл понял, что со счетами попал в глупое положение, и теперь делал вид, что это просто игра (Ю. Герман. «Дорогой мой человек»).

Уничижению подвергается не стремление извлечь сиюминутную выгоду. Пейоративная коннотация достигается за счет порицания глупых поступков, когда человек в своем стремлении теряет здравый смысл, элементарную логику и совершает опрометчивые поступки. Средства пейорации не задействованы в следующем примере [Картаслов.ру: URL: <https://kartaslov.ru>]:

Ужели они объяснились, и, писанные ею под влиянием раздражения на князя Лугового за слова, сказанные в Зиновьеве, одинаковые письма к князю и к графу Свиридову дошли до сведения их обоих. Это поставило бы ее в чрезвычайно глупое положение (Н.Э. Гейнце. «Дочь Великого Петра»).

Хотя полярность коннотации у фразеологизма осталась нейтральной, по смыслу он обозначает, что и обычные действия могут иметь негативные последствия.

Она считала, что он не оправдал ее надежд и поставил ее в глупое положение; он это чувствовал и смущался при встрече с ней (К.К. Вагинов. «Бамбочада»).

Значение фразеологизма меняется на *не выполнить ожидаемое, подводить*.

Пейоративная коннотация русского фразеологизма *как баран на новые ворота* направлена на уничтожение отсутствия мыслей и действий в ситуации,

когда они необходимы. Этимология связана с тем, что животное, привыкнув к виду старых ворот, считает его статичным, недвижимым. В его сознании нет места другим воротам, потому баран не может узнать свой дом, когда его ворота заменили на новые.

Посмотрит наш дикарь на эти пестрые кубы, цилиндры, конусы, вонзающиеся куда-то, на эту яркую желтую краску, вылупит глаза и дивится как баран на новые ворота (П.Н. Краснов. «От Двуглавого Орла к красному знамени»).

Я смотрю на него в недоумении и, решив, что он шутит, улыбаюсь. – Ты не улыбься и не смотри как баран на новые ворота. Тебе без дураков говорят, – заявляет Холин (В. Богомолов. «Иван»).

Но стоявший на брандспойте пожарный, напуганный моим криком, смотрел на меня как баран на новые ворота. (В. Запашный. «Риск. Борьба. Любовь») [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru>].

В аварском языке имеется устойчивое выражение-эквивалент *цIияб гьалдуялъухъ гьвала гIадин балагъизе* – *смотреть на новую калитку как комолый козел*. Однако оно не общераспространено. В свою очередь, имеются пейоративы с компонентом *гьвала* (комолый козел):

Рукъаль малъичIеб кечI къватIаль малъиларо. Гьедин цо рачI гьезейилан араб гьвала, лъльарги борчIун, бачIанилан рагIун букIана, – ян лъугIизабуна гьес жиндирго хабар. – Если дома не научился, то и на чужбине не уразумеешь. Также и комолый козел, ходил за хвостом, а вернулся без рогов, – завершал он свою речь (Р. ХIамзатов. «Дир Дагъистан»).

В аварском языке эквивалентом вышеуказанной русской ПФЕ *как баран на новые ворота* можно назвать *ахцарав чи гIадин* (от аварского *ахцан вукIине, ахцазавун чIезе* – остолбенеть, быть в изумлении, ошарашиться). В отличие от русской ПФЕ, обладающей одним семантическим смыслом, характеризующим глупость, аварский фразеологизм, будучи речевым

абстрактным пейоративом, полисемичен и вследствие этого биэмотивен. *Ахцарав чи гIадин* имеет значения:

1. быть в удивлении, изумлении:

ЯхI гьабизе кIвечIого, дица байбихIана гьес бачIараб кахтал балагьизе. Гьесул хIикмалъи бихьун ахцавазун чIана дун. – Не утерпев, я сел просматривать бумаги, которые он принес. Его мудрость меня изумила.

2. быть не в состоянии двигаться (в силу физической неспособности):

Серажудин цевеса тIерхьингун рокьове жаниве лъугьана ва Сакинатил жаназа бихьигун ахцан хутIана. – Серажудин все бежал и бежал вперед, пока наконец не ворвался внутрь дома, увидел труп Сакинат и замер (Г. ГьалбацIов. «Хьанхьра»).

3. остолбенеть, ошарашиться (в значении как баран на новые ворота).

Парипица гIемераб замана бана ахцарав чи гIадин гьелъухъ балагьун чIун, гьелдаса берал нахъе росизе гьукьун бугеб гIадин. – Арип, остолбенеv, смотрел на нее в течение долгого времени, как будто ему запрещалось отводить глаза (Г. ГьалбацIов. «Хьанхьра»).

Фразеологизм приобретает пейоративную коннотацию лишь в третьем примере, так как объект номинации долгое время не предпринимает каких-либо действий.

Интересным выглядит различие в функционировании фразеологизмов с компонентом сова в русском и аварском языках. В русском языке с учетом природных умений совы видеть в темноте, смотреть вокруг не двигаясь, а повернув лишь голову, она ассоциируется с мудростью, проницательностью, знаниями. В аварском же языке указанные умения толкуются как отклонения от нормы в худшую сторону, сова считается горевестником, ей приписывают несчастья (*рузил рагIад сверана – несчастье настигло, беда пришла* (букв. тень совы легла); *рузил рагIад сверараб къавутIа – дом, где несчастье царствует*). Аварский фразеологизм *беццаб руз гIадин* (слеп как сова), может обозначать фанфаронство, праздность мышления, выступать как индикатор мелкого ума:

ЧалгIаде ахIдолеб бецIаб руз гIадин, гьанже регIун вуго рагIи бицине – Как днем попусту кричащая сова, сейчас на досуге нашел время для своих разговоров (Чанка. «МестIерухъа ясалде»).

Глупость, тупость и непонимание в русской языковой картине мира часто ассоциируют с бараном – *туп (глуп) как баран, баранья голова, бараний взгляд*. Как показывают примеры, указанные пейоративы являются материальными моносемичными моноэмотивами:

Оба вы хорошо и делаете, что сговорчивы; но что касается до Грабшауфеля, то он, сколько я знаю, настоящий немец; то есть глуп, как баран... (В.Т. Нарезный. «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова»).

Уж если полез в серьезную беседу с людьми старше тебя и годами, и положением, то хоть знай, баранья голова, что ты сказать хочешь, и не мямли, не мычи, не вякай, а сыпь горохом (Ю.М. Нагибин. «Беглец»).

В ответ – ошарашенный бараний взгляд, как будто его огрели по голове сковородкой (Национальный корпус русского языка).

В аварском языке с компонентом «баран» практически отсутствуют пейоративы в связи с региональными особенностями. Баран является для мусульман-дагестанцев жертвенным животным, а его мясо раздают в качестве милостыни. Также в аграрной республике овцы являются важным источником мяса и иных продуктов питания. С глупостью и непониманием аварцы ассоциируют другое одомашненное животное – осла. А упрямство, которое в русском языке приписывают ослу, в аварском языке часто вербализуется пейоративами с компонентом «мул»: *мекъаб гIурцIен – упрямый мул* (человек с норвом), *гIорцIмал гIамал бугев – упрямый как мул* (нрав мула имеющий).

В аварском языке имеется большое количество уничижающих глупость пейоративов с компонентом *осел*, а также фразеологизмов, для которых указанная коннотация становится адгерентной.

Пейоратив *хАмил гИнзунив гІун ватарав* обозначает недогадливого, невежественного человека, недоучку, простофилю, недотепу (букв. в ухе осла выросший).

МузІрул хІикмалъана дир хІисабазда: мун хАмил гИнзунив гІун ватилила. – В горах мудрые люди живут, по моему мнению, ты же, в свою очередь, кажешься недотепой. (Р. ХІамзатов. «АнцІго томалде данде гъарурал асарал». Т. III).

Аварский пейоратив *хАмузда хъарпуз квине щиб лъалеб* (букв. откуда ослы знают, как есть арбуз) полисемичный билингвальный биэмотив, эквивалентный русской поговорке, *где нам, дуракам, чай пить*, которая не является языковым пейоративом, так как используется в качестве ироничного самоуничижения.

Бакъанимехалда гАгарлъи битІун, ГІусманица хъалим нахъе босана. Хъарпуз квине лъачІин хАмуздайилан, хІацІу къулчІейилан, къайи баччана. – После обеда, отправив родственников, Усман вернул обратно калым. Где ослам арбузы есть, только слюни глотать. Так и забрал всю утварь. (Р. ХІамзатов. «АнцІго томалде данде гъарурал асарал». Т. VII).

Этимология аварского пейоратива связана с тем, что осел не в состоянии попробовать арбуз, а может только глотать слюни, видя перед собой ягоду и не зная, что с ней делать. Чай же раньше стоил дорого и пить его могли только действительно богатые люди. Русский пейоратив является речевым, негативно-оценочная коннотация проявляется крайне редко, когда отсутствует элемент самоуничижения:

Были дворяне, ходившие по старой вере. Поговорка «где нам, дуракам, чай пить!» для некоторых семейств была совсем не шуткою, ибо многие из «диких бар», в самом деле, не умели еще обращаться с китайской травкою и угощение ею в чужих людях принимали, как мучительнейший экзамен и пытку (А.В. Амфитеатров. «Княжна»).

Самодурство, бездумное геройство, показные и при этом ограниченные стремления нашли отражение в аварских безэквивалентных пейоративах

хАмабагдадур, хАмабагдадурлѝ (букв. ослиный герой, ослиное геройство). Несмотря на моноэмотивность и в целом отрицательную полярность пейоратив полисемичен, так как выражает:

1. бездумное геройство:

Царуй бахАрчилѝ, хАмабагдадур, гѝб гурейдай гАдан гЕмер гАдаллѝ. – Мужество, от которого одно только название, ослиный герой – разве не наибольшая дурасть среди людей (Инхоса ГАли-хАжи. «Асарал»).

– *Дуцаго хал гѝбе цебе бекѝулеб букАраб росдал магѝл, гѝанже киГанасеб бекѝулеб бугебали.* – Кинан батаниги, мун щив чи дуца гѝб гѝкѝизе? – *Дунги гѝб росу бакѝульа вуго, хАмабагдадур, дудаги гѝб лѝaleb батила. Садакѝабиги рикѝун, гАдамазухѝа гѝаркѝалги ралагѝун, хАким вахѝиндал, мун вукАнарищ кАудияв чи.* – Ты погляди, сколько раньше село возделывало полей и садов, а сколько теперь? – Сколько бы ни было, ты кто, чтобы спрашивать это? – Я как бы из селения, ослиный герой, если не забыл. Думаешь пожертвования истратил, голоса избирателей собрал, и стал большим начальником? (Гѝудуллѝ. 2016. № 2).

2. самодурство;

Гѝединаб хАмабагдадурлѝиялѝин хадурккун ригѝналги риххулел, бесдалалги цАикАлунел, жамГияб паракѝалги тартадулеб. – Из-за этого бездумного упрямства потом распадаются браки, дети остаются без попечения родителей, повышается социальная напряженность (Х. Гѝизудинил. «Кѝасиги – афишал... Авартеатр...»).

Ахиралдаги гѝадинал чаГи бусурбаби кколищали гѝкѝулеб буго. Гѝел хАмабагдадуразда лѝазе ккола Дагѝистаналѝул Муфтѝий умматалѝул ургѝалида вугевлѝи, гѝединго БетАерги халкѝалѝул ургѝел гѝабизе тАмурав вукАн гѝаниве. – В конце концов задаешься вопросом – эти люди вообще мусульмане? Эти самодуры должны знать, как Дагестанский Муфтѝий находится в постоянных мыслях о своей умме, так и Глава республики

назначен, чтобы постоянно быть в думах о своем народе (М. Пумаров. «Циял «бахIарзал»).

Аварский материальный билингвальный пейоратив *xIамида кечI гIадин лъазе* имеет русский эквивалент как *свинья в апельсинах* и буквально переводится *разбираться как осел в стихах*. Грамматически и семантически эквиваленты сходны, объединены вокруг смысла «незнание». Оба характеризуются полисемией, биэмотивны, обладая негативной полярностью, могут нести и пейоративную коннотацию, так как в рамках контекста послания можно наблюдать снижение качественно-ценностной характеристики семантики пейоративной конструкции, в результате критического отношения говорящего к предмету отношения. Данное явление наблюдаем в следующем примере:

ТIад релъанхъизе жо батун гъечIицIа гъасда, жодода лъалеб рагIула английский мацI. – Валлагъ, лъим гIадин лъала! – Лъала ха, xIамида кечI гIадин лъала. – И нашли же над чем смеяться, будто сами разбираются в английском языке. – Валлах разбираюсь, знаю как свои пять пальцев! – Ну разбираешься, как осел в стихах разбираешься (М.М. Магомедханов. «Русско-аварский фразеологический словарь»).

Сходным семантическим значением обладает и русский пейоратив:

«Наш генералитет отличается дубовитостью и в проблемах экономики разбирается как свинья в апельсинах, госбезопасность – не лучше, а МВД – это импотенция в действии плюс тотальная коррумпированность снизу доверху» (И. Прусс. «Десятый»).

В футболе Митя разбирался как свинья в апельсинах, но трансляции заставлял себя смотреть регулярно, чтобы при случае ловко «подыграть» родственнику (А. Житков. «Кафедра»).

Вы уж, пожалуйста, Диодор Иванович, не слушайте ее, она в стихах понимает как свинья в апельсинах (А.И. Куприн. «Юнкера»).

Сопоставительный анализ аварских и русских пейоративных фразеологизмов концепта «Глупость» показал, что, несмотря на различие

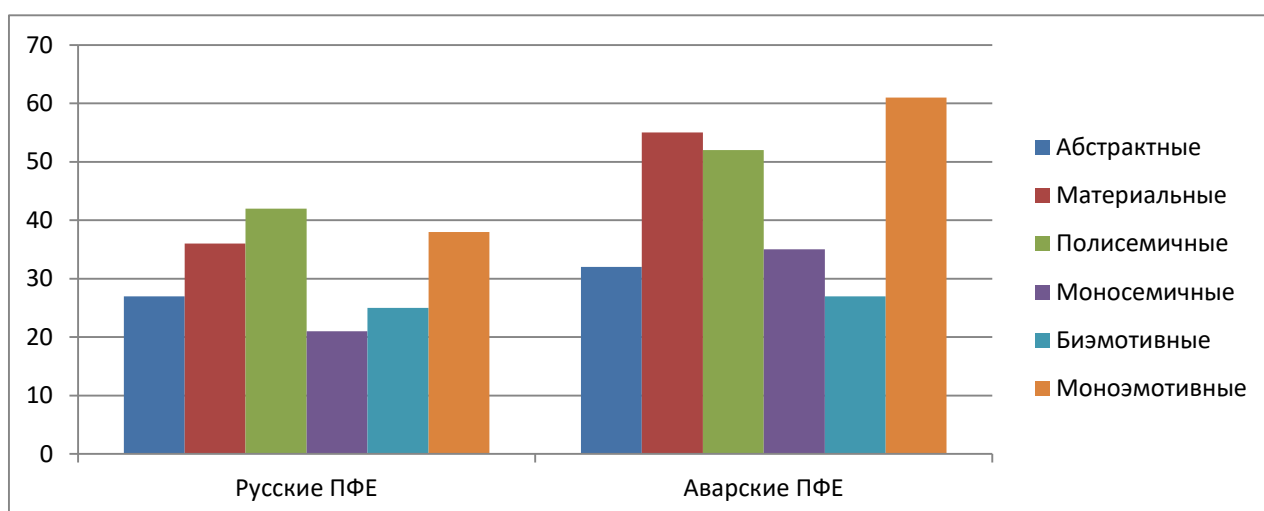
языковых картин мира, культуры и быта двух народностей, человеческая глупость нашла отражение как в одном языке, так и в другом. Большое количество пейоративов с компонентом *голова*, зоонимов, некоторые пейоративы имеют прямые эквиваленты, сходные семантически и грамматически, в отдельных случаях стилистически. Для аварских пейоративов характерно живое, наглядное демонстрирование пейорации, которое достигается путем проведения прямых аналогий с событиями, предметами, окружающим людей миром, чаще используются материальные пейоративы. В аварском языке глупость порицается остро, для аварцев важную роль играет дух единства народа – и качества, вредные для одного представителя социума, интерпретируются как вредные для всей нации (Махмудов, 2025, с. 45–55).

Количественное соотношение исследованных и выявленных абстрактных и материальных, полисемичных и моносемичных, биэмотивных и моноэмотивных пейоративов выглядит следующим образом.

Из 63 русских пейоративных выражений выявлено 27 абстрактных, 36 материальных. Полисемичными являются 42, моносемичными 21. Биэмотивных русских пейоративов 26, моноэмотивных 37.

Среди 87 аварских пейоративов нами было выявлено 32 абстрактных, материальных – 55, полисемичных ПФЕ – 52, моносемичных – 35, биэмотивных негативно-оценочных конструкций – 27, моноэмотивов – 60.

График 3.

2.4.4. Концептуализация лживости

Разумеется, такое порицаемое человеческое качество, как лживость, не могло не найти особого отражения в языковой картине мира обоих языков. Подтверждением тому служит достаточно большое (более 100) количество билингвальных пейоративов, характеризующих этот порок. Логично предположить, что это базовое качество, являющееся почвой для развития иных общественно порицаемых черт человека. Таким образом, нами были выявлены и отобраны фразеологические единицы, которые также параметризуют такие качества, как «Коварство», «Подхалимство», «Обман», «Мошенничество», «Лицемерие» и «Трусость», так как лживость лежит в основе этих пороков и является их причиной.

Таблица 11.

Полисемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. Знать как облупленного	1. ЦIакъго лъикI лъазе
2. Сводить с ума	2. Лъилниги бетIер сверизабизе 3. Хаган (гIажаиблъун, тамашалъун) хутIизавизе
3. Сходить с ума	4. БетIер гIадалъизе
4. Пускать пыль в глаза	5. Бер бухъине
5. Голову морочить	6. БетIер гIадал гъабизе
6. Выдумывать небылицы	7. Карцилъе наку барал жал рицине
7. Заметать следы	8. Лажбар бахине
8. Мутить воду	9. Лъим хIабургъинабизе
9. Оставить с носом	10. Махсароде кквезе
10. Ложное представление	11. Мекъаб бербалагъи
11. Сбивать с толку	12. Мекъи гъавизе
12. Делать из мухи слона	13. Могъода тIад гъоло лъезе
13. Сладкие речи	14. Нах бахараб хабар

14. Изменить слову	15. РагИи хилипльIZE
15. Подлое племя	16. Хиянатаб агьлу
16. Наводить тень на плетень	17. ХIарц багьарIZE
17. Красивые речи	18. Чараб хабар бицине
18. Жить под чужим именем	19. Чияр тIагьур лъезе
19. Сгуцать краски	20. ЧIахIа гьабIZE
Подхалимство	
20. Вцепиться как клещ	21. Хъабчил нацI гIадин
21. Как пиявка	22. Гуренж гIадин
22. Потакать, угождать	23. Гьабихье лым тIамIZE
Низость, отсутствие совести	
23. Сделка с совестью	24. Намус-яхI рехIZE
24. Смотреть сквозь пальцы	25. БихьичIеб ххвел гьабIZE
25. Потерявший совесть	26. Бахьи кьосарав
26. Холодный как лед	27. ГамачI лъугIине
27. Стыд потерявший	28. Нич тIагIарав
28. Как ни в чем не бывало	29. Расги гьечIеб гIадин
29. Без жалости в сердце	30. РахIму гьечIев
30. Без души	31. РекIеда гIундул гьечIев
Мошенничество	
31. На рыбьем меху	32. ЦIакьго тIеренаб
32. Умывать руки	33. Кверал рацIцIадго хутIIZE
33. Ходить вокруг да около	34. Бакка-бахьи гьабIZE 35. ХIакьикъат къватIибе загьир гьабунхутIIZE
Лицемерие	
34. Крокодиловы слезы	36. Ургьунго баккизабураб магIу
35. Мыльный пузырь	37. Сапнал полон гIадав чи вуго
36. Пышные речи	38. АхIул ишара

37. Как уж на сковородке	39. Борхица тІом гІадин
38. Надеть на лицо маску	40. Гьурмада кьехь ххезе
	41. Кьохьол гьумер букІине
39. Вести сладкие речи	42. КІалдибе гьоцІо тІезе
	43. МацІалда гьоцІо тІезе
	44. Рецц-бакь гьабизе
40. Хитрить как лиса	45. Царал махІ бугев
	46. Царалаб хІазе
41. Как умирающий лебедь	47. Чехь унтараб цер гІадин
Коварство	
42. Вставляют палки в колеса	48. Квешезего хІалтІизе
	49. Ургьунго квалквал (квекІен) гьабизе
43. Подливать масла в огонь	50. ЦІадабе нарт тІезе
44. Поднять на смех	51. ГІад-хочІ гьавизе
45. Подрубить под корень	52. КьучІдасанго хвезабизе
	53. Тубанго ярагьунареб хІалалде ккезавизе
	54. Жиндасаго хьул кьотІизабизе
46. Подрезать крылья	55. Ярагьунарев чи вугилан чІезабизе
	56. ГІебса вазе
47. Подвести под монастырь	57. Льиениги гвенд бухьизе
48. Рыть яму	58. Нухдаса таризавизе
49. Сбивать с пути	59. Квералги бохдулги рухьарал гІадин
50. Связать по рукам и ногам	60. ХІетІе цебе кквезе
51. Ставить подножку	61. ГІаййиб чІвазе
52. Ставить под удар	62. ЗахІматаб хІалалде ккезе
	63. Щиб гьабилебали льаларого хутІизе

	64. Щиб абилебали бицинебали, кинаб жаваб кьелебали лъалараго хутIизе
54. Стереть в порошок	65. ХIур гIадин гьабизе
55. Стоять над душой	66. АскIов чIун чIалгIинабизе
56. Пить кровь	67. Би цIуIулев
57. Как черт от ладана	68. Борохъ бихъараб чи гIадин
58. Как змея в траве	69. Борохъ гIадин
59. Расставить силки	70. Къор гъезе
60. Как тень	71. РагIад гIадин
61. Как лиса	72. Цер гIадин 73. Чанахъан гIадин
Трусость	
62. С глаз долой	74. Лъутун ине 75. Цевеса тIагIине 76. Нахъе хазабила
63. Поджечь хвост	77. Бер хIинкъизе 78. РачI къазе
64. И след простыл	79. ЛъалкI къосараб 80. ЛъалкI тIагIине 81. Нух босизе 82. Ракъалдаса тIерхине
65. Небо с овчинку показалось	83. РакI къвагъизе
66. Дрожать как лист	84. РакI сорозе 85. РакI тIезе
	86. Рокъо – бац, къватIи - гъанкI
67. Сидеть как мышка	87. ТIепун чIезе
68. Как птицы завидев ястреба	88. Хъарчигъа бихъда хIанчIазул тIел гIадин

69. Как осел на льду	89. Цертла хлама гладин
Бесхарактерность	
70. Заткнуть за пояс	
71. Дать прикурить	90. ЛъикIго воркъизе
72. Сотрясать воздух	91. Хухъел къезе
	92. Квасул гIарцI гIадав 93. КIалдибе бегъани килицI хIанчIуларев 94. МацIица чIварав
73. Сложь руки	95. Квераль кверги ккун чIезе
74. Повесить голову	96. РакI бакъвазе
75. Слабый характер	97. Чучаб рахъ

Таблица 12.

Моносемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. На лбу написано	1. Надалда хъван буго
2. На лице написано	2. Гъурмадасан загъирлъулеб буго
3. Строить из себя	3. Ххвелал гъаризе
4. Чепуха на постном масле	4. Щибго магIна гъечIеб чIанда
Мешок лжи	5. Гъерсил къвачIа
5. Пустые разговоры	6. Гъодорал рагIаби
6. Неприкрытая ложь	7. ГъицIаб гъереси
7. Гнусная ложь	8. ЛахIгIан чIегIераб гъереси
8. С камнем за пазухой	9. Лъороб гамачI лъун
9. Знает кошка, чье мясо съела	10. Махъа квараб кету гIадин
Неправильный взгляд	11. Мекъаб бербалагъи
10. Высосать из пальца	12. Мокърокъа босизе

11. Слова на ветер	13. Раѓи гьорое биччалеv
12. Лъстивые речи	14. Раќьандаса гус бихъизе
13. Кормить завтраками	15. Ханазул лъор џезабизе
Подхалимство	
14. Пристал как смола	16. Гиџилрукъи гладин рекун џезе
15. Как муха на мед	17. Гъаџлуда тлутI гладин
16. Как банный лист	18. НугI гладин
	19. НикIкI гладин рекун џезе
17. Потакать, угодничать	20. Гъабихъе лым тIамизе
Внутри извивающийся	21. Жанив женжедулев
18. Медвежья услуга	22. ХIажигIисал хъулухъ
Угодничающий тип	23. ХIелхIел чи
Натянуть улыбку	24. Ца бихъун кIалъазе
Низость, отсутствие совести	
Как кот, наевшийся курдюка	25. Мохмох квараб кету гладин
19. Пряча глаза	26. Нису квараб кету гладин
20. Бесстыжие глаза	27. Нич гъечIел берал
21. Воздаться сторицей	28. Нухде бараб тIехI гладин
Безнравственно	29. Пасат гъабизе
22. Как свора собак	30. Раќьарал хъурмаца хъорсол џе гладин
Без сердца	31. РаќI гъечIев
Почерневшее сердце	32. РаќI џегIерав
23. Завидовать черной завистью	33. РаќI џегIерлъизе
24. Коварный человек	34. РекIлаб квер
25. Случайный человек	35. ТIассан ккарав
26. Всеми правдами и неправдами	36. ХIакъабги тIекъабги џIван
27. Без зазрения совести	37. ХIилла-рекIкIаль мугъ барав

Кислые надежды	38. <i>ЦекIа хьулал</i>
Без сожаления	39. <i>ЦIоб тун</i>
28. <i>Черствое сердце</i>	40. <i>ЧегIераб ракI</i>
29. <i>Потерявший честь</i>	41. <i>ЯхI хабаль букъараб</i>
30. <i>Потерявший стыд</i>	42. <i>ЯхI хварав</i>
Мошенничество	
31. <i>Шито белыми нитками</i>	
Лицемерие	
32. <i>Дамоклов меч</i>	
33. <i>Кормить обещаниями</i>	43. <i>Божида рекIкIав</i>
34. <i>Заливаться соловьем</i>	44. <i>КIал бахьин</i>
Быть двуличным	45. <i>Къохьол гьумер букIине</i>
35. <i>Называть черное белым</i>	46. <i>КIалги бахьин гьабун, махьаги чIегIер гьабун</i>
36. <i>Двуликий Янус</i>	47. <i>КIуго гьумер бугев</i>
37. <i>Черная зависть</i>	48. <i>РекIель бараб хапара</i>
Коварство	
38. <i>Злые языки</i>	51. <i>ЦIамуда борохь базабулел мацIихъаби</i>
39. <i>Как на грех</i>	52. <i>Квещезего гIадин</i>
40. <i>Как назло</i>	
41. <i>Сесть на голову</i>	53. <i>Кьили чIвазе</i>
42. <i>Сесть на шею</i>	54. <i>ГорботIа рекIине</i>
43. <i>Стать поперек</i>	55. <i>Щокъроб ракъальун къазе</i>
44. <i>Стоять поперек горла</i>	
45. <i>Стать поперек дороги</i>	

46. <i>Стричь всех под одну гребенку</i>	56. <i>Цоцазда релъльинаризе</i>
47. <i>Злой умысел</i>	57. <i>Баянаб ачу</i>
48. <i>Строить каверзы</i>	58. <i>Нухде гъегъ базе</i> 59. <i>НухтIа заз базе</i>
49. <i>Действовать втихую</i>	60. <i>РикIкIадасан къвагъзе</i>
50. <i>Делать исподтишка</i>	61. <i>Хилаялгьул кIичI рехизе</i>
51. <i>Усыпить бдительность</i>	62. <i>Цодорлъи чучлъизе</i>
Трусость	
52. <i>Как крысы с тонущего коабля</i>	63. <i>Авлахъалде лгым биччараб мехаль гIункIкIал кинигин</i>
Как овца завидев волка	64. <i>БацI бихъидал цIцIе гIадин</i>
Как осел, оставленный для волка	65. <i>БацIие бухъараб хIама гIадин</i>
53. <i>Испугаться как девчонка</i>	66. <i>Къорица ккураб мокъокъ гIадин</i>
Дома – волк, на улице – заяц	67. <i>Рокъо – бац, къватIи – гъанкI</i>
54. <i>Упасть духом</i>	68. <i>ТеметIе дализе биччазе</i>
55. <i>Как в воду опущенный</i>	69. <i>Тпилица чIварав чи гIадин</i>
56. <i>Дать стрекача</i>	70. <i>Угъдул рихъизе</i> 71. <i>Хъабчил гIарада гъабизе</i>
Бабский характер	72. <i>Цуяб гIамал</i> 73. <i>Цуяб жо</i>
57. <i>Как вкопанный</i>	74. <i>Чанахъан вихъидал рохъил чан гIадин</i>
Бесхарактерность, малодушие, робость	
58. <i>Пятое колесо в телеге</i>	75. <i>Гъакил шуабилеб бер</i> 76. <i>Щибго хIажалгьи гъечIеб жо</i> 77. <i>Лъиениги къварагIунареб жо</i>

59. <i>Проглотить обиду</i>	78. <i>Бадиб чIвай кьулчIизе</i>
60. <i>Дойная корова</i>	79. <i>Къвали батулeб хур</i>
61. <i>Звезд с неба не хватает</i>	80. <i>КIалалда такъва гьечIев</i>
62. <i>Как флюгер</i>	81. <i>РакIчIей гьечIолъи</i>
63. <i>Плясать под чужую дудку</i>	82. <i>Чияр зурмихъе кьурдизе</i>
64. <i>Дать слабину</i>	83. <i>Чучараб рагIи бищине</i>

Концепт «Лживость» представлен значительным корпусом пейоративов аварского и русского языков, характеризующихся несколько более высокой степенью билингвальности.

Такой абстрактный аварский пейоратив, как *гьодорал рагIаби* (букв. *пустые разговоры*), является полисемичным билингвальным моноэмотивом, который может обозначать:

1. разговоры, содержащие ложь, обман, неправду:

Гиналъ къабул гьабулареб, гьодораб рагIи бищунге, бищунаго цадахъ велъун, лъикIаб хабар хвезабуге. – Если тебе самому не по душе, не говори лживых речей, если ведешь хороший разговор, не порть его смехом (Г. Цадаса. «ГIумруялъул дарсал»).

Гьодорал харбаца халкъги нухда лъун, алатго инаро рекIараб чода. – Лживыми речами направили людей по тернистому пути, а сами думают пройти его, сидя на скакуне. (Инхоса ГIали-хIажи. «Асарал»).

Отрицательная полярность фразеологизма определяется семантическим смыслом неодобрения «вводить в заблуждение».

Жакъа ГIумарица ГIали какана, ГIумар витIаравлъун дуца рикIкIана. Бегьилиш гьедигIан гьурмахъ балагьук гьодорал рагIаби рищине дуца? – Сегодня Умар очернил Али, а ты посчитал, что Умар поступил правильно. Как можно так, глядя в лицо, вести лживые речи? (Н. Абигасанов. «Лъабгьумер»).

Семантика уничижения и порицания приобретает под влиянием контекста согласия и одобрения лжи и неправды.

2. пустые, никчемные речи, болтовня, трепать языком.

Гьединаб чIамучIаб, чIобогояб, гьодораб, нахъегIанаб къавмалъул хIакъалъулъ гьадинал рагIаби нахъе тана авар адабияталъул классик Инхоса ГIали-хIажияс: «Чурун больон бацIцIунаро, гохIда гьабун хIор чIоларо, къан хIамил рачIчI букIунаро». – Эти нудные, свойственные низким людям лживые разговоры порицал классик аварской литературы Али-Хаджи из Инхо в своих произведениях: «Свинью сколько ни мой, останется свиньей, не забудет на холме родник, сколько его ни строй, сколько ни наряжай, не станет осел конем». (Х. Гизудинил. «Чурун больон бацIцIунаро»).

ХIежалъул кампаниялда сверухъги ДУМДалъул ратула гIайибалги гIунгутIабиги, амма цониги улкаялда гьечIо хIежалъул кампания ДУМДаль гIадин захIмат бихъун, учузго, бацIцIадго тIибитIулеб - гьал руго беразда цере ругел хIужаби, амма ДУМДалде гамчIал рехулезул гIемерисел рагIабийин абун, доба гIанкI гьаниб цер бугилан абиялда релъгIарал гьодорал рагIаби руго. – Разумеется, ДУМД при отправке паломников допускает некоторые ошибки, недочеты, однако в республике никто так не проводит хадж-кампанию, как ДУМД – это общеизвестный факт, но те, кто кидает камни в их сторону, в основном треплют языком и ведут никчемные разговоры (ХIакъикъат. 2006. 28.10).

Как видно из примера, объект пейорации в данном контексте подвергается уничижению за лишнюю оснований критику позиции Духовного управления мусульман Дагестана, которое берет на себя определенные обязательства. Автор считает, что необходимо взвесить все аргументы и уже затем давать оценку работе управления.

В примере задействован другой аварский пейоративный фразеологизм *доба гIанкI гьаниб цер бугилан абиял*, семантическое ядро которого объединено вокруг смысла *рассказни*, его можно назвать билингвом, так как ему по смыслу близки русские пейоративы *выдумывать небылицы*,

рассказывать басни. Этимология аварского пейоратива следует из дословного перевода – *тут зайца видел, там лису заметил.* В высокогорных аварских селах жители искали пропитание также при помощи охоты на дичь, диких зверей. Охотнику прийти ни с чем было не с руки, поэтому он вел разговоры, уводящие от прямого ответа, мол, видал зайца, заметил лису и тому подобное. В дальнейшем это закрепилось в языковой картине мира и распространилось на людей, ведущих разговоры на отвлеченные темы, уходя от прямого ответа.

Нильер Гадамазе цАкъ бокбула дагІбадизе. ХІатта гъаниб гІанкІ бугин цоял, гурин, доба цер бугин цогидал бетІер бекун дагІбадула. – Наших хлебом не корми, дай по дискутировать. Там заяц был, тут лиса пробежала, – спорят пока головы не треснут (М. МахІатІов. «Фейсбукалдаса босараб»).

Гъезул «гъаниб гІанкІ буго, доба цер буго» абураб хабарги чІалгІун бугин, хІалтІулаго беккулеб тракторги, «унтулев» трактористги ругин абун, жидер гъабизе жо гъечІин, гъезда бажарулеб батичІони, нухал цІуна-къан чІезаризе, нухги гъельие харж гъабизе кколеб гІарцул сурсатги жидехъе къеян... – Их небылицы про «там заяц был, тут лиса была» уже надоели, то трактор у них сломался, то сам тракторист заболел, если не могут держать дорогу в исправном состоянии, пусть отдают обратно выделяемые средства и материалы (Цумадисезул гъаракъ. 2017. № 40).

В отличие от аварского пейоратива, русские являются моносемичными моноэмотивами отрицательной полярности:

На собраниях и заседаниях он делает трагически скорбное лицо, говорит лживые речи, клянется с пафосом в верности Ленину (Б.Г. Бажанов. «Воспоминания бывшего секретаря Сталина»).

Право, наши светские красавицы не стоят ее мизинца; а как подумаешь, сколько за их пустые разговоры я истратил безвозвратно времени, забот и денег! (В.А. Соллогуб. «Аптекарьша»).

В обоих языках иногда употребляются несколько пейоративов для усиления уничижения, в данном случае – *не стоит и мизинца.*

Такой Председатель не может более оставаться на месте, он более не Царский слуга, а слуга всех, кому только угодно выдумывать небылицы на Царскую власть и вмешиваться в домашнюю жизнь Царской семьи (В.Н. Коковцов. «Из моего прошлого»).

Вот кто говорит правду, – возразил Вельяминов, обратившись к своим гостям, – а господин сотник приехал рассказывать басни (Ф.Ф. Торнау. «Воспоминания кавказского офицера»).

Аварский пейоратив *бер бухьине* (букв. *повязывать глаза*) является полисемичным моноэмотивом и семантически близок по смыслу русским пейоративам *пускать пыль в глаза, втирать очки*.

Дагъистаналда ккарал гьединал кьвагъагІанхъиялги чІвай-хъвевялги – гІицІго кІиго-лъабго хІужа гурони – теракталъун рикІкІун гьечІо документазда. Жидеца кутакалда гІадлу-низам чІезабубеб бугилан гІадамазул бер бухьине мурадалда тІадчагІаз ургъунго гъабубеб буго гьедин. – Перестрелки, убийства и кровопролития официально редко квалифицируются в Дагестане как теракты. Это делается руководством умышленно, чтобы пускать народу пыль в глаза про закон и порядок (А. Юсупов. «Терактал бальго гъариялъ инвесторал рачІинадай нилъехъе?»).

Миллиял проектал – мигъал ишазул харбал. Халкъалъул бер бухьине бадибе биччалеб кІкІуй, сапнал полон гІадинал политикаял хІаял. – Нацпроекты – это несерьезные разговоры. Пыль, которую пускают народу в глаза, мыльный пузырь, как и вся политика (А.М. ГъитІиномухІамадов. «Анищазул куркъбал»).

Русские пейоративы характеризуются биэмотивностью и полисемией, могут иметь и нейтральную полярность, как видно из следующих примеров:

1. врать (отрицательная полярность, пейоративная коннотация):

Петрушка пустил Григорию пыль в глаза тем, что он бывал в Костроме, Ярославле, Нижнем и даже в Москве; Григорий же осадил его сразу Петербургом, в котором Петрушка не был (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»).

2. лукавить (нейтральная полярность, оценочность отсутствует):

Тургенев жил более жизнью открытою и внешнею; хотя и он (грех таить нечего) любил иногда пускать пыль в глаза, но ничего не было в нем подготовленного, заранее придуманного (П.А. Вяземский. «Старая записная книжка»).

В некоторых случаях могут, помимо негативной оценочности, приобретать и положительную:

Это был известный режиссер, осатаневший от успеха своей деятельности, не стоящей гроша ломаного и возникшей только в результате проявленного им умения втирать очки, подлец, да просто столб, я бы сказал, столб в шубе (Ю.К. Олеша. «Книга прощания»).

В то время европейские интеллектуалы тоже попадались на эту удочку: умел «втирать очки» Сталин (Николай Амосов. «Голоса времен»).

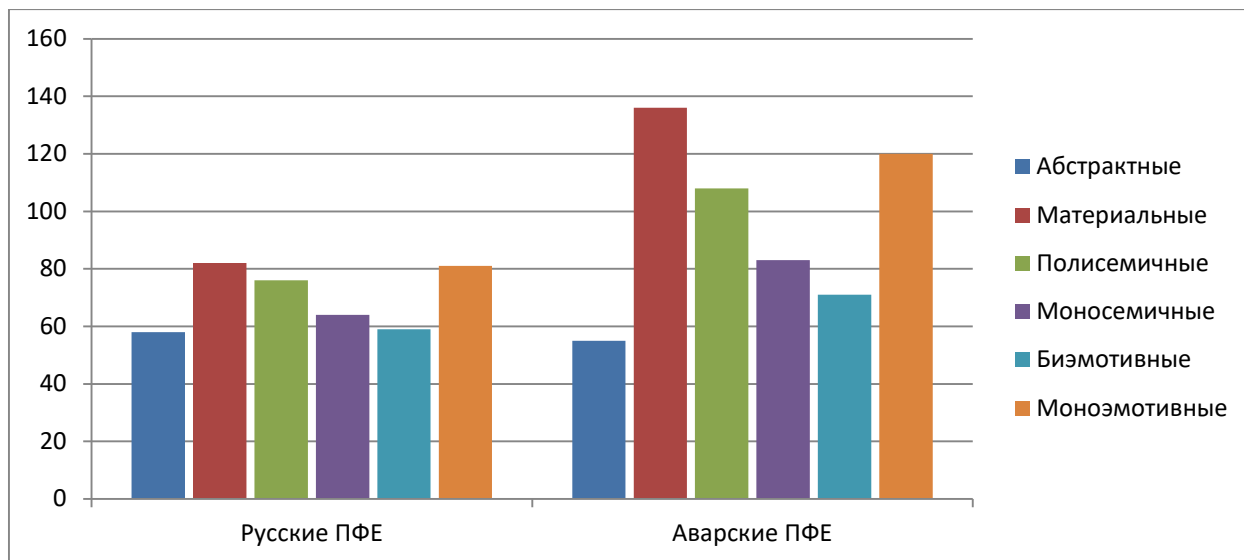
Сопоставительный анализ аварских и русских ПФЕ выявил их большую распространенность в обоих языках. Данный факт обусловлен тем, что лживость является наиболее распространенным и одним из самых порицаемых качеств, присущих человеку. Также она является первопричиной таких производных микроконцептов, как «лицемерие», «подхалимство», «коварство». В аварском и русском языках также было выявлено некоторое количество единиц, которые можно объединить общим семантическим смыслом «низость», «отсутствие совести». Особенно стоит отметить сходность в порицании этого порока в обоих языках и культурах.

Русских пейоративных фразеологических конструкций нами было выявлено 138, аварских – 189. В корпус аварских ПФЕ также были включены некоторые синонимичные и безэквивалентные фразеологические пейоративные единицы.

Из русских пейоративных фразеологизмов абстрактных нами было выявлено 58 единиц, материальных – 80, полисемичных – 76, моносемичных – 62, биэмотивных – 59, моноэмотивных – 81.

Из аварских пейоративов абстрактных выявлено 54, материальных – 125, полисемичных – 96, моносемичных – 83, биэмотивных – 68, моноэмотивных – 113. Далее приведен график распределения пейоративов по категориям:

График 4.

2.3.5. Концептуализация ненасытности

В данный корпус ПФЕ мы включили единицы, характеризующие такие качества, как жадность, алчность, разврат, чревоугодие, алкоголизм, курение и прочие, которые объединены общим семантическим смыслом «ненасытность». Нами было отобрано более 60 билингвальных фразеологических единиц, удовлетворяющих данному концепту.

Таблица 13.

Полисемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. Далеко зайти	1. Зани бегизе
2. Перегнуть палку	
3. Перейти всякие границы	

4. <i>Выйти из рамок приличия</i>	
5. <i>Выжимать соки</i>	2. <i>Гякьуба кьезе</i>
6. <i>Пустить по миру</i>	
7. <i>Руки чешутся</i>	3. <i>Гъира букӀине</i>
8. <i>У разбитого корыта</i>	4. <i>Къеда мугъги цун, къваридго хутӀизе</i>
9. <i>Прийти в ярость</i>	5. <i>Бер хъагӀизе</i>
10. <i>Несолоно хлебавши</i>	6. <i>Гъабихъа хъанда гӀадин</i>
	7. <i>Гечуде аралъуса Хважса гӀадин</i>
11. <i>Зимой снега не выпросишь</i>	8. <i>Квер мукъсанав</i>
	9. <i>Мукъсанав чи</i>
12. <i>Сказочно разбогатеть</i>	10. <i>Давла гъабизе</i>
13. <i>Пресыщенный жизнью</i>	11. <i>Дуниял кварав</i>
14. <i>Присваивать чужой труд</i>	12. <i>Чияр гъин кваназе</i>
15. <i>Загрести жар чужими руками</i>	13. <i>Чияр цӀадухъ рекӀине</i>
16. <i>Прибрать к рукам</i>	14. <i>Хъатихъе бачине</i>
17. <i>Голодный как волк (собака)</i>	15. <i>Чахъдахъ бацӀал гӀадин</i>
18. <i>Загрести жар чужими руками</i>	16. <i>Чияр цӀадухъ рекӀине</i>
19. <i>Любыми путями</i>	17. <i>Щиб нух батунги</i>
Разврат	
20. <i>Вешаться на шею</i>	18. <i>Лъилниги горбода хурхине</i>
Чревоугодие	
	19. <i>Гама гӀадин</i>
	20. <i>Оц гӀадав</i>
	21. <i>Гъанал михир гӀадин</i>
Алкоголизм, курение	
21. <i>Лыка не вяжет</i>	22. <i>НацӀ кӀотинедухъ мехтизе</i>
	23. <i>СунтӀ лъугъун мехтизе</i>
22. <i>Зеленый змий</i>	24. <i>ХъахӀаб чу</i>

23. <i>Пьяный-распьяный</i>	25. <i>Гъекъон-мехтун</i>
Воровство	
24. <i>Поймать с поличным</i>	22. <i>Тад кквезе</i>

Таблица 14.

Моносемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
1. <i>Семь шкур содрать</i>	
2. <i>Рыльце в пушку</i>	1. <i>Живоги ваццIадав гъечIесул</i> 2. <i>Пахъаллъи бугельул</i>
3. <i>С жиру беситься</i>	3. <i>БогЮца мехтизе</i> 4. <i>Бечельиялъ цулъизе</i>
4. <i>Как стервятники над падалью</i>	5. <i>Балканалде тIад гъаби Iадин</i>
5. <i>Завидовать черной завистью</i>	6. <i>Бер чIегIерлъизе</i>
6. <i>Не от души</i>	7. <i>Бесдал яс росасе къолел Iадин</i>
7. <i>Волчий аппетит</i>	8. <i>БоццIуца гIорцIичIев</i>
8. <i>С голодного краю</i>	9. <i>ГIорцIи гъечIеб бер</i>
9. <i>Как в масле сыр кататься</i>	10. <i>Мохмохида нах бахине</i>
10. <i>Грести под себя</i>	11. <i>Хъатихъе бачине</i>
11. <i>Руки загребущие</i>	
12. <i>Жадные руки</i>	
13. <i>Как овцы на соль</i>	12. <i>ЦIамуде гIи Iадин</i>
14. <i>Как саврас без узды</i>	13. <i>Рухъен тIун биччараб гъве Iадин</i>
15. <i>Золотая молодежь</i>	14. <i>Квель бахъун виччарав чи</i>
16. <i>За копейку удавится</i>	15. <i>Чвантаялда кIулал рарав</i>
Разврат	
17. <i>Запретный плод</i>	16. <i>Гъукъараб пихъ</i>
Чревоугодие	
18. <i>Растить брюхо</i>	17. <i>БогIол гъодори</i>

19. <i>Набивать пузо</i>	
20. <i>Толстый как бегемот</i>	18. <i>Тину гьеч</i> <i>Чехь</i>
21. <i>Отъест харю</i>	
22. <i>Наестся до отвала</i>	19. <i>Чехь бихъизег</i> <i>Іан кваназе</i>
Алкоголизм, курение	
23. <i>Напиться до чертиков</i>	20. <i>Кутакалда мехтун вуго</i>
24. <i>Напиться в стельку</i>	
25. <i>Пристраститься к спиртному</i>	21. <i>Гьекъел гьунлъизе</i>
26. <i>Беспробудный пьяница</i>	22. <i>Гъаракъи чехь</i>
27. <i>Накурить тучу дыма</i>	23. <i>КІкІудул накІкІ лъугъине</i>
28. <i>Напиться вусмерть</i>	24. <i>СакІ гІадин мехтизе</i>
29. <i>Шумная попойка</i>	25. <i>Кеп чекулев чи</i>
30. <i>Большая попойка</i>	26. <i>СахІул гьекъел</i>
31. <i>Напиться как сапожник</i>	27. <i>ЦіцІани магъарде рахине</i>
32. <i>Напиться в дымину</i>	28. <i>ЧагІдал гІорто рекІине</i>
33. <i>Не враг бутылки</i>	29. <i>Шишадал гьалмагъ</i>
Воровство	
34. <i>Схватить за руку</i>	30. <i>ЦогъотІа ккезе</i>
35. <i>По горячим следам</i>	31. <i>Бикъулаго тІадкквезе</i>
36. <i>На воре шапка горит</i>	
37. <i>Вор в законе</i>	
38. <i>Воровская малина</i>	
Как волчонок, поймавший ягненка	37. <i>КъегІер кІалдиб ккураб бацІул тІинчІ гІадин лъутизе</i>

Как в целом видно из отобранных для исследования пейоративов, концептообразующий смысл сводится к тому, что объект уничижения, не удовлетворившись малым либо достаточным, проявил стремление к лишнему

и чрезмерному. Именно то, что объект желает вещи, без которых в принципе может обойтись и избыточность которых не вызывает у социума сомнений, при этом создавая неудобства окружающим, вызывает резкое осуждение и неприятие общества.

Русский билингвальный биэмотивный пейоратив *выжимать все соки* может употребляться не только с негативно-оценочной коннотацией, но также иметь и нейтральную и даже положительную полярность:

Американские плантаторы XIX века верили в прогресс, и поэтому старались без конца умножать свое богатство, и для этого выжимали все соки из своих негров (М.Л. Гаспаров. «Занимательная Греция»).

Это, конечно, плохо согласуется с устоявшимся представлением об Османской империи как о чудовищном монстре, высасывающем все соки из несчастных подданных (К. Галеев. «Азиатский деспотизм – что это такое?»).

Благодаря изменению системы двойного турбонаддува, а также перенастроив впрыск вкупе с системой регулировки клапанов и с помощью новой системы выпуска инженеры выжали из двигателя все соки (РБК. 2010. 29.12.).

Помимо семантики жестокого эксплуатирования людей, доведения их до крайности в сегодняшнее технологичное время пейоратив приобретает новое значение (повышение эффективности) и нейтральную полярность.

В аварском языке имеется эквивалент *Глакъуба къезе*, близкий по значению русскому пейоративу:

Гъанже хлехъезего кЮларого лъугъуна эмен ва кинабго тухум-къибил, щайила лъималазе Глакъуба къолеб, сверабиги рахъизарун, бетІер сверизабулеб бугила васасул, гъанже кинабгоги нужеца кЮчон тезабун, кинилан эс экзамен къолеб, хвезабунила жидер васасул Глумру. – Затем родители и родственники начинают выть – почему из наших детей выжимаете все соки, у детей уже голова кругом, из-за вас все забыли, как теперь экзамен сдать, испортили нашему ребенку всю жизнь (Б. МухИдинова. «РачІа ликбезал рагъизе»).

Амма жиндаго тIад рекIине толарого, гIемераб гIакъуба къуна Хъайтмазие устарасул чоца... Квешго ццинги бахъун, чодуе гIакъуба къезе байбихъана Хъайтмазица. – Но своим норовом лошадь наставника изрядно потрепала нервы Кайтмазу. Разозлившись, Кайтмаз стал сам выжимать из нее все соки (Х. Аргъваниса. «Саййид ГПободиясул халапа»).

В целом же аварский пейоратив семантически соответствует смыслу «мучить, причинять страдания»:

Гъединал гIадамаз халкъалда цере рахъун, цоцаль къец бан, бусурбабазе гIакъуба къезе буго... Нужсеца гъелдасаги цIодорлъи гъабе!.. – Такие люди будут вставать на пути у нашего народа, будут сеять раздоры среди людей и в конце концов замучают всех нас. Вы берегитесь их! (М. ХIасанов. «Сайгид ГПободияв»).

В аварском языке имеется большое количество материальных пейоративов-соматизмов с компонентом *чIегIераб* (черный).

РакI чIегIерлъун гIадамазул, щай абуни гъей берцин йикIун, цогидал сурун рукIун. – Ну и пусть завидуют своей черной завистью, только зачем говорить, что она одна красавица, а все остальные позорницы («БухIаяб дуниял!»).

Рахчана чIахIиял тIелхаца берал, вачана чIегIераб ракъаль гъав жанив. – Спрятав глаза за густыми ресницами, ведомый черной завистью, вошел он внутрь. (Р. ХIамзатов. «АнцIго томалде данде гъарурал асарал». Т. VII).

Схожее функционирование демонстрируют и русские эквиваленты:

Он чувствовал собственную бездарность. Завидовал черной завистью. И мстил – доносами. (В.П. Стеценко. «Из воспоминаний о Леонове»).

А все его компатриоты ходят вокруг книг, как коты вокруг сала, и завидуют черной завистью (Ю. Даниэль. «Я все сбиваюсь на литературу. Письма из заключения»).

Однако в русском языке, в отличие от аварского, есть фразеологизм *белая зависть*, употребляемый в нейтральном контексте:

Доценко всегда с белой завистью наблюдал за работой своих коллег, которые проработали в розыске намного дольше него самого и которые частенько произносили заветные слова: «Мой человечек шепнул» (А. Маринина. «Иллюзия греха»).

Скупость, жадность в аварском языке порицается материальными полисемичными билингвальными фразеологизмами *квер мукъсанав, мукъсанав чи*.

Суслов вукІана мукъсанав чи ва ракІ бекарав консерватор. Гъес вачІинахъего абунa жакъа Дагъистаналъе имам Шамилидаса цІикІкІун рольги, гъангун хІанги хІажат буго. – Суслов был скупой человек и ограниченный консерватор. Он сразу отрезал, что сегодня для Дагестана, чем имам Шамиль, важнее зерно, мясо и сыр (М. БисавгІалиев. «Расул, «Дир Дагъистан» ва Сусловгун «пятилетка»).

Унгоха ниль ругел гъедигІан пикру мукъсанал чагІи, кинабалиго сураталъги, гъелда гъоркъ лъураб лайкалъги чиясул даража борхулин абураб жоялда божулел чагІийицха ниль? – Мы стали такими скудоумными, что оцениваем человека по количеству лайков на его фото (Б. МухІидинова. «Авлахъал тун, мугІрузде рахъунел магІарулал...»).

Русский эквивалентный пейоратив *зимой снега не выпросишь*, напротив, моносемичен и моноэмотивен [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru>]:

Она узнавала прежнего Корнилу, у которого, говорили, зимой снега не выпросишь (В. Быков. «Знак беды»).

У испанцев зимой снега не выпросишь. Разве что высоко в горах. Вместо снега в Барселоне нам предложили нечто лучшее (Д. Гронский. «Снегурочка»).

Аварский полисемичный пейоратив *чияр гъин кваназе* (букв. чужой труд есть) семантически близок к таким русским фразеологизмам, как *присваивать чужой труд, загребать жар чужими руками, перекладывать на чужие плечи*:

1. отнимать чужой труд:

Цогидаз абуна дибирги какун вугин гІанхвараги какун бугин. Гьел кІиялго ругин чияр гьин кунел мунапикъалан. – Другие говорят – там что дибир, что хомяк, обоих надо ругать. Якобы оба они лицемеры, загребающие жар чужими руками (Г. Цадаса. «Мудрость»).

Данный пример восходит к фрагменту «Дибир и хомяк» произведения «Мудрость» Гамзата Цадасы, в котором сельский дибир винит хомяка в уничтожении своих посевов, в свою очередь хомяк ругает дибира за то, что тот обирает односельчан.

Кинабго махшел буссинабун буго гьесул чияр гьийин кунел бацІилаб гІамал рагьизе. – Все свои усилия он направил на то, чтобы показать, как он отнимает чужой труд своим волчьим нравом (Г. Цадаса. «Мудрость»).

2. наживаться на людях.

Нилъеда цебе чІола цоцазде данде кьеркьолел кІиго лагерь – чияр гьийин кваналел бечедал гІадамазул ва жидерго намус ва ихтиярарл цІунун кьеркьезе лъугьарал мискинал рекьарухъабазул. – Перед нами две противоборствующие группы – наживающиеся на людях богачи и простые крестьяне, живущие по совести и закону (М.-Р. Усахов. «Авар адабият»).

Гьес гьел кучІдузуль кьватІир чІвазарулел руго чияр гьин кваналел бечедал, мискинзаби гуккулел будун-дибирзаби, нигІмат исрап гьабулел, мехтун гІадаллъулел. – В песнях он высмеивает наживающихся на людях богачей, обманывающих бедолаг служителей мечети, просаживающих имущество расточителей, до беспамятства пьянствующих алкоголиков. («Росдал захІматчи». 2012. 28.02.).

Данный пример употребления интересен тем, что автор относит объекты номинации к одной группе людей, объединенных общим порицаемым качеством – ненасытностью, отсутствием чувства меры.

3. выезжать на чужих плечах.

Гъез гъел ругъун гъарулел руго чияр гъин кваназеге херлъун хадурги эбел-инсул горбода рукӀнеги. – Их приучают всегда выезжать на чужих плечах, а повзрослев, сидеть на шее у родителей (Гъудуллѳи. 2014. 8 авг.).

В отличие от аварского пейоратива, обладающего широким спектром значений, русские пейоративы демонстрируют моносемию.

Им, привыкшим загребать жар чужими руками, вдруг пришлось принимать решения оперативно и во многом самостоятельно (К. Серафимов. «Армения – записки спасателя»).

Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками. (И.В. Сталин. «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)...»).

В следующих примерах наблюдаем употребление русского пейоратива в контексте наживания, обогащения за счет других, сходном с аварским.

Дело не в том, что он загребал жар чужими руками и нажил большое состояние трудами даровитых и убежденных сотрудников, доживших или доживающих свой век почти в нищете (Н.К. Михайловский. «Литературные воспоминания»).

*Надменный в мелочах Граббе по свойству был непроходимо ленив, по природе, обработанной плохим воспитанием и слабым образованием, он проводил жизнь в совершенном *far niente*, мастерски загребая жар чужими руками, бессовестно шарлатаня, и чрез это его управление отличалось наглым лихоимством и вопиющими злоупотреблениями его подчиненных (В.С. Толстой. «Биографии разных лиц...»).*

Аварский полисемичный пейоратив *гъекъон-мехтун* (букв. выпив-захмелев) семантически обозначает человека, который уже «дошел до кондиции». Русские пейоративы в *нетрезвом состоянии, до беспамятства* близки ему по семантике.

Бищунго цӀикӀкӀараб зарал ккола гъекъон-мехтун машина бачиналъ. Гъедин вукӀаго машина бачунев чи ккола такъсирчи. Чан хӀужса ккараб

сапаралда, гъекъон машина бачун, авариял ккун, гIадамал хварал ва лъукъарал. – Наибольшее наказание предусмотрено за вождение в нетрезвом виде. Такое действие может расцениваться как преступление, поскольку пьяная езда является причиной очень многих человеческих смертей и увечий (С. ХIажиев. «Мехтарав чи рулалда нахъа – чIвадарухъан»).

ГIабдулатIиповасул заманалда хъулухъаздаса бахъана ва туснахъалъубе битIана би гъекъон мехтараб чанги кIихIатIилаб жанавар. – В абдулатиповское время множество двуногих животных, до беспамьятства пивших чужую кровь, сняли с насиженных мест и загнали в тюрьму. (Х. Пизудинил. «Зулмуялъул цIаялъ залим вухIула»).

Цогидаб магIнаялда рекъон, мажорин абула бечедал эбел-инсуца хъихъарав, гIарцуца мехтарав, бокъухъе гIумру тIамулев гIолохъанчиясда. – Также мажором называют разбалованного богатыми родителями, опьяневшего от вкуса денег, ведущего себя как вздумается молодого человека. (М. БисавгIалиев. «Инжитлъиялъе лъураб памятник»).

Русский пейоратив *в нетрезвом виде (состоянии)* перешел в речевое употребление из оперативных сводок органов внутренних дел, чем объясняется его биэмотивность, а также употребление только в отношении алкоголя.

22 февраля потомственный почетный гражданин И.А. Манташев, будучи в нетрезвом виде, в кабинете ресторана «Метрополь», около 11 часов вечера вышел в общий зал, где произвел шум, у одного из посетителей-офицеров выхватил шашку и стал ею размахивать («Скандал в ресторане «Метрополь»»).

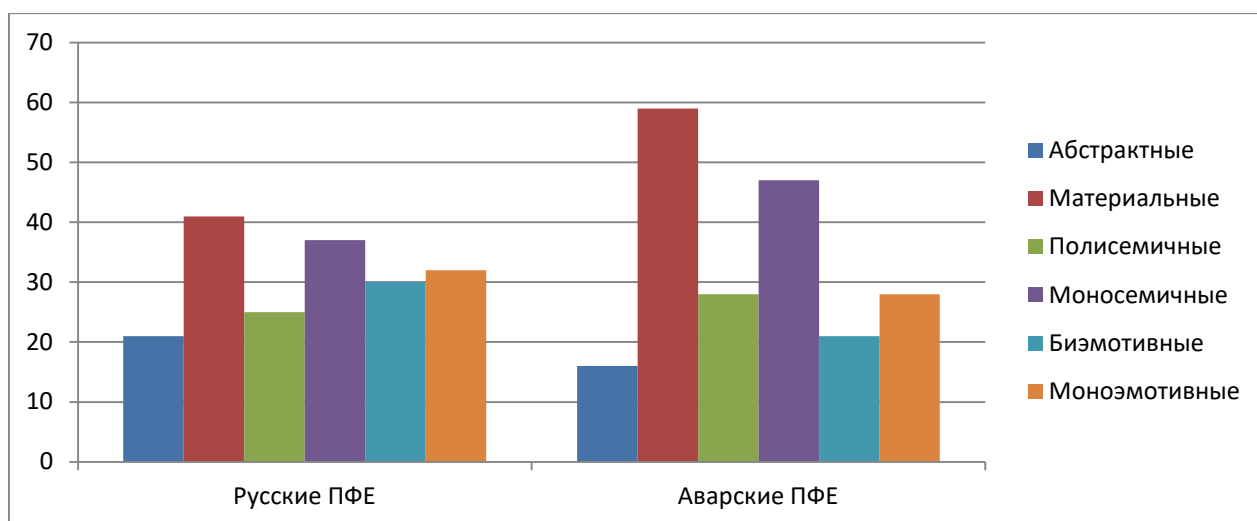
Пейоративная коннотация приобретается ввиду синергетики текста:

У него был старший сын страшный кутила, который всю свою молодость в Москве провел между цыганами и цыганками; он находился постоянно в нетрезвом виде и преждевременно умер (С.Ю. Витте. «Воспоминания»).

Уж куда далеко ходить, когда даже наш бригадир товарищ Талдыкин проявил нетоварищеское отношение к женщине, а именно на Иванов день, находясь в нетрезвом состоянии, ударил жену оглоблей (В.Н. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»).

В ходе анализа нами было выявлено 62 русских и 59 аварских ПФЕ. Приведем график распределения по категориям:

График 5.

Из 62 русских пейоративных фразеологизмов абстрактных выявлено 17, материальных – 45, полисемичных – 24, моносемичных – 38, биэмотивных – 30, моноэмотивных – 32.

Из 59 аварских пейоративов абстрактных выявлено 11, материальных – 48, полисемичных – 19, моносемичных – 40, биэмотивных – 21, моноэмотивных – 38. Интересную тенденцию демонстрируют субконцепты «Разврат», «Чревоугодие», «Алкоголизм», «Воровство» – в отличие от общего корпуса ПФЕ, они представлены преимущественно материальными фразеологизмами с низкой полисемией, при этом относительно высоким уровнем биэмотивности.

2.4.6. Концептуализация невоспитанности

Этот корпус пейоративных фразеологизмов объединил в нашем исследовании более 120 аварских и русских единиц, удовлетворяющих

концепту «Невоспитанность». Данные ПФЕ в основном характеризуют такие качества человека, как необразованность, грубоватость, неотесанность, склонность к бессодержательным разговорам и пустословие.

Таблица 15.

Полисемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
Невоспитанность	
1. Гнусный тип	1. КъваригЕлгъечЕлеб чи
2. Персона нон грата	
3. Упрям как мул (как осел)	2. ГурцІмал гІамал
4. С задними мыслями	3. Илбис гъабизе
5. Как у себя дома	4. Инсул рокъов гІадин
6. Как ни в чем не бывало	5. Щибго жо ккечЕлеб гІадинан
7. Сгорать от нетерпения	6. Манзил къокъав
8. На чем свет стоит	
9. Как на углях	7. Хъитахъе терет барав гІадин
Болтовня, злословие	
10. Язык заплетается	8. МацІ бабадизе
11. Язык развязался	9. ГЕмер гаргадизе лъугъана
12. Пройтись насчет	10. Берал рухъызаризе
13. Распускать язык	11. КІал чвархъезабизе 12. Кколареб жо бищине
14. Точить зубы	13. Лъиениги, сундуениги заралалъе ургъизе
15. Точить лясы	14. КІал тІатІала лъечІого гаргадизе
16. Чесать язык	15. ГЕмер гаргадизе 16. ГІадамаздасан какдезе

17. Тянуть волынку	17. Хабар халат гъабизе
18. Разводить канитель	18. ЧамучI гъабизе
Высокомерие, гордость	
19. С апломбом	19. Берзул чи гIоларев
20. Не чувствовать землю под ногами	20. РакI кIодольize
21. Набивать себе цену	
22. Быть высокого о себе мнения	21. XIамида кIерт гIада бихъize
23. Заносчивый нрав	22. XIелкил гIамал
24. Высокие слова	23. ЧухIараб хабар

Таблица 16.

Моносемичные ПФЕ

<i>Русские ПФЕ</i>	<i>Аварские ПФЕ</i>
Невоспитанность	
1. Незванный гость	1. КъваригIелгъечIеб чи
2. Преступить границы приличия	2. Адаб рехизе
Как ботлихцы певца	3. Балъхъадерица кочIохъан гIадин
3. Корчить рожу	4. Бер-кIал гъабизе
4. Невоспитанный хам	5. ГIадлу хварав
5. Неотесанный тип	6. ГIамал хварав
6. Виновник всех бед	7. ГIайибалгъул бетIер
7. Брать нахрапом	8. Иман бакъун
	9. КIалдиб гъоцIо гъечIев
8. Как кошка с собакой	10. Лъмгин цIа гIадин
9. Язык как помело	11. МацIалда бачIанщинаб рагIи абизе
10. Что на уме, то и на языке	
11. Со всех ног	12. Неца речIараб басы гIадин
12. Сломя голову	

13. Как на углях	13. Хытахъе терет барав гIадин
Болтовня, злословие	
14. Язык проглотишь	14. КIалдиб хIацIу ккела
15. Забрасывать грязью	15. ЧегIераб тIанкъ лъезе
16. Перемывать косточки	16. Какдон бугебги гъечIебги бицине
17. Смешивать с грязью	17. ИнжитхIакъир гъавизе
18. Нести околесицу	18. КIал тIатIала лъечIого
19. Молоть чепуху	гаргадизе
20. Болтать попусту	19. ЧIанда хъуризе
	20. Гъаб-добалъул бицун гаргадизе
	21. ЧIалгIаде гаргадизе
21. Чесать язык	22. ГIемер гаргадизе
	23. ГIадамаздасан какдезе
	24. МацIалтIе бачIарабицинаб бицине
22. Язык без костей	25. Гозо кIал
	26. МацIалда ракъа гъечIев
	27. МацIалда согI бугев
23. Длинный язык	28. ГIарш гIадин халатаб мацI
	29. ГIумру мацIида арав
	30. МацI халат
	31. МацIалда цIумур барав
	32. КIигIаркъелаб мацI
24. Плести небылицы	33. Гъула туларал жал рицине
25. Нести вздор	34. ГIадалаб хабар
Не умеющий хранить тайну	35. Жанив рукъ гъечIев
Женская болтовня в сельской пекарне	36. Корохъ хабар

26. Грязный язык	37. КІал чорок
27. Распускать сплетни	38. МацІил гьецІо рехизе
28. Злые языки	39. Ццидал кІал 40. Загъруяб борохъ
29. Болтать глупости 30. Болтать пустяки	41. ЧІанда хабар хенезе
31. Болтать без умолку 32. Кудахтать как курица	42. Чер барсулеб гІадин 43. ЧІороло гІадин
Высокомерие, гордость	
	44. Беццаб чІухІи
33. С надменным видом	45. Гъалдибер кІудияв чи
	46. Гъаваялда кІалъазе
34. Задирать нос 35. Как индейский петух 36. Гамбургский петух	47. ГІамал кІодолъизе 48. РакІ кІодолъизе 49. МегІер кІичІун лъугІине 50. ХІелеко гІадин
37. Пыжиться от гордости	51. Пударулев чи
38. Говорить свысока	52. ПІохтасан кІалъазе

В аварском языке имеется билингвальный материальный пейоративный фразеологизм *къваригІелгъечІеб чи*, который семантически обозначает нежелательного человека, неприятного, неприемлемого для окружающих, ведущего себя неприлично и достаивающегося упреков.

Нилъеда бихъула Афгъанистаналда, Сириялда, Украинаялда ва цогидал бакІазда бугеб хІалуцин. Гъениса террористалги къваригІел гъечІел цогидал чагІиги нилгъер гъанире раккулареб хІал ургъизе ккола. – Мы слишком спокойно наблюдаем, какое высокое напряжение сейчас испытывают в Афганистане, Сирии, Украине, а также в других странах. Нам нужно заранее беспокоиться

о том, чтобы террористы и иные подозрительные личности не могли проникнуть на нашу землю (ХІакъикъат. 2021. 30 сент.).

В русском языке есть аналогичное выражение – *гнусный тип*, обладающее большей негативной коннотацией.

Вам правда в Ленкином доме сегодня срочно нужна капроновая нить? Вы гнусный тип, Пётр Иванович. Вы – диктатор, зануда и высокомерный зазнайка (Т. Соломатина. «Мой одесский язык»).

Этот гнусный тип, который считает себя умнее других, замкнул ружье на замок и пристегнул к кровати (Д. Рубина. «Белая голубка Кордовы»).

Перед нами предстал вовсе не гнусный тип с противной ментовской рожей, каким рисовало его наше воображение (Т. Сахарова. «Добрая фея с острыми зубками»).

Пейоратив является моноэмотивным, а также полисемичным.

Аварский билингвальный материальный биэмотивный пейоратив *хІелеко гІадин* является полисемичным, так как может обличать как важничающего, загордившегося, так и выраженного, крикливо одетого человека, как в следующих примерах:

Цояв бизнесмена,в, кІса кІудІя, вІлгълуне, вІхълула хІелеко гІадин. Цояв чехъ кІудІя,в росдал адвокат – Конституция гъас ургъланІн ккола. – Один – бизнесмен с большим карманом, ходит задрав нос. Другой сельский адвокат с непомерным животом – важничает так, будто лично написал Конституцию (С. Ханаев. «Къоло цойІлаб гІасру»).

ЙІгоха кІабилейги ячІІней нІжер ГІалІмІрзал хІелеко гІадин къачІа-кІатІан. Доб хІелкІл рачІ гІадаб жоги буго тІоноцІІб гъабун, гъурІцун бІччан катІарІги буго... – Приходит она во второй раз, теперь разодетая в пух и прах, точно петух нашего АлімІрзы. На голову нацепІла вещь, похожую на петушІный хвост, волосы распустІла... (Б. МухІІдіно,ва. «ХІаміда къІлігі къарІя,в чІясда рачелгі кутакалда рекълон букІунаІла»).

В русском языке с компонентом *петух* имеется множество фразеологизмов, при этом эквивалентами аварскому пейоративу являются *как индейский петух* (самовлюбленный, самодовольный, чванливый) и *петух гамбургский* (расфуфыренный, с обилием украшений одетый человек) [Фразеологический словарь русского литературного языка, URL: <https://phraseology.academic.ru>]:

Я заслушался умных речей, забыл о времени и вдруг увидел на конце дамбы хозяйку под руку с хозяином; они шли медленно, важно, как индейский петух с курицей, и пристально смотрели на нас, что-то говоря друг другу (М. Горький. «В людях»).

Лизавета никак не могла уразуметь, что связывает ее Сергея, не чуждого юмора и романтики, с этим напыщенным, словно индейский петух, англазированным джентльменом (Елизавета Козырева. «Дамская охота»).

Русская полисемичная биэмотивная фразеологическая единица *как ни в чем не бывало* семантически объединена вокруг смысла «не обращая внимание на происшедшее» [Учебный фразеологический словарь, URL: <https://phraseologiya.academic.ru>]:

Вчера очень нездоровилось, а сегодня встал как ни в чем не бывало (А.П. Чехов. «Степь»).

Однако семантическое ядро также может содержать в себе и сему «пренебрегая чьим-либо мнением», которая может быть направлена на уничтожение невоспитанности, неумения и нежелания вести себя должным образом в обществе:

Сделав отвратительную гадость по отношению к человеку словами, они лично к нему при встречах показывали расположение, как ни в чем не бывало (М.М. Пришвин. «Дневники»).

Люди отряхали от одежды пыль, им неловко было поднять глаза, а пьяный господин продолжал демосфенствовать, как ни в чем не бывало (К.И. Чуковский. «К годовщине потемкинских дней»).

С этим выражением он вытащил другой рукой из кармана платок, вытер им палец, сунул платок в карман и как ни в чем не бывало закончил фразу (Ф.А. Искандер. «Сандро из Чегема»).

В аварском языке эквивалентом указанного пейоративного фразеологизма является выражение *щибниги жо ккечІеб Іадин*:

Радалго яхъун бахунеб косметикаялъул гъаталъукъ бахчун бугин гъель жиндирго намусги яхІгийин кколаан ракІалде. Щибго ккечІеб Іадин, телефоналъусан гъудулзабазда кІалъалаан, нижер лъимал реэдулаан. – Сдается мне, что за таким слоем косметики спрятала она свою и честь, и совесть. Как ни в чем не бывало звонила своим подружкам, шутила о наших детях («Кинаб гамачІдай букІана эбелалъул каранлъ?»).

ЯчІана рокъой щибго жо ккечІеб Іадинан. Гъей лъимер гъабизе йиго, гъельул гІебеде битІараб чехъаль рахазе толарого букІуна пальто. Дида гъелдаса сурукъ бихъулеб жоги гъечІо. – Воротилась домой как ни в чем не бывало. Вот-вот должна родить, пальто застегнуть не может из-за живота. Не видал в своей жизни никого отвратительнее (Г. ГъалбацІов. «ЩайтІаби»).

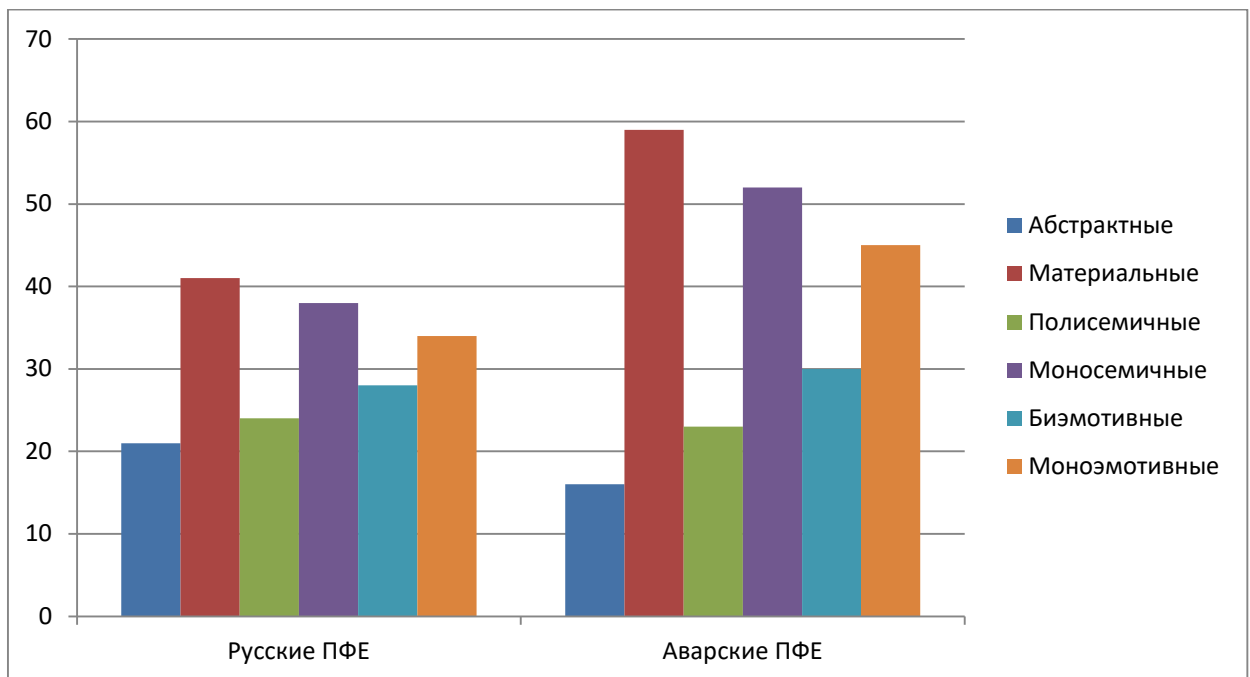
Инсанас щибаб гали тІамула яхІалъ малъухъе. КІалагъоркъе чІван талавур, хІакъир гъарун, жидер кабинетал кверде росарал хІакимзаби, щибго ккечІеб Іадин, жиде-жидер хъулухъги ккун рукІарал бакІазда хутІана. – Человек на любой шаг готов пойти ради сделки со своей совестью. Так и здесь грабеж перевернули с ног на голову, чиновники, ловко прибравшие к своим рукам кабинеты, дружно спели Лазаря, и как ни в чем не бывало продолжают сидеть в своих креслах (М. МухІамадзагъидов. «Къалмица хъвараб рагІи гІащІиялъ къотІуларо»).

Нами было отобрано 62 русских ПФЕ и 75 аварских. Из русских пейоративных фразеологизмов абстрактных выявлено 21, материальных – 41, полисемичных – 24, моносемичных – 38, биэмотивных – 28, моноэмотивных – 34.

Из аварских пейоративов абстрактных выявлено 16, материальных – 59, полисемичных – 23, моносемичных – 52, биэмотивных – 30, моноэмотивных – 45.

Как видно из таблицы ПФЕ, корпус аварских пейоративов концепта «Невоспитанность» обладает большим уровнем синонимии фразеологических единиц в сравнении с русскими пейоративами.

График 6.

Выводы

Сравнительно-сопоставительный анализ коррелирующих по смыслу пейоративных фразеологизмов разных языков является своеобразным межкультурным диалогом, раскрывающим социальные, общественные, экономические и идеологические причины, вызвавшие образование этих лексических единиц.

В настоящей главе исследования были дифференцированы и проанализированы различные признаки и коннотативные характеристики, актуализирующиеся при обозначении негативной оценки качеств, характера человека в аварском и русском языках. В обоих языках фразеологизмы рассматривались с позиций тематического, семасиологического, эмотивного принципов, а также с точки зрения когнитивной семантики (ввиду неисследованности категории пейоративности в аварском языке и интернаучности категории в целом). Данный многоаспектный анализ в том числе помог выявить как схожие свойства категорий пейоративности в аварском и русском языках, так и их различия.

Использование пейоративов и лексем с негативно-оценочной коннотацией обусловлено возникновением в сознании человека отрицательного образа, с которым он ассоциирует объект номинации ввиду приписывания объекту отдельных черт и свойств образа, которые ранее не были ему свойственны. Данные отрицательные образы тесно связаны с абстрактным мышлением человека. В процессе своего использования в языке пейоративы абстрагируются от множества свойств предмета номинации с целью выделения существенного признака, сосредотачивают на нем имеющийся потенциал негативной оценочности.

Аварские и русские фразеологизмы положительной и нейтральной коннотации под влиянием контекста, синергетики текста могут приобретать и наращивать пейоративную эмосему. Также и негативно-оценочные фразеологизмы нередко теряют отрицательные качества, в отдельных случаях

– приобретают позитивные. Связано это с тем, что одно и то же явление в разных культурах если и рассматривается одинаково, то может интерпретироваться по-разному. Данные расхождения представляют собой несомненный научный интерес ввиду демонстрации одной и той же бытовой или жизненной ситуации через призму собственного восприятия носителей каждого из языков.

В ходе изучения пейоративных фразеологизмов с точки зрения принципов когнитивной семантики из отобранного материала нами были дифференцированы абстрактные и материальные пейоративы. Указанное подразделение пейоративов (помимо их рассмотрения с позиций эмотивности и полисемичности) позволило достоверно судить об этимологии, семантическом смысле пейоративов, сделать исследование более полным путем изучения самого характера эмоций, так как причиной существования пейоративной коннотации и пейоративных конструкций является примитивная чувственная абстракция.

Выявленные количественные показатели многоаспектного анализа аварских пейоративов в сопоставлении с русскими приведены в следующей таблице:

Таблица 17.

<i>ПЕЙОРАТИВЫ</i>	<i>Абстракт- ные</i>	<i>Матери- альные</i>	<i>Полисе- мичные</i>	<i>Моносе- мичные</i>	<i>Биэмо- тивные</i>	<i>Моноэмо- тивные</i>
<i>Аварские ПФЕ</i>	191	377	270	298	236	332
<i>Русские ПФЕ</i>	196	258	223	231	220	234

В процентном соотношении из 568 рассмотренных в настоящей главе аварских пейоративных фразеологизмов:

33,63 % (191) являются абстрактными, 66,37 % (377) – материальными;

47,53 % (270) – полисемичными, 52,47 % (298) – моносемичными;
41,54 % (236) – биэмотивными, 58,46 % (332) – моноэмотивными.

Из 454 рассмотренных русских пейоративных фразеологизмов:

43,17 % (196) являются абстрактными, 56,83 % (258) – материальными;
49,11 % (223) – полисемичными, 50,89 % (231) – моносемичными;
48,45 % (220) – биэмотивными, 51,55 % (234) – моноэмотивными.

Вышеуказанные статистические данные позволяют сделать несколько выводов.

В первую очередь, следует отметить более высокую степень полисемичности и биэмотивности русских пейоративов в сравнении с аварскими, при этом у многих русских ПФЕ данные категории не всегда имеют однозначную корреляцию – некоторые полисемичные русские пейоративы могут быть моноэмотивами и наоборот.

В аварском языке при вербализации посредством фразеологических единиц негативно-оценочной коннотации чаще используются объекты материального мира, обладающие, на наш взгляд, большим потенциалом пейорации. В ходе исследования аварского лексикографического материала также нередко выявлялись группы моносемичных моноэмотивных ПФЕ, объединенных общим семантическим смыслом. Часто данным группам в русском языке может соответствовать 1-2 полисемичных биэмотивных (моноэмотивных) пейоратива.

Аварский язык, испытывая влияние русского языка, заимствует многие речевые единицы, обороты, равно как и цельные фразеологические конструкции. Подобные заимствования нередко отслеживаются в аварском языке, так как они в основном реализуются посредством калькирования и проявляются прежде всего во фразеологии. Подавляющее большинство носителей аварского языка является билингвами, поэтому процесс обогащения аварского языка не только непрерывен, но и интенсивен. Немалое влияние на речь носителей аварского языка, помимо лингвистических, имеют и социологические и культурологические факторы.

Как упомянуто выше, в аварском языке отмечается большее количество материальных пейоративных фразеологизмов, нежели в русском. То же можно сказать и про моносемичные и моноэмотивные пейоративы. В свою очередь, в русском языке наблюдается обратная ситуация. Причинами данных различий являются отличительные черты разных народов, области их расселения. В русском языке отражается душевность, широта, щедрость души, поиск абсолютного добра и веры, глобальное мышление (глобальность территорий), исключительность и особый путь, максимализм, важность этического начала, удовлетворяющего не праздные, развлекательные, а нравственные потребности.

В аварском языке наблюдается выраженное индивидуалистское мышление, большое внимание к общественному мнению, положению в социуме, соблюдение правил родства и старшинства. Большая часть пейоративных фразеологизмов аварского корпуса включает компоненты горского быта, природы, сельского хозяйства.

Произошедшие в последние несколько десятилетий в стране системные общественно-политические сдвиги в меньшей степени, нежели в русском, отразились на формировании соответствующего пласта пейоративов аварского языка. Нередко в аварской печати можно наблюдать формирующиеся фразеологические единства, сохраняющие вместе с тем признаки семантической раздельности компонентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из существенных признаков языковой картины мира, создаваемой фразеологическими единицами, является пейоративность.

Пейоративность характеризуется как свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и наносит этический, моральный или физический вред представителям социума.

Наличие пейоративной оценки любой стереотипной ситуации и использование в коммуникативной среде фразеологических единиц, выражающих соответствующее эмоциональное отношение к ней говорящего коммуниканта, является основным условием для формирования языковой картины мира любой нации.

Анализ практического материала показал, что словарные единицы с негативно-оценочным значением составляют большую группу, чем семантическая группа лексических единиц с положительно-оценочным значением. Это связано с внеязыковыми факторами – психологически человек склонен в первую очередь замечать отрицательные качества окружающих, считая, что они могут представлять опасность.

Пейоративность как лингвистический феномен в полной мере выражена в аварском языке. Лексические единицы, обладающие свойством негативной оценочности, широко представлены в аварском языке, категория пейоративности выражена в аварском языке на всех языковых уровнях.

Подтверждена возможность негативного оценочного суждения в аварском языке и, как следствие, возможность негативно-оценочной и пейоративной коннотации. Таким образом, в аварском языке наличествует функциональная основа для разграничения понятий «негативная лексика» и

«пейоративная лексика», при этом последнее является одной из составляющих негативной лексики аварского языка.

В аварском языке (речи) выявлены фразеологические единицы с мелиоративной и нейтральной коннотацией, меняющие под влиянием контекста, дискурса, синергетики текста эмотивную полярность и употребляющиеся в переносном смысле, что, в свою очередь, переводит их в разряд речевых пейоративов. Таким образом, установлена адгерентность аварских пейоративов.

Фольклорные пейоративы дифференцированы как показатели самокритичности нации, при которой уничижение и порицание направляется не только на окружающих (реализуя фундаментальную внутреннюю психологическую установку «чужой – плохой, неприемлемый»), но и на представителей собственной нации.

Изучены принципы классификации пейоративов. Текущие подходы классификации позволяют проводить многоаспектный анализ пейоративного корпуса сопоставляемых языков. Это, в свою очередь, открывает возможность получения детальной картины особенностей характера и мировоззрения (мировосприятия) аварского и русского народов, национальных реалий, оценки одни и тех же поступков в разных социумах и позволяет раскрыть причины поведения его отдельных представителей, различных трактований одного и того же явления в сопоставляемых языках.

На основании теории Жельвиса о том, что отрицательные факторы, не способствующие комфорту, воспринимаются человеком острее, чем положительные (рассматривающиеся как естественные), выдвинуто предположение, что использование пейоративов и лексем с негативно-оценочной коннотацией вызывает у человека в сознании отрицательный образ, с которым он ассоциирует объект номинации, ввиду приписывания отдельных черт и свойств образа объекту, у которого ранее их не было. При построении данной связи важную роль играет воображение и способности к социокультурным и персональным ассоциациям.

Негативные образы тесно связаны с абстрактным мышлением человека. Пейоративы абстрагируются от множества свойств предмета номинации с целью выделения существенного признака, свойства или качества, которые становятся объектом уничижения и порицания.

В целях исследования дополнительных признаков категории пейоративности в аварском языке, помимо общепринятых типов классификации, рассматриваемые в сопоставительном ключе аварские и русские фразеологические единицы с пейоративной коннотацией, исследованы также с позиции зрения когнитивной семантики с разделением их на два типа:

- 1) вербализованные отвлеченными понятиями (абстрактные);
- 2) вербализованные конкретными объектами, предметами и процессами (материальные).

Сравнительно-сопоставительный анализ коррелирующих по смыслу пейоративных фразеологизмов разных языков является своеобразным межкультурным диалогом, раскрывающим социальные, общественные, экономические и идеологические причины, вызвавшие образование этих лексических единиц, – аморальное и асоциальное поведение. Аспекты асоциального и аморального поведения часто пересекаются – явления, преследуемые законом (асоциальные), осуждаются общественным мнением, при этом некоторые аморальные поступки также могут преследоваться законом, что позволяет рассматривать концепты с точки зрения основополагающих порицаемых качеств человека. Указанное порицание сводится к уничижению трех компонентов, формирующих отрицательное мнение о человеке в социуме:

- внешне-физические качества;
- психоэмоциональное состояние;
- умственные способности.

Поскольку фундаментальные свойства характера человека являются основой формирования его негативных качеств и в последующем

выражаются в асоциальном или аморальном поведении, пейоративы рассматриваются в ключе таких основополагающих и смыслообразующих концептов, как «Внешний вид, физическое состояние», «Лень», «Глупость», «Лживость», «Ненасытность», «Невоспитанность», из которых ведут свое начало остальные порицаемые качества человека.

Анализ аварских и русских пейоративов, вошедших в корпуса вышеуказанных концептов, позволил достоверно судить об этимологии, семантическом смысле пейоративов, изучить характер выражаемых эмоций, причину существования пейоративной коннотации и пейоративных конструкций.

Классификация по принципу эмотивности позволила определить полярность изучаемых пейоративных фразеологизмов. Корпус аварских пейоративов продемонстрировал в сравнении с русскими пейоративами более высокую степень моноэмотивности. Соответственно, биэмотивных пейоративов в материале русского языка было выявлено больше. Пейоративы русского языка также показали более высокую полисемичность.

Классификация пейоративов сравниваемых языков с позиции когнитивной семантики продемонстрировала большее количество абстрактных пейоративов в русском языке, нежели в аварском.

При этом вышеуказанные соотношения варьируются не только в языках, но и от концепта к концепту. Исследуемые смыслообразующие концепты демонстрируют разную долю полисемичных – моносемичных, биэмотивных – моноэмотивных, абстрактных – материальных пейоративов.

Причинами указанных расхождений являются языковые, культурологические и социальные факторы.

Большее количество материальных пейоративов в аварском языке обусловлено в первую очередь основными традиционными занятиями аварцев – земледелие, скотоводство, садоводство, охота. Связанные с этими сферами жизни лексические компоненты формируют весомую часть материальных пейоративов.

Одним из факторов преобладания материальных пейоративов над абстрактными также может быть ярко выраженное обличение мирских ценностей в аварском языке, уничижение тяги человека к чрезмерным материальным благам, что, вероятно, обусловлено религиозными причинами – ислам, занимая важное место в жизни, культуре аварцев, противопоставляет земную (временную) жизнь будущей (вечной) жизни. Большинство абстрактных пейоративов при этом содержит компоненты, заимствованные из других языков (арабский, тюркские).

Степень различий диалектов и говоров аварского языка, которые в сравнении с диалектами русского языка могут препятствовать взаимопониманию носителей, в определенной степени обуславливает высокий уровень синонимии аварских пейоративов, представленных в концептах и, как следствие, низкий уровень полисемичности и биэмотивности аварских пейоративов в сравнении с русскими.

Исследуемый материал выявил развитый корпус фольклорных пейоративов аварского языка, фактором формирования которых являются тесно контактирующие между собой сельские общины, состоящие из прочных кровнородственных объединений – тухумов, которые, активно взаимодействуя, обмениваются информацией. Стоит также учитывать и важный атрибут высокогорной жизни – сельский годекан, на котором многократно озвучиваемые в различных формах вербализации характеристики людей, оценки их действий, формируют устойчивые лексические конструкции.

В части отличительных особенностей аварской языковой картины мира, формируемой пейоративами, следует выделить уничижение «расслабленности» человека, его безразличия, пассивно-созерцательного отношения к окружающему миру, угнетенного, подавленного состояния, несметливости, показной и глупой отваги.

Высокая степень полисемичности и биэмотивности пейоративов русского языка в сравнении с пейоративами аварского языка указывает на

большой потенциал приобретения русскими фразеологизмами дополнительных значений и смыслов. Наличие диалектов и говоров русского языка не является препятствием для семантического взаимообогащения и генерации новых смыслов, каким оно является для носителей аварского.

В полисемии русских пейоративов проявляется широта, масштаб русского характера, который несет в себе заметный природный элемент, отпечаток свойств русской земли (Восточно-Европейской равнины, Сибири) – необъятность, безграничность, устремленность в даль.

Биэмотивность русских пейоративов обусловлена эмоциональностью русской души, граничащей с максимализмом, бескомпромиссностью, радикализмом, о чем свидетельствуют сильный эмоциональный накал русской речи, богатство экспрессивных средств.

В отличие от аварских фразеологизмов, в семантике русских может отсутствовать эмосема уничижения объекта номинации, так как негативное, порицаемое обществом явление в этом случае рассматривается в русской языковой картине мира не как результат личных действий объекта, а как стечение обстоятельств.

С точки зрения русской языковой концептуализации мира простота человека в первую очередь рассматривается не как его глупость и легкомыслие, недалекость в суждениях, а как бескорытность, открытость миру, людям.

Также русской языковой картине мира свойственно подозрительное, подчас предвзятое отношение к жизненному успеху, преуспеванию, которые проявляются внешне в первую очередь как материальное благополучие, рассматриваются не как индикатор ума, личных достижений, жизненной энергии, а следствие хитрости, ухищрений, лукавства, незаслуженного везения.

Национальное самосознание, тесные социальные взаимоотношения, особенности горского уклада жизни, культурная и духовная составляющие обусловили самобытность аварской языковой картины мира,

ориентированной на следование понятиям совести, чести (намусу), своеобразной «горской» философии, системе моральных ценностей, отклонение от которой (из-за субъективной воли человека) вызывает общественное порицание.

В свою очередь, коренные, архетипичные черты русской ментальности, в которых отражены особенности мировосприятия и социокультурной практики, определили особенности русской языковой картины мира, выражающиеся в эмоциональной открытости, искренности, абсолютизации добра и зла. Правда, являющаяся нравственным идеалом в русской языковой картине мира, служит моральным ориентиром, отклонение от которого является показателем неискренности, злого умысла, что вызывает уничтожение окружающих.

Исследование показало, что концептуализация лексических смыслов и когнитивных процессов в языковых картинах мира обоих народов имеет больше общностей, нежели различий: такие понятия, как взаимовыручка, помощь нуждающимся или забота о ближнем, справедливость в отношениях между людьми, воздаяние за совершенное добро, являются фундаментальными началами для обеих культур, в центре внимания которых стоит коллективное сосуществование, связанное с природой и общественным образом жизни.

Перспективы исследования пейоративных фразеологических единиц аварского языка в сопоставлении с русским усматриваются в:

углубленном изучении выявленных закономерностей, поскольку оно способствует раскрытию национального миропонимания, совершенствованию знаний о языке, дальнейшему развитию многих лингвокультурологических аспектов;

междисциплинарном подходе к исследованию путем интеграции знаний из смежных областей науки – когнитивной семантики, психолингвистики. Данный подход зарекомендовал себя как эффективный инструмент, позволяющий объединять знания из различных областей науки,

дифференцировать взаимосвязи, которые остаются незамеченными при узкоспециализированном подходе;

цифровизации исследовательского процесса с использованием современных технологий обработки и анализа больших данных – необходима разработка и широкое задействование программных комплексов, которые позволят обеспечить мгновенный доступ к тысячам релевантных источников, точный и автоматизированный сбор информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулкаримова, П. А. Фразеологические и паремиологические единицы эмотивной семантики с компонентом-зоонимом в аварском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Абдулкаримова Патимат Алисултановна. – Махачкала, 2012. – 185 с.
2. Абдуллаева, А. З. Фразеология кумыкского языка в сравнительном освещении: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.02 / Абдуллаева Айшат Заирхановна. – Махачкала, 2002. – 353 с.
3. Абдурагимова, З. М. О диалектной фразеологии даргинского языка / З. М. Абдурагимова // Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей: тезисы докладов. – Грозный, 1983. – С. 53-55.
4. Абдуразакова, З. Г. Компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и русском языках: лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Абдуразакова Зарема Гасановна. – Махачкала, 2014. – 158 с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Элпис, 2008. – 271 с.
6. Анненкова, М. А. Языковой образ человека / М. А. Анненкова. – URL: <https://multiurok.ru/index.php/files/iazykovoi-obraz-cheloveka.html> (дата обращения: 26.11.2017).
7. Аристотель. Категории / Аристотель. – Москва : Соцэкгиз, 1939. – 84 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 7-31.
9. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований /

- ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1980. – С. 156-250.
10. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 338 с.
11. Атаев, Б. М. Формирование и развитие аварского литературного языка: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.09 / Атаев Борис Махачевич. – Москва, 1998. – 343 с.
12. Ахмедова, Ж. М. Фразеология ахвахского языка: на материале ратлубского, цегобского и тлянубского говоров: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Ахмедова Жавгарат Магомедовна. – Махачкала, 2004. – 185 с.
13. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 237 с.
14. Брутян, Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа: лекция, прочитанная в Лондонском университете в 1967 г. / Г. А. Брутян. – Ереван : Луйс, 1968. – 66 с.
15. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа = Muttersprache und geistesbildung / Й. Л. Вайсгербер; перевод с немецкого О. А. Радченко. – 3-е изд. – Москва : URSS, 2009. – 229 с.
16. Вардзелашвили, Ж. А. Наносмыслы лексических структур / Ж. А. Вардзелашвили // Русское слово в мировой культуре: сборник докладов конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Санкт-Петербург, 2003. – Т. I. – С. 226-231.
17. Вардзелашвили, Ж. А. Цикл лекций «Язык и знание» / Ж. А. Вардзелашвили // Когнитивная лингвистика. Персональный сайт профессора Ж. А. Вардзелашвили. – URL: <https://vjanetta.narod.ru/lekcia2.html?ysclid=ma0k7pnesi266261209> (дата обращения: 16.09.2022).
18. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва: Наука, 1977. – 318 с.

19. Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф // Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф [и др.] ; ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва: Наука, 1988. – С. 52-65.
20. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» / Е. М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98-106.
21. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки = *Semantica funcional da valorizacao* / Е. М. Вольф ; ответственный редактор Г. В. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 228 с.
22. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография / С. Г. Воркачев. – Краснодар: КубГТУ, 2002. – 142 с.
23. Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268-276.
24. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
25. Гаджиева, С. Г. Компаративная фразеология лакского языка / С. Г. Гаджиева. – Махачкала, 2001. – 120 с.
26. Гаджиева, С. Г. Структурно-семантические особенности компаративных фразеологических единиц лакского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Гаджиева Сияли Гаджиевна. – Махачкала, 1995. – 24 с.
27. Гасанова, С. Н. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточно-лезгинских языков / С. Н. Гасанова. — Махачкала, 2000. – 115 с.
28. Гашева, Л. П. Позиция процессуальных фразеологизмов в предложении: семантико-грамматический и коммуникативный аспекты: монография / Л. П. Гашева. – Челябинск: ЧГПУ, 1999. – 130 с.

29. Гвоздева, А. А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности: на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. – Краснодар, 2004. – 151 с.
30. Геркаулова, А. Мораль как социальный капитал, определяющий степень жизнеспособности общества / А. Геркаулова // Южная Осетия: республиканская общественно-политическая газета. – 2013. – 24 янв.
31. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие / Е. И. Голованова. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 224 с.
32. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: формирование, развитие, статус в языке / Е. И. Голованова. – Челябинск: ЧГУ, 2004(а). – 330 с.
33. Голованова, Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход / Е. И. Голованова // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2004(6). – Вып. 8 (33). – С. 18-25.
34. Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – Москва, 1970. – Вып. 5. – С. 114-162.
35. Гумбольдт, В. Ф. Избранные труды по языкознанию / В. Ф. Гумбольдт; перевод с немецкого языка под редакцией Г. В. Рамишвили. – Москва: Прогресс, 2000. – 400 с.
36. Гюльмагомедов, А. Г. Дагестанская фразеология как объект общей фразеологии: методические материалы к спецкурсу «Актуальные проблемы общей и дагестанской фразеологии» / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала, 1990. – 33 с.
37. Гюльмагомедов, А. Г. Двуязычная фразеография и вопросы сопоставительной фразеологии / А. Г. Гюльмагомедов // Проблемы фразеологии и фразеографии: материалы Всероссийской конференции

- «Сопоставительная фразеология и двуязычная фразеография», Махачкала, октябрь 1992 года. – Махачкала: ДГУ, 1992. – С. 4-12.
38. Гюльмагомедов, А. Г. Сравнительно-типологический анализ грамматической структуры соматических фразеологических единиц дагестанских языков / А. Г. Гюльмагомедов // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины: сборник статей. – Махачкала, 1986. – С. 136-140.
39. Даибова, К. Х. Фразеология кумыкского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.06 / Даибова Клара Хайбуллаевна. – Москва, 1973. – 23 с.
40. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 178 с.
41. Девлетмурзаева, У. А. Концепты «начало» и «конец» в аварской языковой картине мира: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Девлетмурзаева Умият Дабиевна. – Махачкала, 2011. – 142 с.
42. Дибирова, А. С. Метафорическая фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Дибирова Аминат Сайбуллаевна. – Махачкала, 2006. – 168 с.
43. Дэвидсон, Д. Истина и значение / Д. Дэвидсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1986. — Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. – С. 99-120.
44. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры : сборник / перевод под редакцией Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 172-193.
45. Жельвис, В. И. Инвектива: мужское и женское предпочтения / В. И. Жельвис // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – С. 266-283.

46. Загирова, Л. З. Семантика и структура фразеологических единиц табасаранского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Загирова Луиза Загировна. – Махачкала, 2004 – 172 с.
47. Звонарева, Ю. Н. Эмоционально окрашенные фразеологические единицы / Ю. Н. Звонарева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 346-350.
48. Зимин, В. И. Синхронная этимология фразеологизмов, пословиц и поговорок / В. И. Зимин // Русская словесность. – 2003. – № 4. – С. 55 -58.
49. Идрисова, Н. П. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10:02.02 / Идрисова Нурсият Пайзудиновна. – Махачкала, 2007. – 157 с.
50. Ионова, С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ионова Светлана Валентиновна. – Волгоград, 1998. – 197 с.
51. Исаев, М.-Ш. А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка / М.-Ш. А. Исаев. – Махачкала, 1995. – 208 с.
52. Исаева, Э. М. Вербализация концепта «Любовь к противоположному полу» в паремиологических единицах: на материале аварского, русского и английского языков: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Исаева Эльвира Магомедовна. – Махачкала, 2019. - 184 с
53. Казимагомедова, Ж. Д. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом соматизмом «рука» в табасаранском, английском и французском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Казимагомедова Жанна Джамаловна. – Махачкала, 2014 – 179 с.

54. Караев, А. Г. Идиоматические выражения в цахурском языке: по данным говора с. Калял: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 668 / Караев Абдулла Гаджи Вели оглы. – Баку, 1969. – 19 с.
55. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3-17.
56. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2002. – 333 с.
57. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
58. Кашеева, М. А. Специфика смысловой структуры некоторых качественных прилагательных и ее речевой актуализации / М. А. Кашеева // Вопросы английской контекстологии / под редакцией М. А. Кашеевой. – Ленинград, 1974. – Вып. 1. – С. 59-70.
59. Ковалевская, А. В. Пейоративные наименования лица в немецкой фразеологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ковалевская Анна Владимировна. – Москва, 2008. – 23 с.
60. Ковалевская, А. В. Пейоративные наименования лица в немецкой фразеологии: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ковалевская Анна Владимировна. — Москва, 2008. – 247 с.
61. Колесников, Н. П. Поле русской брани / Н. П. Колесников, Е. А. Корнилов; под редакцией Ю. А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 384 с.
62. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – Москва: Наука, 1990. – 103 с.
63. Кондрашов, В. А. Нормы моральные / В. А. Кондрашов. – URL: http://samlib.ru/k/kondrashow_w_a/st42.shtml (дата обращения: 23.05.2018).

64. Коробова, Н. В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи: на материале британского ареала: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Коробова Наталья Владимировна. – Нижний Новгород, 2007. – 17 с.
65. Костомаров, В. Г. Труды академика В. В. Виноградова в области лексикологии, фразеологии, семасиологии и лексикографии / В. Г. Костомаров // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва: Наука, 1977. – Т. 3. – С. 1-10.
66. Кремих, И. И. Пейоративы-переосмысления в лексике современного немецкого языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Кремих Иван Иванович. – Москва, 1987. – 238 с.
67. Крупенченко, В. Н. Языковые особенности экспрессивных отрицательно-оценочных лексем с австрийской маркированностью: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Крупенченко Валентина Николаевна. – Москва, 2013. – 264 с.
68. Кураева, М. Н. Соматическая фразеология каратинского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Кураева Маржанат Нурмагомедовна. – Махачкала, 1998. – 193 с.
69. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон; перевод с английского А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. – Москва: УРСС, 2004. – 252 с.
70. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание: избранные работы / Б. А. Ларин. – Москва: Просвещение, 1977. – 224 с.
71. Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя: избранные статьи / Б. А. Ларин. – Ленинград: Худож. лит., 1974. – 285 с.
72. Левковская, Н. А. Прагматическая установка текста и прагматическая установка адресанта / Н. А. Левковская // Коммуникативные единицы языка: структурные, семантические, прагматические аспекты: сборник научных трудов. – Москва: МГЛУ, 1990. – С. 25-30.

73. Лескина, С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках: на материале фразеологических единиц: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.20 / Лескина Седа Витальевна. – Челябинск, 2010. – 447 с.
74. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.
75. Магдилова, Р. А. Семантическая характеристика соматических фразеологических единиц с компонентами «сердце», «голова», «рука» в аварском и русском языках / Р. А. Магдилова // Исследования по общей и дагестанской фразеологии: межвузовский тематический сборник научных статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала, 1989. – С. 94-98.
76. Магомедмирзаева, Н. М. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов с названиями животных в аварском и английском языках / Н. М. Магомедмирзаева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 5-2. – С. 73-74. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-sopostavitelnyy-analiz-frazeologizmov-s-nazvaniyami-zhivotnyh-v-avarskom-i-angliyskom-yazykah/viewer>
77. Магомедов, М. И. Экспрессивное словообразование в аварском языке / М. И. Магомедов, А. Ф. Мирошникова. – 2010. – URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/07-CaucasusConference/pdf/final%20abstracs%20Russian/MagomedovMiroshnikovaAbstract.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).
78. Магомедова, П. А. Семантика и синтаксис аварского глагола: опыт семантической интерпретации синтаксиса: автореферат диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.02 / Магомедова Патимат Ариповна. – Москва, 2006. – 51 с.

79. Магомедова, С. И. Соматизмы "глаз", "сердце", "голова" в объективации картины мира: на материале аварского и арабского языков: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02, 10.02.20 / Магомедова Сакинат Изудиновна. – Махачкала, 2009. – 176 с.
80. Магомедханов, М. М. Вопросы фразеологии и фразеографии / М. М. Магомедханов. – Махачкала, 1989. – 131 с.
81. Магомедханов, М. М. Лексико-семантические характеристики фразеологии карахского диалекта аварского языка / М. М. Магомедханов // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. XV1. – Тбилиси, 1990. С. 132-154.
82. Магомедханов, М. М. Очерки по фразеологии аварского языка / М. М. Магомедханов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1972. – 160 с.
83. Мадиева, Г. И. Некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и аварского языков: в помощь учителю русского языка в аварской школе / Г. И. Мадиева. – 2-е изд. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. – 73 с.
84. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
85. Махмудов, Х. А. Фольклорные пейоративные фразеологические единицы (ПФЕ) как лингвистическая особенность аварского языка / Х. А. Махмудов // Кавказский лингвистический журнал. – Махачкала, 2013. – Вып. XII. – С. 66-71.
86. Махмудов, Х. А. Возможность систематизации и некоторые особенности аварских пейоративных выражений (в сопоставлении с русским языком) / Х. А. Махмудов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 6 (36), ч. II. – С. 138-141.
87. Махмудов, Х. А. Концепт «Глупость», демонстрируемый пейоративными фразеологическими единицами в аварском и русском языках, с позиции когнитивного и эмотивного принципов / Х. А. Махмудов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2025. – Том 18, выпуск 9.

88. Махмудов, Х. А. Негативно-оценочная коннотация в аварском языке в сопоставлении с русским / Х. А. Махмудов // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2013. – № 6(26). – URL: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-50>
89. Махмудов, Х. А. Пейоративы как качественная характеристика человека в аварском языке с позиции когнитивной семантики (в сравнении с русским) / Х. А. Махмудов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 12 (30), ч. II. – С. 122-126.
90. Мещанинов, И. И. Соотношение логических и грамматических категорий / И. И. Мещанинов // *Язык и мышление*. – Москва: Наука, 1967. – С. 9-16.
91. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Ленинград: Наука, 1978. – 387 с.
92. Мирзаханова, С. Д. Фразеологизмы с качественной характеристикой человека в даргинском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Мирзаханова Саят Джамалутдиновна. – Махачкала, 2009. – 174 с.
93. Мисиева, Л. А. Паремнологические единицы аварского языка: этнолингвистические особенности функционирования: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.02 / Мисиева Луиза Ахмедовна. – Махачкала, 2022. – 305 с.
94. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Ленинград: ЛГУ, 1986. – 280 с.
95. Мокиенко, В. М. Проблемы фразеологической семантики / В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург: Добросвет, 1996. – 224 с.
96. Мокиенко, В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // *Русистика*. – Берлин, 1994. – №1/2. – С. 50-73. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (дата обращения: 26.11.2017).

97. Мосунов, Е. Л. Язык и картина мира: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.01 / Мосунов Евгений Леонидович. – Магнитогорск, 2007. – 158 с.
98. Мурадов, М. М. Культура обычного права и морально-нравственный кодекс народов Дагестана / М. М. Мурадов // Вестник Махачкалинского филиала МАДИ. – 2010. – № 10. – С. 196-199. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=xhszrj&ysclid=m9zxdbcik6362757889> (дата обращения: 26.10.2023).
99. Пазыч, Н. В. О категории оценки в современном английском языке / Н. В. Пазыч // Семантика и прагматика языковых единиц. – Киев: КГУ, 1985. – С. 24-26.
100. Пазыч, Н. В. Средства языковой номинации отрицательной оценки в современном английском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Пазыч Наталья Васильевна. – Киев, 1986. – 23 с.
101. Пайзулаева, З. Х. Компаративные фразеологические единицы аварского и английского языков: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Пайзулаева Зарема Халимбековна. – Махачкала, 2010. – 151 с.
102. Плунгян, В. А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Плунгян Владимир Александрович. – Москва, 1998. – 334 с.
103. Помыкалова, Т. Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Помыкалова Лариса Евгеньевна. – Челябинск, 2006. – 510 с.
104. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. стер. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 191 с.
105. Потапова, С. Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе / С. Ю. Потапова. – Ярославль: МУБиНТ, 2003. – 275 с.

106. Рамазанова, М. Р. Структура и семантика фразеологических единиц лакского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Рамазанова Миясат Рамазановна. – Махачкала, 2000. – 171 с.
107. Рамазанова, М. Ш. Лексико-семантические особенности фразеологизмов в аварских сказках / М. Ш. Рамазанова // Вопросы филологии. – 2006. – № 5. – С. 206-208.
108. Рамазанова, М. Ш. Фразеология аварских народных сказок: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Рамазанова Марина Шарапудиновна. – Махачкала, 2009. – 151 с.
109. Рамалданов, А. Р. Структурно-грамматические особенности наречных фразеологических единиц лезгинского языка / А. Р. Рамалданов // Исследования по общей и дагестанской фразеологии: межвузовский тематический сборник научных статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала, 1989. – С. 144-155.
110. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский; перевод с польского и вступительная статья В. К. Вилюнаса – Москва: Прогресс, 1979. – 392 с.
111. Ретунская, М. С. Английская аксиологическая лексика / М. С. Ретунская. – Нижний Новгород: ННГУ, 1996. – 272 с.
112. Розенталь, Д. Э. Пособие по русскому языку / Д. Э. Розенталь. – Москва: ОНИКС, 2008. – 416 с.
113. Савинкина, Н. Б. Пейоративное словообразование в современном немецком языке: на материале имени существительного: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Савинкина Наталья Борисовна. – Москва, 1987. – 16 с.
114. Самедов, Д. С. Лексический состав ФЕ с компонентами «рука», «нога», «голова», «сердце» в арчинском и русском языках / Д. С. Самедов, Р. А. Магдилова // Общая и дагестанская фразеология: исследования и

материалы: межвузовский научно-тематический сборник / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ДГУ, 1990. – С. 94-98.

115. Самедов, Д. С. Сложные предложения в аварском языке в сопоставлении с русским: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.09 / Самедов Джалил Самедович. – Махачкала, 1996. – 360 с.

116. Свиридова, А. В. Вербализация концепта ЗНАНИЕ / ПОЗНАНИЕ средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах: на материале фразеологических единиц с компонентом НЕ: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Свиридова Анна Валерьевна. – Челябинск, 2008. – 365 с.

117. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва: Academia, 2000. – 128 с.

118. Соллогуб, Н. Символизация – одно из основных средств актуализации / Н. Соллогуб // Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2017/01/01/1391> (дата обращения: 25.05.2018).

119. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр; перевод со 2 французского издания А. М. Сухотина; редакция перевода Н. А. Слюсаревой. – Москва : Логос, 1998. – 235 с.

120. Спода, О. М. Концепт «лень» как объект концептуального анализа / О. М. Спода. – URL: http://www.rusnauka.com/21_DNIS_2009/Philologia/49456.doc.htm (дата обращения: 06.09.2018).

121. Сулейманова, С. К. Словосочетания в аварском языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.09 / Сулейманова Сакинат Касумовна. – Махачкала, 1990. – 369 с.

122. Сутаева, Р. И. Лингвокультурологический анализ концепта «время»: на материале аварского и русского языков: диссертация на соискание ученой

степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Сутаева Раисат Исаевна. – Махачкала, 2007. – 21 с.

123. Тарский, А. Понятие истины в языках дедуктивных наук / А. Тарский; перевод с польского Л. В. Васюкова // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. – Москва: Росспэн, 1999. – С. 14-165.

124. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики / А. Тарский; перевод А. Л. Никифорова. – Варшава, 1944. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000099/st000.shtml> (дата обращения: 16.04.2019).

125. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // Логика, методология, философия науки: материалы XI Международной конференции, Москва, Обнинск, 1995. – Москва: ИФРАН: ИЛКРЛ, 1995. – С. 102-104.

126. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

127. Туранский, И. И. Интенсивы и интенсификаторы в семантической структуре текста / И. И. Туранский // Единицы языка в функциональном аспекте: межвузовский сборник научных трудов. – Тула, 1991. – С. 108-116.

128. Туранский, И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. – Москва: Высшая школа, 1990. – 173 с.

129. Турбина, О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий / О. А. Турбина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. – Челябинск: ЮУрГУ, 2013. – Т. 10, № 2. – С. 4-8.

130. Турбина, О. А. Психосистематика языка и речевой деятельности: курс лекций / О. А. Турбина. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – 93 с.

131. Ульянова, Н. Н. Способы выражения пейоративности в немецком художественном тексте / Н. Н. Ульянова, Ю. Ю. Хлыстунова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 473-476.

132. Ферзилаева, М. М. Фразеологические единицы качественной характеристики человека в лезгинском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Ферзилаева Марина Маратовна. – Махачкала, 2010. – 173 с.
133. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; перевод с английского под общей редакцией А. В. Александровой. – Москва: Издательство АСТ: Ермак, 2004. – 474 с.
134. Хайдеггер, М. Бытие и время: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – Москва: Республика, 1993. – 445 с.
135. Хайдеггер, М. Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник. – Москва: Наука, 1986, – С. 255-275.
136. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер: перевод Э. Сагетдинова. – Москва: Академический проект, 2007. – 320 с.
137. Халиков, М. М. Основы стилистики современного аварского языка: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.09 / Халиков Магомед Магомедович. – Махачкала, 1997. – 391 с.
138. Халилова, М. Н. Структурно-семантическая характеристика аварских пословиц и поговорок: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Халилова Наида Магомедовна. – Махачкала, 2010. – 162 с.
139. Хангереев, М. Д. Словоизменительная и словообразовательная система в аварском литературном языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.02 / Хангереев Магомедбек Давудгаджиевич. – Махачкала, 2001. – 58 с.
140. Хангереев, М.-Б. Д. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом «голова» в аваро-андийских языках / М.-Б. Д. Хангереев // Исследования по общей и дагестанской фразеологии: межвузовский тематический сборник научных статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала, 1989.

141. Хангереев, М.-Б.Д. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц аваро-андийских языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.09 / Хангереев Магомедбек Давудгаджиевич. – Махачкала, 1993. – 18 с.
142. Харченко, В. К. Переносные значения слова / В. К. Харченко. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 195 с.
143. Харченко, В. К. Функции метафоры: учебное пособие / В. К. Харченко. – Воронеж: ВГУ, 1992. – 88 с.
144. Чепасова, А. М. Категории залога и возвратности русских процессуальных единиц: монография / А. М. Чепасова. – Челябинск: ЧГПУ, 2006. – 148 с.
145. Чепасова, А. М. Отражение духовной культуры во фразеологизмах / А. М. Чепасова // Русский язык как государственный: материалы международной конференции, Челябинск, 5-6 июня 1997 г. – Москва; Челябинск, 1997. – С. 28-33.
146. Чепасова, А. М. Избранные труды: в 2 томах. Т. 2: Фразеология в контексте современных лингвистических исследований / А. М. Чепасова. – Челябинск: ЮУрГГПУ, 2016. – 211 с.
147. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учебное пособие / А. М. Чепасова. – Челябинск: ЧГПУ, 2006. – 144 с.
148. Черкашина, Т. Т. Языковая картина мира: доминанты ментальности / Т. Т. Черкашина, Н. С. Новикова. – URL: https://www.researchgate.net/publication/311778836_Azykovaa_kartina_mira_dominanty_mentalnosti (дата обращения: 23.05.2018).
149. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.
150. Шакирова, Р. Д. Эпистемический статус высказывания: на материале современного немецкого языка : автореферат диссертации на соискание

ученой степени доктора филологических наук: 10.02.04 / Шакирова Резеда Дильшатовна. – Москва, 2006. – 38 с.

151. Шарандин, А. Л. Методологический статус понятий «Инвариант» и «Прототип» в современной лингвистике / А. Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 121-127. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskiiy-status-ponyatiy-invariant-i-prototip-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 25.10.2018).

152. Шахбанова, П. Б. Семантические и структурные особенности междометий в аварском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Шахбанова Патимат Багавудиновна. – Махачкала, 2006. – 22 с.

153. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.

154. Шаховский, В. И. Эмоциональный интеллект в лексической и синтаксической деривации / В. И. Шаховский // Проблемы теории и истории славянского словообразования: тезисы докладов Шестой Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славянистов, Минск, 2-6 марта 2003 г. – Минск, МГЛУ, 2003. – С. 35-36.

155. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Шаховский Виктор Иванович. – Москва, 1988. – 402 с.

156. Шевляков, А. В. Антропонимикон диалектной языковой личности: аспекты изучения / А. В. Шевляков // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 93-97.

157. Шевчук-Черногородова, М. А. Системные отношения в корпусе английских фразеологизмов с компонентами цветообозначения / М. А. Шевчук-Черногородова // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. – 2006. – Т. 19 (58), № 2. – С. 256-262.

158. Шейхова, Р. О. Соматические фразеологические единицы с компонентами "голова" и "сердце" аварского языка в сопоставлении с русским: на материале бухнадинского говора анцухского диалекта: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Шейхова Раисат Омаловна. – Махачкала, 2004. – 179 с.
159. Шмелев, А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги / А. Д. Шмелев // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 14-21.
160. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – Москва: Госполитиздат, 1955. – 328 с.
161. Юздова, Л. П. Универсальность / неуниверсальность русских адвербиальных фразеологизмов качественной семантики: монография / Л. П. Юздова. – Челябинск: АТОКСО, 2009. – 129 с.
162. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.]. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
163. Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы III Международной научно-практической конференции, 30 ноября – 1 декабря 2006 г. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – 444 с.
164. *АхIул гохIда рагъарал бахIарзазул доба-гъаниса кодобе цвараб сияхI.* – URL: <http://www.fatiha.ru/ziyarat/geroiahulgo.html> (дата обращения: 14.06.2018).
165. Почтаяль гъабулеб хъулухъ хиралъизе бегъула. – URL: <https://www.radioerkenli.com/a/25280896.html> (дата обращения: 15.04.2018).
166. Whorf, B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf ; edited and with an introduction by J. V. Carroll. – New York: Wiley, 1956. – 278 p.

Словари, энциклопедии, справочники

167. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

168. Брусенская, Л. А. Учебный словарь лингвистических терминов / Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 256 с.
169. Виноградов, В. А. Краткий словарь лингвистических терминов / В. А. Виноградов, Н. В. Васильева, А. М. Шахнарович. – Москва: Русский язык, 1995. – 176 с.
170. Гуськова, А. П. Популярный словарь русского языка: толково-энциклопедический / А. П. Гуськова, Б. В. Сотин. – Москва: Медиа, 2003. – 880 с.
171. Дурново, Н. Н. Грамматический словарь: грамматические и лингвистические термины / Н. Н. Дурново. — Москва; Петроград: Издательство Л. Д. Френкель, 1924. – 154 с.
172. Ефремова, Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – Москва: АСТ, 2006. – 1168 с.
173. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — 5-е изд., испр. и доп. — Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
174. Жирков, Л. И. Лингвистический словарь / Л. И. Жирков. – 2-е изд., доп. – Москва: Моск. ин-т востоковедения, 1946. – 155 с.
175. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 1998 – 1536 с.
176. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 686 с.
177. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Москва: АСТ: Астрель, 2001. – 863 с.
178. Нечаев, Г. А. Краткий лингвистический словарь / Г. А. Нечаев; ответственный редактор М. К. Милых. – Ростов-на-Дону: Ростов. ун-т, 1976. – 184 с.
179. Никитина, С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике: автоматическая обработка текста / С. Е. Никитина. – Москва: Наука, 1978. – 375 с.

180. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1985. – 399 с.
181. Русский орфографический словарь: около 160 000 слов / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва: Азбуковник, 1999. – 1260 с.
182. Советский энциклопедический словарь / главный редактор А. М. Прохоров. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – 1600 с. (СЭС)
183. Чепасова, А. М. Фразеологизмы в нашей речи: учебный толковый словарь / А. М. Чепасова. – Челябинск: ЧГПУ, 2000. – 292 с.

Материал языкового исследования

184. Абигасанов, Н. Заря над горами: стихи, поэмы, переводы / Н. Абигасанов. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1987. – 58 с.
185. Аварско-русский словарь: около 36 000 слов / под редакцией М. М. Гимбатова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2006. – 2096 с.
186. Амосов, Н. Голоса времен (Электронный вариант) / Н. Амосов. – URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/259247-nikolaj-amosov-golosa-vremen-elektronnyj-variant.html>
187. Амфитеатров, А. В. Княжна / А. В. Амфитеатров. – URL: <https://www.livelib.ru/book/149980/read-knyazhna-aleksandr-amfiteatrov?ysclid=madxku8en7362887674>
188. Андреев, В. Народная война / В. Андреев. – URL: <https://www.rulit.me/books/narodnaya-vojna-read-647436-1.html>
189. Бажанов, Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина / Б. Г. Бажанов. – Санкт-Петербург, 1992. – URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/107937-boris-bazhanov-vospominaniya-byvshego-sekretarya-stalina.html>
190. Безелянский, Ю. Н. В садах любви: хроника встреч и разлук / Ю. Н. Безелянский. – Москва: Вагриус, 2002. – 607 с.

191. Борин, А. Б. Воспоминания литератора / А. Б. Борин // Звезда. – 2002. – № 8. – С. 174-193.
192. Быков, В. Бедные люди / В. Быков. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/320229-vasil-bykov-bednye-lyudi.html>
193. Вагинов, К. К. Бамбочада / К. К. Вагинов. – Москва: Эксмо, 2008. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/309798-konstantin-vaginov-bambochada.html>
194. Вельтман, А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского / А. Ф. Вельтман. – Москва: Художественная литература, 1957. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/313841-47-aleksandr-veltman-priklyucheniya-pocherpnutye-iz-morya-zhitejskogo-salomeya.html>
195. Витте, С. Ю. Воспоминания / С. Ю. Витте. – Москва: АСТ, 2022. – URL: <https://iknigi.net/avtor-sergey-vitte/243715-vozpominaniya-sergey-vitte.html>
196. Войнович, В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина / В. Войнович. – Москва: Эксмо, 2010. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/yumoristicheskaya-proza/421098-vladimir-voynovich-zhizn-i-neobyčajnye-priklyucheniya-soldata-ivana-chonkina.html>
197. Войнович, В. Н. Степень доверия: повесть о Вере Фигнер / В. Н. Войнович. – URL: <https://litlife.club/books/308575>
198. Вяземский, П. А. Старая записная книжка / П. А. Вяземский. – URL: <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/425046-petr-vyazemskij-staraya-zapisnaya-knizhka.html>
199. Газета: [проект РБК] – URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/12/29/cnews/>
200. Гайдар, А. П. Тимур и его команда / А. П. Гайдар. – URL: <https://litlife.club/books/31136/read>
201. Галеев, К. Азиатский деспотизм – что это такое? / К. Галеев // Знание-сила. – 2010. – № 3. – С. 93-102.
202. Гамзатов, Р. Мой Дагестан: повесть / Р. Гамзатов; перевод с аварского В. Солоухина. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1985. – 439 с.

203. Гамзатов, Р. Собрание сочинений в десяти томах: перевод с аварского / Р. Гамзатов; составитель М. Ахметов. – Махачкала: Век Дагестана, 2023.
204. Гандлевский, С. НРЗБ / С. Гандлевский. – Москва: Астрель, 2012. – URL: <https://iknigi.net/avtor-sergey-gandlevskiy/60985-sergey-gandlevskiy.html>
205. Гаспаров, М. Л. Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой культуре / М. Л. Гаспаров. – Москва: Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с. – URL: https://yanko.lib.ru/books/cultur/gasparov-zanim_greciya-8l.pdf
206. Гейнце, Н. Э. Князь Тавриды: роман / Н. Э. Гейнце. – URL: http://az.lib.ru/g/gejnca_n_e/text_0110.shtml
207. Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь / Н.Э. Гейнце. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/istoricheskaya-proza/305386-nikolaj-gejnca-koronovannyj-rycar.html>
208. Герман, Ю. П. Дорогой мой человек / Ю. П. Герман. – Москва: Правда, 1990. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/298040-yurij-german-dorogoj-moj-chelovek.html>
209. Герман, Ю. П. Россия молодая: исторический роман в 2 книгах / Ю. П. Герман. – Москва: Вече, 2014.
210. Гоголь, Н. В. Мертвые души: поэма / Н. В. Гоголь. – Москва: АСТ: Астрель, 2012.
211. Голицын, С. М. Записки беспогонника / С. М. Голицын. – URL: <https://litlife.club/books/177071>
212. Горький, М. Трое: повесть / М. Трое. – URL: <https://litlife.club/books/82038/read?ysclid=mal0rmk1fd622563653>
213. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. Т. 4 / В. И. Даль. – Москва: Русский язык, 1998. – 683 с.
214. Данин, Д. С. Нильс Бор / Д. С. Данин. – Москва: Молодая гвардия, 1978. – URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/302606-106-daniil-danin-nils-bor.html>

215. Даниэль, Ю. «Я все сбиваюсь на литературу...» Письма из заключения / Ю. Даниэль. – Москва: Звенья, 2000. – URL: https://imwerden.de/pdf/daniel_pisma_iz_zaklyucheniya_stikhi_2000__ocr.pdf
216. Донцова, Д. Уха из золотой рыбки: иронический детектив / Д. Донцова. – Москва: Эксмо, 2003. – 352 с.
217. Житков, А. Кафедра / А. Житков. – URL: <https://litlife.club/books/30974/read?ysclid=madxibns7c219304591>
218. Загоскин, М. Н. Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М. Н. Загоскиным / М. Н. Загоскин. – URL: <https://litlife.club/books/184074/read?ysclid=macixcfnz5590576266>
219. Зензинов, В. Пережитое / В. Зензинов. – Нью-Йорк, 1953. – URL: https://hrono.ru/libris/lib_z/zenzin17.html
220. Измайлов, А. Н. Трюкач / А. Н. Измайлов. – Санкт-Петербург: Текс, 1994. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/triller/162703-andrej-izmajlov-tryukach.html>
221. Капица, П. Л. Всё простое – правда...: афоризмы и размышления Петра Леонидовича Капицы, его любимые притчи, поучительные истории, анекдоты / П. Л. Капица; составитель П. Е. Рубинин. – Москва: МФТИ, 1994. – 152 с.
222. Картаслов.ру – карта слов и выражений русского языка. – URL: <https://kartaslov.ru>
223. Книги Юрия Домбровского // Электронная библиотека книг iknigi.net. – URL: <https://iknigi.net/avtor-yuriy-dombrovskiy/>
224. Коковцев, В. Из моего прошлого 1903-1919 годы. Ч. 1, 2 / В. Коковцев. – URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/261043-v-kokovcev-iz-moego-proshlogo-1903-1919-gody-chast-1-i-2.html>
225. Корнилов, В. Демобилизация / В. Корнилов. – Москва: Моск. рабочий, 1990. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/226660-vladimir-kornilov-demobilizaciya.html>
226. Крестовский, В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных: роман в шести частях / В. В. Крестовский. – URL:

<https://www.rulit.me/books/peterburgskie-trushchoby-tom-1-read-107093-1.html?ysclid=makutvbv7q298523623>

227. Кропоткин, П. А. Хлеб и воля: перевод с французского / П. А. Кропоткин. – Лондон, 1902. – 295 с. – URL:

<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/53622-kropotkin-p-a-hleb-i-volya-per-s-fr-london-1902>

228. Кукель, Б. К. Из эпохи присоединения Приамурского края / Б. К. Кукель. – URL: <https://drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1840-1860/Kukel/text1.php>

229. Куприн, А. И. Юнкера / А. И. Куприн. – URL: <https://litlife.club/books/48545/read?ysclid=madxfmuc8v980387975>

230. Курочкин, В. А. Последняя весна / В. А. Курочкин. – URL: <https://www.rulit.me/books/poslednyaya-vesna-read-33909-1.html>

231. Ладинский, А. П. Анна Ярославна – королева Франции / А. П. Ладинский. – URL: <https://litlife.club/books/79039/read>

232. Лесков, Н. С. Зимний день / Н. С. Лесков. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/242136-nikolaj-leskov-zimnij-den.html>

233. Лукьянов, А. С. Палка / А.С. Лукьянов. – Москва: ОГИ, 2002. – URL: <https://libking.ru/books/sf-/sf-social/241258-aleksey-lukyanov-palka.html>

234. Львов, А. Л. Двор / А. Л. Львов. – Москва: Захаров, 2002. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovetskaya-klassicheskaya-proza/301382-arkadij-lvov-dvor-kniga-1.html>

235. Магомедханов, М. М. Аварско-русский фразеологический словарь: 3000 единиц / М. М. Магомедханов. – Махачкала, 1993. – 406 с.

236. Магомедханов, М. М. Русско-аварский фразеологический словарь: 1500 единиц / М. М. Магомедханов. – Москва: Academia, 2007. – 338 с.

237. Магомедханов, М. М. Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова: 2000 единиц / М. М. Магомедханов. – Махачкала, 2012. – 445 с.

238. Мамаева, И. Росомаха: рассказ / И. Мамаева. – URL: <https://iknigi.net/avtor-alisa-ganieva/225041-14-zhenskaya-proza-nulevyh-alisa-ganieva/read/page-14.html>
239. Маринина, А. Б. Иллюзия греха: роман / А. Б. Маринина. – Москва: Эксмо, 2014. – 448 с.
240. Маринина, А. Не мешайте палачу: роман / А. Маринина. – Москва: Эксмо, 1998. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/policejskij-detektiv/293033-aleksandra-marinina-ne-meshajte-palachu.html>
241. Маринина, А. Я умер вчера / А. Маринина. – Москва: Эксмо, 1998. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/policejskij-detektiv/293032-aleksandra-marinina-ya-umer-vchera.html>
242. Михайловский, Н. К. Литературные воспоминания / Н. К. Михайловский. – URL: <https://www.livelib.ru/book/93889/read-literaturnye-vospominaniya-nikolaj-mihajlovskij?ysclid=mach8a0wgp814928836>
243. Михальский, В. Одинокому везде пустыня: роман / В. Михальский. – URL: <https://www.rulit.me/books/odinokomu-vezde-pustynya-read-27103-1.html>
244. Мубояджян, С. Плазма против пара: победа за явным преимуществом / С. Мубояджян // Наука и жизнь. – 2007. – № 6. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10711/>
245. Мусатов, А. И. Стожары / А. И. Мусатов. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/210711-aleksej-musatov-stozhary.html>
246. Мясников, В. Водка / В. Мясников. – URL: https://modernlib.net/books/myasnikov_viktor/vodka/read/?ysclid=mal3f1pd2v575183651
247. Нагибин, Ю. М. Беглец / Ю. М. Нагибин. – Кишинев, 1985. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/istoricheskaya-proza/128720-yurij-nagibin-beglec.html>
248. Нагибин, Ю. М. Дневник / Ю. М. Нагибин. – Москва: Книжный сад, 1996. – URL: <https://litlife.club/books/110485/read?ysclid=makxi5d0uj377130559&page=1>

249. Нарезный, В. Т. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова / В. Т. Нарезный. – URL: <https://www.livelib.ru/book/94058/read-rossijskij-zhilblaz-ili-pohozhdeniya-knyazy-gavrily-simonovicha-chistyakova-vasilij-nareznyj>
250. Национальный корпус русского языка. – URL: www.ruscorpora.ru/search-main.html.
251. Нечаев, А. Пять ошибок Виктора Януковича / А. Нечаев // Взгляд: деловая газета. – 2020 – 9 июля. – URL: <https://vz.ru/opinions/2020/7/9/1049082.html>
252. Никулин, Н. Н. Воспоминания о войне / Н. Н. Никулин. – Санкт-Петербург, 2008. – URL: <https://litlife.club/books/104965>
253. Олеша, Ю. К. Книга прощания / Ю. К. Олеша. – Москва: Вагриус, 1999. – URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/217873-yurij-olesha-kniga-proshhaniya.html>
254. Пекинские письма доктора Кирилова. – URL: <https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Kirilov/text1.htm>
255. Писарев, Д. И. Писемский, Тургенев и Гончаров / Д. И. Писарев. – URL: <https://litlife.club/books/69714/read?ysclid=makwn37mxt399479204&page=1>
256. Писемский, А. Ф. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына / А. Ф. Писемский. – Москва, 1959. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/109498-aleksej-pisemskij-sergej-petrovich-hozarov-i-mari-stupicyna.html>
257. Попов, В. Страсти по «черному золоту» / В. Попов // Завтра. – 2003. – 13 августа. – URL: <https://zavtra.ru/blogs/2003-08-1331>
258. Прусс, И. Десятый / И. Прусс // Дистанционное образование. Обучающие сетевые олимпиады. – URL: <https://rcsz.ru/inf/pp/183?ysclid=madx7lf5fp924892812>
259. Распутин, В. Г. Последний срок / В. Г. Распутин. – Новосибирск, 1970. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/1032-valentin-rasputin-poslednij-srok.html>

260. Роцин, М. М. Валентин и Валентина: современная история в двух частях, с прологом / М. М. Роцин. – URL: https://modernlib.net/books/roschin_mihail/valentin_i_valentina/read
261. Рубина, Д. Белая голубка Кордовы / Д. Рубина. – Москва, 2016. – URL: <https://www.litres.ru/book/dina-rubina/belaya-golubka-kordovy-183290/chitat-onlayn/>
262. Рютин, М. Сталин и кризис пролетарской диктатуры / М. Рютин. – URL: https://scepsis.net/library/id_939.html
263. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 томах / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва: Художественная литература, 1965-1977. – URL: <https://rvb.ru/saltykov-shchedrin/toc.htm>
264. Сахарова, Т. Хорошая фея с острыми зубками / Т. Сахарова. – Москва: Эксмо, 2005. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/ironicheskij-detektiv/9890-104-tatyana-saharova-dobraya-feya-s-ostryimi-zubkami.html>
265. Серафимов, К. Армения – записки спасателя / К. Серафимов. – URL: https://royallib.com/read/serafimov_konstantin/armeniya___zapiski_spasatelya.html?ysclid=macg32xqgt963818461#0
266. Скандал в ресторане «Метрополь» // Газетные «старости» – русские газеты 100-летней давности. – URL: <http://starosti.ru/archive.php?y=1911&m=03&d=09>
267. Скворцов, В. Сингапурский квартет: роман / В. Скворцов. – URL: <https://litlife.club/books/40673/read?page=75>
268. Солдатенко, В. Ева: сборник / В. Солдатенко. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/49035-44-slava-se-eva.html>
269. Сологуб, В. А. Аптекарьша / В. А. Сологуб. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/123206-vladimir-sollogub-aptekarsha.html>
270. Соломатина, Т. Мой одесский язык / Т. Соломатина. – Москва: Эксмо, 2011. – URL: <https://iknigi.net/avtor-tatyana-solomatina/32003-moy-odesskiy-yazyk-tatyana-solomatina.html>

271. Sport.ru: спортивный портал. – URL: <https://www.sport.ru/>
272. Сталин, И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года / И. В. Сталин. – URL: https://wwii.rhga.ru/ussr/detail.php?ELEMENT_ID=6658
273. Стеценко, В. П. Из воспоминаний о Леонове / В. П. Стеценко // Наш современник. – 2004. – № 8. – URL: <https://litlife.club/books/135114/read?page=38&ysclid=maci73hxei948876757>
274. Твардовский, А. Т. Рабочие тетради 60-х годов. 1966 год / А. Т. Твардовский // Знамя. – 2002. – № 4. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1710&ysclid=maf49utt4x299360674>
275. Толстой, В. С. Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать / В. С. Толстой // Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 71-77.
276. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера / Ф. Ф. Торнау. – Москва: АИРО-XXI, 2000. – 493 с. https://royallib.com/book/tornau_fedor/vospominaniya_kavkazskogo_ofitsera.html?ysclid=m9b5xvxiqw382000708 (дата обращения: 24.06.2019).
277. Трифонов, Ю. В. Другая жизнь / Ю. В. Трифонов. – Москва: Худож. лит., 1986. – URL: <https://litlife.club/books/27858>
278. Трифонов, Ю. В. Нетерпение: повесть об Андрее Желябове / Ю. В. Трифонов. – URL: <https://litlife.club/books/71171/read?ysclid=макуvubufe198290578>
279. Трубецкой, В. С. Записки кирасира / В. С. Трубецкой. – URL: <https://litlife.club/books/43178/read>
280. Учебный фразеологический словарь. – URL: <https://phraseologiya.academic.ru/>
281. Фразеологический словарь русского литературного языка. – URL: <https://phraseology.academic.ru>
282. Фразеологический словарь русского языка. – URL: https://phrase_dictionary.academic.ru

283. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в тридцати томах / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1974-1988.
284. Чудаков, А. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия / А. Чудаков. – Санкт-Петербург: Азбука, 2023. – URL: <https://books.yandex.ru/reader/TdplxjyF?resource=book>
285. Шишков, В. Я. Емельян Пугачев: историческое повествование: в 3 книгах / В. Я. Шишков. – Москва: Эксмо, 2007.
286. Шолохов, М. А. Тихий Дон: роман в 4 томах / М. А. Шолохов. – Москва: Дрофа, 2006.
287. Шукшин, В. М. Штрихи к портрету (Некоторые конкретные мысли И.И. Князева, человека и гражданина) / В. М. Шукшин // Шукшин В. М. Полное собрание рассказов в одном томе. – URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Шукшин%20В_полное%20собрание%20рассказов.pdf
288. Юзефович, Л. Казароза: роман / Л. Юзефович. – URL: https://royallib.com/book/yuzefovich_leonid/kazaroza.html
289. Яворницкий, Д. И. История города Екатеринослава: очерк / Д. И. Яворницкий. – Днепропетровск: Проминь, 1989. – 196 с.
290. Аргъваниса, ХІажи. Саййид ГІободиясул халапа / ХІажи Аргъваниса. – URL: <https://al-fatiha.ru/knigi/33.htm>
291. Ас-салам: всероссийская духовно-просветительская газета. – 2011-2012.
292. АхІул гохІда рагъарал бахІарзазул доба-гъаниса кодобе щвараб сияхІ. – URL: <https://daghistan.ru/06/ziyrat/geroiahulgo.html>
293. БатІи-батІиял тІахъздаса къисаби, поэмаби, маргъаби, биценал, кучІдул : 1949-1990. – URL: <https://daghistan.ru/03/tcadasa/rasul/5tom.pdf>
294. БисавГалиев, М. Инжитлъиялъе лъураб памятник ва "конкретный беспредельщикал" / М. БисавГалиев. – 24.04.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/analytic/440-inzhitliyale-lurab-pamyatnik-va-konkretnyy-bespredelschikal.html>

295. БисавГалиев, М. Расул, «Дир Дагъистан» ва Сусловгун «пятилетка» / М. БисавГалиев // ЛъаратIа. – 2016. – № 14.
296. БухIаяб дуниял! // Сагаси гъуникад. – 2016. – № 38.
297. ГИизудинил, Х. Зулмуялгъул цIаялъ залим вухIула / Х. ГИизудинил. – 18.01.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/siyasat/296-zulmuyalul-ciayal-zalim-vuhiula.html>
298. ГИизудинил, Х. Къасиги - афишал... Авартеатр... / Х. ГИизудинил. – 24.02.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/madaniyat/381-kasigi-afishal-avarteatr.html>
299. ГИизудинил, Х. Чурун болъон бацIцIунаро / Х. ГИизудинил. – 25.04.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/siyasat/443-churun-bolon-baciciunaro.html>
300. ГИисаев, ГИ. Нуж богIолабазукъа хIинкъулищ? / ГИ. ГИисаев. – 15.02.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/tarix/372-nuzh-bogiolabazuka-hiinkulisch.html>
301. ГИудуллъи. – 2016. – № 2.
302. ГИумаров, М. ЦИиял «бахIарзал» / М. ГИумаров. – 07.02.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/340-ciiyal-bahiarzal.html>
303. Гуниб. – 2010-2014.
304. ГъалбацIов, Г. Лъабго бакъ / Г. ГъалбацIов. – 31.10.2016. – URL: <http://avarpressa.ru/madaniyat/56-labgo-bak.html>
305. ГъалбацIов, Г. МагIарул мацI / Г. ГъалбацIов. – 21.11.2016. – URL: <http://avarpressa.ru/mats/154-magiarul-maci.html>
306. ГъалбацIов, Г. Хъанхъра / Г. ГъалбацIов. – 01.09.2016. – URL: <http://avarpressa.ru/madaniyat/59-hanhra.html>
307. ГъалбацIов, Г. ЩайтIаби / Г. ГъалбацIов. – 01.09.2016. – URL: <http://avarpressa.ru/adabiyat/60-schaytiabi.html>
308. ГъитIиномухIамадов, А. М. Анищазул куркъбал / А. М. ГъитIиномухIамадов. – МахIачхъала: Эпоха, 2010. – 430 гъ.
309. Гъудуллъи. – 2014. – 8 августа.
310. Дагъистан. – 2013-2014.

311. Инхоса ГІали-хІажи. Асарал / Инхоса ГІали-хІажи. – Махачкала, 2013. – 430 с.
312. Камиль Гардашов. Стихи Камиля Гардашова: [сайт]. – URL: <https://mammedkamil-gardashov.webnode.ru/>
313. Кинаб гамачІдай букІана эбелалъул каранлъ? – 29.09.2020. – URL: <https://hakikat.info/?nationals=9568-kinab-gamachidaj-bukiana-ebelal-ul-karanl>
314. МагІарул большевик. – 1941. – 1 июль, № 53.
315. МагІарулай. – 2019. – № 2.
316. МахІамадова, С. Пикрабазул нухал / С. МухІамадова. – URL: <https://tsumadaa.ru/en/text/145>
317. МахІатІов, М. Фейсбукалдаса босараб / М. МахІатІов. – URL: <https://m.ok.ru/group/51833067864149/topic/65309712190293?ysclid=ma8lc3ji5y97321434>
318. МестІерухъа ясалде. – URL: <https://daghistan.ru/03/chanka/rokul/mesteruh.htm>
319. МухІамадзагъидов, М. Къалмица хъвараб рагІи гІаштІиялъ къотІуларо / М. МухІамадзагъидов // Цолъи. – 2018. – 19 января. – URL: <https://d37e98a2-3644-435d-b7be-ef61b4252a03.selcdn.net/distr/files/ministerstvodistr3/b61b697a3e00e9311b9c2f508f3661ed.pdf>
320. МухІамадов, М. Къалбаз ккола гъветІ: [къыса] / М. МухІамадов. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2014. – 448 гъ.
321. МухІамадова, Ф. Хасалихълъи бачІингун / Ф. МухІамадова. – 20.05.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/458-hasalihli-bachiingun.html>
322. МухІидинова, Б. «Халкъалъул лагъзадерил» лагълъиялда буго халкъ / Б. МухІидинова. – 16.04.2018. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/578-halkalul-lagzaderil-lagliyalda-bugo-halk.html>
323. МухІидинова, Б. Авлахъал тун, мугІрузде рахъунел магІарулал... / Б. МухІидинова. – 30.12.2016. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/262-avlahal-tun-mugiruzde-rahunel-magiarulal.html>

324. МухИидинова, Б. Заралияб сабру / Б. МухИидинова. – 22. 10 2018. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/561-zaraliyab-sabru.html>
325. МухИидинова, Б. РачІа ликбезал рагъизе / Б. МухИидинова. – 28.07.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/483-rachia-likbezal-ragize.html>
326. МухИидинова, Б. ХІамида кѳилиги кѳарияв чиясда рачелги кутакалда рекъон букІунила / Б. МухИидинова. – 17.04.2018. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/584-hiamida-kiligi-kariyav-chiyasda-rachelgi-kutakalda-rekon-bukiunila.html>
327. МухИидинова, Б. Цо сахаб хабар рагІуларо... / Б. МухИидинова. – 01.02.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/330-co-sahab-habar-ragiularo.html>
328. НурмухІаммадова, А. МагІарулай / А. НурмухІаммадова. – 5.01.2015. – URL: <https://maarda.blogspot.com/2015/05/1.html>
329. Росдал захІматчи. – 2012. – 28 февраля.
330. Саид Афанди аль-Чиркави. Назмаби: религиозное стихотворное произведение на аварском языке: в 2 томах. Т. 2 / Саид Афанди аль-Чиркави. – Махачкала: Нуруль иршад, 2011. – 440 с. – URL: <https://islamdag.ru/sites/default/files/books/nazmabi2.pdf?ysclid=ma8i23ycia320492216>
331. Саид Афанди аль-Чиркави. Побуждение внять призыву Корана / Саид-афанди аль-Чиркави; перевод с аварского языка книги «Танбих аль-авам ила да‘ват аль-Кур‘ан»: в четырех томах. Т. 1. – Махачкала: Нуруль иршад, 2011. – 400 с.
332. Салманов, К. М. Гонконгалдаса кагъат / К. М. Салманов // МагІарухъ. – 16.03.2017. – URL: <http://avarpressa.ru/blogs/417-gonkongaldasa-kagat.html>
333. Усахов, М.-Р. Авар адабият: цебетІеяльул тарих / М.-Р. Усахов. – МахІачхъала, 2006. – 369 гъ.
334. ХІажиев, С. Мехтарав чи рулалда нахъа – чІвадарухъан / С. ХІажиев // Гумбет. – 2014. – № 40. – Гъ. 3.
335. ХІакъикъат: [республиканская общественно-политическая газета]. – 2006-2021.

336. ХІамзатов, Р. АнцІго томалде данде гъарурал асарал: шигІраби, поэмаби / Р. ХІамзатов; ТІехъ данде гъабурал: А. М. МуртазагІалиев, М. Н. Набигулаева, Р. С. Баширова. – МахІачхъала: Дагъистан, 2023.
337. ХІапизов, Ш. Рекъав Ражбадинил гІумру халкъияб полклоралда ва документазда рекъон / Ш. ХІапизов. – 10.11.2016. – URL: <http://www.avarpressa.ru/tarix/121-rekav-razhbadinil-giumru-halkiyab-polkloralda-va-dokumentazda-rekon.html>
338. ХІасанов, М. Сайгид ГІободияв. МахІачхъала: ХъахІабросо, 2019. – 205 гъ.
339. Ханаев, С. Къоло цойилаб гІасру / С. Ханаев // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2009/10/10/6063?ysclid=m9u84d6jhl568940217>
340. Ханаев, С. МахІачхъала жакъа / С. Ханаев // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2010/02/08/6626?ysclid=m9sudoohd5228416050>
341. ХІамзатов, Р. Дир Дагъистан: тІоцебесеб на кІиабилеб тІехъ / Р. ХІамзатов. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2008. – 454 гъ.
342. Хочбаров, Г. Эбелалъул хур / Г. Хочбаров // Гъудуллъи. – 2016. – № 2. – Гъ. 56-66.
343. Хъахабросолъа, М. Рокъиян къерилал, къалан гІолилал... / М. Хъахабросолъа // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2010/03/04/6447>
344. ЦІияб нухдасан. – 2016. – 19 августа.
345. ЦІумадисезул гъаракъ = Голос Цумады. – 2017. – № 40
346. Цадаса, Г. Айдемир и Умайганат / Г. Цадаса. – URL: <https://chirke.dagestanschool.ru/file/download/132>
347. Цадаса, Г. ГІумруялъул дарсал / Г. Цадаса. – URL: <https://daghistan.ru/03/tcadasa/darsal.htm>
348. Цадаса, Г. Мудрость / Г. Цадаса. – Махачкала: Эпоха, 2007. – 100 с.
349. Чанка. МестІерухъа ясалде / Чанка. – URL: <https://daghistan.ru/03/chanka/rokul/mesteruh.htm>

350. Шахтаманов, М.-С. Щивав кечІ хъвалев чи шагІир кколаро / М.-С. Шахтаманов // Shah-han. – URL: <https://shach-han.blogspot.com/2013/11/i-i-i-i-i-i.html>

351. Юсупов, А. Терактал бальго гъариялъ инвесторал рачІинадай нилъехъе? / А. Юсупов // Миллат. – 2011. – 21 окт.